

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*РУССКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ*

№ 1 / 2014

Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

№ 1

Выходит 6 раз в год

2014

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 25.05. 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 25.05. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik-mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 1

Issued 6 times a year

2014

Series «RUSSIAN PHILOLOGY»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Никитин О.В. – д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф.м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коницев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.филол.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.филол.н., проф. МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл. ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Ху Гумин – д.фил.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
O.V. Nikitin – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozerov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Head of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”
V.S. Pus’ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhua University (China)

Редакционная коллегия серии «Русская филология»
Series editorial board «Russian philology»

Ответственный редактор серии:

Лекант Павел Александрович, доктор филологических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора:
Шаповалова Татьяна Егоровна, доктор филологических наук, профессор
Ответственный секретарь:
Самсонов Николай Борисович, кандидат филологических наук, доцент
Члены редакционной коллегии:
Алексеева Любовь Федоровна, доктор филологических наук, профессор
Аношкина Вера Николаевна, доктор филологических наук, профессор
Леденева Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор
Киселева Ирина Александровна, доктор филологических наук, доцент
Копосов Лев Феодосьевич, доктор филологических наук, профессор
Шаталова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор
Воропаев Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)
Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)
Нагорный Игорь Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)
Петров Андрей Васильевич, доктор филологических наук, доцент (Институт филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск)
Рабиурская Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)
Аврамова Валентина Николова, доктор филологии, профессор (Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского, Болгария)
Вегвари Валентина, кандидат педагогических наук (Печский университет, руководитель Русского центра, Венгрия)
Гладров Вольфганг, доктор, профессор (Берлинский университет имени Гумбольдта, Германия)
Гржибкова Радка, доктор (Карлов университета, Чехия)
Гусман-Тирадо Рафаэль, доктор филологических наук, профессор (Гранадский университет, Испания)
Догнал Йосеф, кандидат филологических наук, доктор философии, доцент (Институт славистики Университета им. Масарика, Чешская Республика)
Колларова Эва, профессор, кандидат наук (Институт русско-словацких культурных исследований Католического университета в Ружомберке, Словакия)
Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)
Финк-Арсовски Желька, доктор филологических наук, профессор (Загребский университет, Хорватия)
Шеншина В.А., лектор (Хельсинки университет, Финляндия)

Editor-in-chief -

P.A. Lecant, Doctor of Philology, Professor
Deputy editor-in-chief -
T.Ye. Shapovalova, Doctor of Philology, Professor
Executive secretary of the series:
N.B. Samsonov, Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor
Members of Editorial Board:
L.F. Alekseyeva, Doctor of Philology, Professor
V.N. Anoshkina, Doctor of Philology, Professor
V.V. Ledeneva, Doctor of Philology, Professor
I.A. Kiseleva, Doctor of Philology, Associate Professor
L.F. Koposov, Doctor of Philology, Professor
O.V. Shatalova, Doctor of Philology, Professor
V.A. Voropayev, Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University)
A.V. Motorin, Doctor of Philology, Professor (the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)
I.A. Nagorny, Doctor of Philology, Professor (Belgorod State National Research University)
A.V. Petrov, Doctor of Philology, Associate Professor (the Institute of Philology and Cross-Cultural Communication of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov)
L.V. Ratsiburskaya, Doctor of Philology, Professor (N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod)
V.N. Avramova, Doctor of Philology, Professor (University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav, Bulgaria)
V. Vegvari, Ph.D. in Pedagogical Sciences (University of Pécs, Hungary)
V. Gladrov, Doctor of Philology, Professor (Humboldt University of Berlin, Germany);
R. Grzhibkova, Doctor (Charles University, Czech Republic);
R. Guzmán Tirado, Doctor of Philology, Professor (the University of Granada, Spain)
R. Guzmán Tirado, Doctor of Philology, Professor (the University of Granada, Spain)
J. Dohnal, Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor (the Institute of Slavonic Studies, Masaryk University, Czech Republic)
E. Kollarova, Professor, Candidate of Sciences (Institute of Russian-Slovak Cultural Studies of the Catholic University in Ruzomberok, Slovakia)
B. Yu. Norman, Doctor of Philology, Professor (the Belarusian State University, the Republic of Belarus)
Ž. Fink Arsovski, Doctor of Philology, Professor (the University of Zagreb, Croatia)
V.A. Shenshina, Lecturer of Helsinki University (Finland);

ISSN 2072-8522

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2014. – № 1. – М.: ИИУ МГОУ. – 150 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство **ПИ № ФС77-26173**.

Индекс серии «Русская филология»
по каталогу агентства «Роспечать» **36761**

© МГОУ, 2014.
© ИИУ МГОУ, 2014.

ISSN 2072-8522

Bulletin of the MSRU. Series «Russian Philology». – 2014. – № 1. – М.: MSRU Publishing house. – 150 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate **ПИ № ФС77-26173**.

Index series « Russian Philology » under
"Rospechat" agency catalog **36761**

© MSRU, 2014.
© MSRU Publishing house, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

Муратова Е.Ю. СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ КОМПАРАТИВНЫХ И КРАТКИХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	7
Осипова Е.П. РЯЗАНСКАЯ СКАЗКА XX ВЕКА КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ.....	11
Ступникова Л.Г. ФОРМЫ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ РИТОРИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫМИ ПОСТРОЕНИЯМИ В ПОЭМЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЁРКИН»	16
Тимошенко И.В. К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	21
Фадеева Т.М. МЕСТО СЛОЖНОГО ЭПИТЕТА В ПОЭТИКЕ ИМАЖИНИЗМА	26
Цынк С.В. РЕФЕРЕНТНЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ»	30
Щемелинина И.Н. СЛАВЯНСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОЧИНЕНИИ Г. КОТОШИХИНА «О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»: ХАРАКТЕР И УСЛОВИЯ ИХ АДАПТАЦИИ К РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ	35

Публикации аспирантов

Бугаенко М.А. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА	40
Воробьёва Н.Ю. ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В «АФРИКАНСКОМ ДНЕВНИКЕ» НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА КАК ОТРАЖЕНИЕ СФЕРЫ ИНТЕРЕСОВ ПОЭТА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА.....	44
Воропаева О.В. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОКОНЦЕПТОВ «ДУХ» И «ДУША» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.....	50
Гушкова Л.В. СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА».....	56
Новикова А.С. ПОКАЗАТЕЛИ ВЫВОДА ЗНАЧИТ, СТАЛО БЫТЬ, ВЫХОДИТ: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ	61
Петрова Н.С. ОБ ЭКСПЕРИМЕНТЕ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТА С КУПИРОВАННЫМИ ВТОРОСТЕПЕННЫМИ ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	66
Родина Н.А. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БЫТОВАНИЯ МОЛОДЁЖНЫХ ПРОЗВИЩ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗВИЩ Г. СМОЛЕНСКА).....	71
Садовская О.М. К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА.....	76
Салтыкова А.А. ИМПЛИЦИТНАЯ ОЦЕНКА В СВЯЗИ С ДРУГИМИ МОДАЛЬНОСТЯМИ	81
Степаненкова Т.В. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЖЕНЩИНА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА ПОСЛОВИЦ РУССКОГО НАРОДА В.И. ДАЛЯ)	87
У Бо К ВОПРОСУ О ВЕЖЛИВОСТИ КАК СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЙ (НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЙ РЕЧЕВОГО ЖАНРА БЛАГОДАРНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ).....	92

ЛИТЕРАТУРА

Панова О.Ю. К ИСТОРИИ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ: ЖАНР ПРИЗНАНИЙ ПРЕСТУПНИКОВ В XII В. И СКЛАДЫВАНИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА	101
Черная Т.К. ПОЭТИКА КАВКАЗСКОГО МИФА В СТИХОТВРЕНИИ «ДАРЫ ТЕРЕКА» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА.....	107

Публикации аспирантов

Горемыкина М.В. О МИРОВОЗЗРЕНИИ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА РАННЕГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА	114
Кирпичникова А.А. ПРЕДКЛАССИЦИЗМ: ДИНАМИКА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ	119
Матвеев В.М. Е.А. САЛИАС-ДЕ-ТУРНЕМИР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНИСТ: ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА ПИСАТЕЛЯ.....	126
Фельдман Е.А. НОВАТОРСКИЙ ВКЛАД С.М. БАРКЕР В РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ «ПОЭЗИИ О ПРИРОДЕ»	130
Чупринова Н.В. ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ САЛОНОВ НА ЖЕНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ» В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЛАСТНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.....	141
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

«КАНОН» ЛИТЕРАТУРОВЕДА-РУСИСТА ИРИНЫ ЗАХАРИЕВОЙ	143
НАШИ АВТОРЫ.....	146

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

Y. Muratova. SEMANTIC ROLE OF COMPARATIVE AND SHORT FORMS OF AN ADJECTIVE IN THE POETIC TEXT	7
E. Osipova. RYAZAN FOLK FAIRYTALE OF THE 20TH CENTURY AS AN OBJECT OF HISTORICAL DIALECTOLOGY	11
L. Stupnikova. FORMS, SEMANTICS, FUNCTIONS OF RHETORICAL STATEMENTS WITH PHRASEOLOGICAL CONSTRUCTIONS IN A. TVARDOVSKY'S POEM «VASILY TERKIN»	16
I. Timoshenko. ON THE QUESTION OF REALIZATION OF GRAMMATICAL CATEGORY OF THE IMPERATIVE MOOD AS A PART OF PHRASEOLOGICAL UNITS	21
T. Fadeeva. COMPLEX EPITHET'S PLACE IN THE POETICS OF IMAGINISM	26
S. Tsynk. REFERENTIAL TYPES OF SENTENCES IN THE HISTORICAL ESSAY "TWO HUNDRED YEARS TOGETHER" BY A. SOLZHENITSYN.....	30
I. Shchemelinina. SLAVIC UNITS IN THE G. KOTOSHIKHIN'S WORK «ON RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXEY MIKHAILOVICH»: NATURE AND CONDITIONS OF THEIR ADAPTATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM	35

Publications of post-graduate students

M. Bugaenko. LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF NAMES OF PERSONS ACCORDING TO THEIR ACTIVITIES IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY	40
N. Vorobyova. THE EXOTIC VOCABULARY IN «AFRICAN DIARY» BY NIKOLAY GUMILEV AS A REFLECTION OF THE SPHERES OF INTERESTS OF THE POET THE TRAVELER.....	44
O. Voropaeva. WORD-FORMATIVE POTENTIAL OF THE LINGUISTIC CONCEPTS "SPIRIT" AND "SOUL" IN THE HISTORY OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE.....	50
L. Huskova. MEANS OF STRENGTHENING THE EXPRESSIVENESS AND EMOTIONALITY OF TEXT IN N. GOGOL'S STORY «TARAS BULBA»	56
A. Novikova. MARKERS OF CONCLUSION ЗНАЧИТ, СТАЛО БЫТЬ, ВЫХОДИТ: NUANCES OF USAGE.....	61
N. Petrova. ON THE EXPERIMENT TO RESTORE THE TEXT WITH OMITTED MINOR MEMBERS OF A SENTENCE	66
N. Rodina. GENDER ASPECT OF AN EXISTING OF YOUTH NICKNAMES (ON THE EXAMPLE OF NICKNAMES OF SMOLENSK).....	71
O. Sadovskaya. ON THE QUESTION OF APPROACHES TO THE STUDY OF SEMANTIC RELATIONS AND LEXIS.....	76
A. Saltykova. IMPLICATED APPRAISAL ON THE GROUNDS OF OTHER MODALITIES.....	81
T. Stepanenkova. LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECT OF S PAREMIOLOGICAL FIELD WOMAN IN RUSSIAN (ON V. DAHL'S COLLECTION OF RUSSIAN NATIONAL PROVERBS)	87
Wu Bo. ON THE QUESTION OF POLITENESS AS A SYSTEM OF STRATEGIES (ON THE BASIS OF COMPARISON OF STRATEGIES OF THE SPEECH GENRE OF GRATITUDE IN RUSSIAN AND CHINESE).....	92

LITERATURE

O. Panova. ON THE BEGINNINGS OF THE AFRICAN AMERICAN LITERARY TRADITION: CRIMINAL CONFESSIONS OF THE 18 th CENTURY AND THE MAKING OF BLACK AMERICAN AUTOBIOGRAPHY	101
T. Chernaya. POETICS OF CAUCASIAN MYTH IN POEM OF M. LERMONTOV "THE GIFTS OF TEREK"	107

Publications of post-graduate students

M. Goremykina. ON THE OUTLOOK OF WILHELM KUCHELBECKER IN HIS EARLY WORKS	114
A. Kirpichnikova. PRE-CLASSICISM: DYNAMICS OF INTERPRETATIONS	119
V. Matveev. E. SALIAS DE TOURNEMIRE AS A HISTORICAL NOVELIST: THE ORIGINS OF THE ARTISTIC MASTERY OF THE WRITER	126
E. Feldman. CECILY MARY BARKER'S INNOVATIVE INPUT TO THE DEVELOPMENT OF ENGLISH CHILDREN'S NATURE POETRY	130
N. Chuprinova. THE INFLUENCE OF THE LITERARY SALONS ON THE WOMEN'S LITERATURE IN THE FIRST PART OF THE 19 th CENTURY	135

THE SCIENTIFIC LIFE

RUSSIAN CONFERENCE «RATIONAL AND EMOTIONAL IN THE RUSSIAN LANGUAGE» MOSCOW STATE REGIONAL UNIVERSITY	141
--	-----

REVIEW

«CANON» OF THE RUSSIAN LITERARY CRITIC IRINA ZAKHARIEVA	143
OUR AUTHORS	146

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'37

Муратова Е.Ю.

Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова (Республика Беларусь)

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ КОМПАРАТИВНЫХ И КРАТКИХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Y. Muratova

P. Masherov Vitebsk State University (Republic of Belarus)

SEMANTIC ROLE OF COMPARATIVE AND SHORT FORMS OF AN ADJECTIVE IN THE POETIC TEXT

Аннотация. В статье исследуется смыслопорождающая роль компаративных и кратких форм прилагательного в поэтическом тексте. Анализируются краткие формы, образованные от качественных прилагательных. Доказывается, что имена прилагательные играют важную текстообразующую роль в поэтическом тексте. Показывается художественная роль кратких и компаративных форм, образованных от относительных прилагательных. Выявляется, что между качественными и относительными прилагательными могут развиваться диффузные процессы в поэтическом тексте.

Ключевые слова: прилагательное, форма прилагательного, смыслопорождение, признак, нестандартность, синкретизм.

Abstract. This article examines the meaning-generating role of comparative and short forms of an adjective in the poetic text. The short forms derived from qualitative adjectives are analyzed. It is proved that adjectives play a highly important text-forming role in a poetic text. The paper also presents an artistic role of short and comparative forms derived from relative adjectives. The author argues that between qualitative and relative adjectives diffuse processes in poetic texts may develop.

Keywords: adjective, adjective form, meaning-generation, sign, originality, syncretism.

Грамматика представляет собой строго организованную систему, развивающуюся по своим внутренним законам, но, тем не менее, она обнаруживает подвижность и гибкость, активно реализуя языковые потенции. Изучение грамматики лирического текста опирается на представление о наличии «особого уровня грамматической образности в поэтическом тексте» [8, с. 348]. М. Хайдеггер писал: «Язык обладает той особенностью, что мы в нём живём, ему доверены, обычно не направляя при этом на него своё внимание, и, таким образом, не замечаем его в его самости» [6, с. 42]. Выход из этого положения М. Хайдеггер находит в поэзии, в частности, он утверждал, что грамматические категории в поэтическом тексте

стремятся к тому, чтобы стать сущностными характеристиками создаваемого художественного мира. Концентрация определённых грамматических единиц и тем самым выделение их в структуре поэтического текста отражают образ мира, воспринимаемого поэтом, эксплицируют важные и актуальные для автора смыслы.

Грамматическая составляющая семантического плана поэтического текста проявляется и эксплицируется на уровне разных частей речи, при помощи которых реконструируется «дохудожественная» действительность, из которой автор творит свой художественный мир. Так, существительные свидетельствуют о том, из каких предметов и явлений складывается для поэта мир; прилагательные фиксируют признаки и качества, глаголы – действия и движения. Исходя из объективного структурирования действительности, в которой главными являются предметы, явления, их качества и свойства, а также способы действия и движения, наиболее интенсивное открытие языковых потенциалов наблюдается при использовании в поэзии трёх основных частей речи – существительного, прилагательного и глагола.

В данной статье мы хотим исследовать роль компаративных и кратких форм прилагательных в формировании глубинных художественных смыслов поэтического текста.

Ещё В.В. Виноградов, анализируя творчество А.А. Ахматовой, писал, что имена прилагательные играют повышенную смысловую и текстообразующую роль: попадая в текст, они становятся его «смысловыми фокусами», перекликающимися на расстоянии», и выступают как «эмоциональный смысловой стержень композиции, решительно изменяют значение и назначение всех словесных частей стихотворения» [2, с. 573].

Особенностью функционирования прилагательного в поэтическом тексте является то, что между качественными и относительными прилагательными могут развиваться диффузные процессы. Морфологические отличия качественных прилагательных от

относительных не являются абсолютными и в естественном языке, в поэзии же их условность и изменчивость порождает развитие качественных оттенков у относительных прилагательных, что приводит к расширению круга кратких форм, образованных от относительных прилагательных.

Нестандартные формы сравнительной степени прилагательных проявляются двояко. Одна группа представлена формами сравнительной степени, стандартно образованными от качественных прилагательных. Эти формы прилагательных не противоречат системе языка, потенциально в нём возможны, но, тем не менее, в узусе не используются. Ещё А.М. Пешковский писал: «Прилагательные *слепой, хромой, глухой* в их основных значениях лишь с огромным трудом образуют степени сравнения – мы затрудняемся сказать про человека, что он *слепее, хромее, глуше* другого. И это потому, что сами качества то эти представляются нам абсолютными, не могущими изменяться количественно» [цит. по: 3, с. 171]. В современной поэзии такие формы прилагательных становятся источниками особой экспрессии и порождения новых оттенков смысла: 1. *Но лучшие всего, всех **стойче** – / Ты, – мой наколенный стол!* 2. ***Тяжче** камня – / Плотский пламень!* 3. ***Метче** гибкого хлыста.* 6. *Палестинские жилы! – Смоли **тяжелее*** (М. Цветаева).

Вторую группу составляют компаративные формы прилагательных, обозначающих признак, постоянно присущий предмету, и этот признак, следовательно, не может быть измерен, не может проявляться в большей или меньшей степени. Основу этой группы представляют относительные прилагательные, называющие объективно существующие статичные свойства предметов (хотя семантические ограничения в языке могут иметь и качественные прилагательные): 1. *Пусть ни единой травки, / **Площе**, чем на столе...* 2. ***Снеговее** скатерти, / Мертвец – весь сказ! / Вся-то кровь до капельки / К губам собралась!* 3. *Двух звёзд моих не видишь – ибо / Нашёл – **вечнее*** (М. Цветаева). 1. *Короткая*

гибель под царскою лаской --/ **навечнее** пагубы денной и нощной. 2. Но что-то – есть: **настойчивей! крылатей!** / То ль всплеск воды, то ль проблеск карасей! (Б. Ахмадулина). Я шутя её коснулся, / Не любя её зажжёг. / Но, увидев яркий пламень, / Я – всегда **мертвей**, чем камень, – / Ужаснулся... (К. Бальмонт). Как видим, в компаративных формах от относительных прилагательных актуализируются все их качественные потенции, при этом относительное прилагательное не переходит в качественное, но приобретает значительно большую семантическую ёмкость, выражая одновременно несколько смыслов.

В строчках М. Цветаевой: *По набережным, где седые деревья / По следу Офелии... (Она ожерелья / Сняла, – не наряженной же умирать!)* / Но всё же / (Раз смертного ложа – **неможней** / Нам быть нежеланной! Раз это несносно / И в смерти... выявляется окказиональная компаративная форма **неможней**. Данная лексема, с одной стороны, может являться сравнительной степенью от категории состояния (не)можно (в значении «нельзя»), которая не употребляется в узусе, но в языковой системе вполне оправдана. Также учтём, что сама М. Цветаева использовала подобную форму в своих стихах: *Вздых торжествующего долга / Где непреложное: «не можно».... Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!* С другой стороны, в языке существует общеупотребительное слово **невозможный**, и **неможней** может являться его модификацией. Как показывает контекст, поэт использует именно эту форму как семантически более ёмкую, в ней сильнее и глубиннее проявляется внутренняя форма слова **не+мочь**: «не быть в состоянии».

В поэзии могут специфично проявляться краткие формы прилагательных. О способности качественных прилагательных иметь краткую форму В.В. Виноградов писал следующее: «Краткие формы присущи лишь тем качественным прилагательным, которые допускают видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени и приписываемое

лицу или предмету. Качества, являющиеся неподвижными, постоянными, вневременными свойствами предметов или лиц или служащие терминологическими обозначениями признаков тех или иных родов и видов предметов, не могут выражаться краткой формой имени прилагательного... Полные прилагательные даже в предикативном употреблении обозначают, что признак в предмете пребывает постоянно, что существование признака охватывает весь период бытия предмета. Напротив, краткие прилагательные выражают, что признак в предмете пребывает непостоянно, является временным его состоянием» [3, с. 213, 220].

Среди кратких прилагательных, вносящих в поэтический текст семантическую глубину и экспрессивность, выделяются две группы. К первой относятся краткие формы, стандартно образованные от полных качественных прилагательных, но не функционирующие в узусе; ко второй – краткие формы, образованные от относительных прилагательных, что является нехарактерным для русской языковой системы. Образование краткой формы от относительных прилагательных системно обусловлено развитием нового качественного значения у относительного прилагательного, благодаря чему краткая форма получает специфические экспрессивные свойства. 1. Я – вчуже ей, **южна и чужестранна**. / Она не **сообщительна** в цвету. 2. Земля была **безвидна** и пуста (Б. Ахмадулина). 1. **Бездонный** день – огромен и **пунцов**. / Поднос Шелони – чёрен и **свинцов**. 2. **Ещё** спутан и свеж **первопут**ок, / **Ещё** чуток и **жут**ок, как **вест**ь. 3. Был **чист** **каток**, и **шесть** был **шато**к... Был юн **матрос**, а **ветер** – **юрок** (Б. Пастернак).

В лирике фиксируются краткие формы, образованные от адъективированных причастий (особенно этот тип образования характерен для творчества М. Цветаевой): 1. Рот **невинен** и **распущен**. 2. **Разъединил** бы **зряц** / Елену с Ахиллесом? 3. Ваш рот, **надменен** и **влекущ**, / Был **сжат** – и было всё **понятно**; а также краткие формы прилага-

тельных, образованные от страдательных причастий: – *Лжемариною / В сизые гряды! – / Я княгиня твоя / Безоглядна... / (Не гордыня ли / Неодоленна твоя, / Неомоленна твоя? / Проваленна твоя!) / Недотрога твоя / Необгонна*. Кроме того, в поэтических текстах являются краткие формы прилагательных, образованные от страдательных причастий, например: – *Лжемариною / В сизые гряды! – / Я княгиня твоя / Безоглядна... / (Не гордыня ли / Неодоленна твоя, / Неомоленна твоя? / Проваленна твоя!) / Недотрога твоя / Необгонна* (М. Цветаева). Как писал В.В. Виноградов, процесс распада глагольности в системе причастий на - *нный* очень жив и интенсив в современном русском языке, но формы причастий на - *нный* и - *тый* непродуктивны. Функционирующие в настоящее время в узусе формы таких причастий – типа *тёртый, читанный, писанный* – немногочисленны. Но, как показывает контекст, в данном стихотворении поэт не только активно использует «неактивную» языковую модель образования кратких форм прилагательного, но и создаёт эти формы на базе окказиональных полных причастий *неодоленный, неомоленный, проваленный, необгонный*.

Таким образом, в поэтическом языке наблюдается специфическое функционирование компаративных форм прилагательных. Условность и изменчивость качественных

и относительных прилагательных приводит в поэтическом тексте к расширению круга кратких форм, образованных от относительных прилагательных. В компаративных формах от относительных прилагательных проявляются все их качественные потенции. В результате данные формы прилагательных становятся источниками самоорганизации новых, глубинных смыслов поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахмадулина Б. Друзей моих прекрасные черты. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 464 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов. – 20-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1988 – 748 с.
5. Пастернак Б. Строку диктует чувство: стихотворения. – М.: ЭКСМО, 2002. – 413 с.
6. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии: пять ключевых слов // Логос. – 1991. – № 1. – С. 37–47.
7. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.
8. Цивьян Т.В. Наблюдения над категорией определённости – неопределённости в поэтическом тексте (поэтика А. Ахматовой). // Категория определённости – неопределённости в славянских и балканских языках / отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1979. – С. 348–363.

УДК 482 – 087

Осипова Е.П.

Московский государственный областной университет

**РЯЗАНСКАЯ СКАЗКА XX ВЕКА
КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ**

E. Osipova

Moscow State Regional University

**RYAZAN FOLK FAIRYTALE OF THE 20TH CENTURY
AS AN OBJECT OF HISTORICAL DIALECTOLOGY**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности изучения рязанской диалектной лексики на материале рязанской сказки. Бытование в устной форме определяет диалектный характер сказки, т. к. рассказчик является носителем определённого говора. Диалектные особенности проявляются в фольклоре в зависимости от жанровой принадлежности текста. Современная фольклорная сказка включает как традиционные диалектные элементы, так и новые слова и обороты как обозначение реалий нашего времени. В текстах наряду с отдельными случаями фонетических и грамматических явлений встречается значительное число лексических и семантических диалектизмов, передающих местный языковой и культурный (бытовой) колорит.

Ключевые слова: фольклор, лингвокультурология, этнолингвистика, диалектология, жанр сказки, лексический диалектизм, семантический диалектизм.

Abstract. The article deals with the possibility of studying Ryazan dialect vocabulary on the material of the Ryazan folk fairytale. Its oral form defines the dialect nature of the fairytale as the narrator represents some certain patois. The extent to which peculiarities of the dialect become apparent in folklore depends on the genre of the text. The modern folk fairytale includes both traditional dialect elements and new words and phrases that represent modern reality. Along with separate cases of phonetic and grammatical phenomena one comes across a significant number of examples of lexical and semantic dialecticisms that express local language's and everyday culture's flavour.

Keywords: folklore, linguistic and cultural studies, ethnolinguistic studies, dialectology, genre of fairytale, semantic dialecticism, lexical dialecticism.

Одним из актуальных и востребованных направлений современного отечественного языкознания является изучение той части лексики русского языка, которая отражает культурные коды нации. Проблемы изучения диалектной лексики, несмотря на усиление к ним внимания в последнее десятилетие в связи с созданием «Лексического атласа русских народных говоров», всё ещё принадлежат к числу недостаточно разработанных. Перед лингвистами стоит задача выявления всего корпуса региональной лексики [5, с. 49]. Здесь сосредоточено множество таких вопросов, разработка которых чрезвычайно важна для заполнения лакун, существующих в изучении соотношения языка и истории материальной и духовной культуры народа, языка и комплекса представлений, верований и т. д. Одним из таких аспектов следует признать лингвокультурологическое изучение диалектной лексики в произведениях устного народного творчества.

К вопросу о соотношении диалекта и языка фольклора обращались в своих работах П.Г. Богатырёв [2], И.А. Оссоветский [7; 8], С.Е. Никитина [6], О.И. Богословская [3], А.Т. Хро-

ленко [1], М.А. Бобунова [1], С.П. Праведников [9; 10], Г.Я. Узилевский [14] и другие. При всём разнообразии подходов исследователей объединяет отношение к фольклорному тексту как особой форме существования диалекта. В настоящее время идеи фольклорной диалектологии активно развиваются представителями курской школы лингвофольклористики, считающими язык русского фольклора функционально-стилевой разновидностью диалекта.

Объектом лингвистического изучения могут стать исторические сказания, сказки, частушки, лирические народные и исторические песни. Отметим, что диалектные особенности проявляются в фольклоре в зависимости от жанровой принадлежности текста. В каждом из жанров местные особенности речи отражаются своеобразно: в частушках чаще встречаются звуковые (фонетические) особенности, в исторических сказаниях и песнях — архаизмы, уходящие или ушедшие из лексической системы современного говора. В сказках же значительными примерами представлены лексические и семантические диалектизмы. Как видим, жанровые разновидности устной народной поэзии позволяют многопланово исследовать местную речь и особенности её отражения в произведениях устного народного творчества. Данная статья представляет собой описание особенностей использования диалектной лексики в сборнике «Сказки земли Рязанской».

Сказка продолжает жить в современной рязанской деревне. Фольклорной сказке присуща своя специфика в построении, языке, использовании традиционных сказочных элементов. В ней сохраняются народные верования, нравственные установки. Вместе с тем в фантазии сказок отражается реальная жизнь, труд и быт крестьянина, черты местности, в которой она бытует. Существование в разговорной (бесписьменной) форме определяет, несмотря на специфику фольклорной сказки, её диалектный характер, ведь именно «устная, бесписьменная передача культурной традиции не в меньшей, а скорее даже

в большей степени обеспечивает глубину исторической памяти» [15, с. 4]. В сюжетном отношении волшебные и бытовые сказки сборника «Сказки земли Рязанской» не оригинальны, они являются местными вариантами традиционных сказочных сюжетов. Их рассказывают жители конкретной местности в соответствии с языковой традицией, поэтому в речи рассказчика (диалектоносителя) проявляются черты, свойственные определённому говору.

Фольклористы, записывавшие рязанские сказки, не ставили задачу точной фиксации звуковых и грамматических особенностей рязанских говоров, поэтому зафиксированы лишь единичные случаи фонетических, акцентологических диалектизмов. В «Сказках земли Рязанской» нашли отражение некоторые грамматические особенности рязанских говоров. Так, в рязанских говорах и теперь в речи представителей старшего поколения бытует форма *церква*, изменяющаяся по 1 склонению. В сказке «Про барина и работника» находим: «...полгода я буду в *церкву* ходить, а полгода ты» [11, с. 77].

Отметим особенности диалектных форм существительных родительного падежа множественного числа. В рязанских говорах, как и в некоторых других русских говорах, окончание *-ов*, *-ев* проявляет активность, распространяясь как на существительные мужского рода с основой на мягкий согласный, так и на существительные среднего и женского рода, стремясь стать единым окончанием родительного падежа множественного числа. Эта тенденция находит отражение и в текстах сказок: *Другие-то матери сыновья* **особливыми словами провожают**» [10, с. 86]; *Семья у него была-то большая: жена да шесть малых ребятёнков* [11, с. 77].

Встретился единичный случай использования стяженной формы прилагательного: *Зашёл в церквушку — всё не по-нашему: свечи морковные, иконы лубошны* [11, с. 70].

Некоторые примеры указывают на специфику диалектных форм глаголов. В частности, явления чередования согласных в конце

основы глагола. В основном это касается тех подклассов глаголов 1 спряжения, в которых основа настоящего времени оканчивается на задненёбный -к и -г. Глагольные парадигмы с отсутствием перехода задненёбных в шипящие — одна из ярких диалектных черт. В рязанской сказке «Лгун Фёдор-портной» используется глагольная форма *волокет*: «*Петух цап месяц и наземь стащил, волокет по земле, куры за ним в драку*» [11, с. 79]. В рязанских говорах нередко на месте -ти в форме инфинитива употребляется -ть, что находит отражение и в фольклорных текстах. Например, в «Сказке про Ивана-царевича»: *Жеребёночка приобрести ему хотелось, вишь ли* [11, с. 40]. Нередко в сознании диалектоносителя не различаются суффиксы -ся и -сь в возвратных формах глагола, что нашло отражение в сказке «Глупый волк»: - *Погоди, волк, немного-то, я умоюся, а то грязного-то плохо есть* [11, с. 105]; в сказке «Чудесная скатерть»: *Старуха убралася и пошла* [11, с. 64].

Фольклорные тексты представляют значительный материал для изучения лексического состава говоров. В рязанских сказках встречаются лексемы, которые придают текстам местный колорит. Достигается это использованием слов, являющихся наименованиями жилых и хозяйственных построек, предметов домашней утвари, одежды и других тематических групп.

В сказках встречаются лексемы, дающие представление об устройстве крестьянского жилища, общим наименованием которого является слово *изба*: *Отвёз он её в лес, в избёнку холодную... Сидит девочка в избе и видит, медведь идёт, а за плечами у него конопля* [11, с. 43]. В сказке «Липунюшка», записанной в с. Больше-Агишёво Шацкого района встречается: *Рубила бабка капусту, рубила и отрубала себе палец. Долго бабка кричала, а потом завернула его в тряпочку и положила в гарнушку* [11, с. 33]. По данным картотеки Рязанского областного словаря, в рязанских говорах лексема *гарнушка* служит наименованием печурки – отверстия в боку печи. Наличие *печурок* — особенность

в устройстве русской печи. А *Иван кольцо в матку положил, сам лёг спать* [11, с. 29]. По данным СРНГ, картотеки Рязанского областного словаря, *матка* – это ‘брус, служащий опорой для потолка, ареал бытования – пензенские, нижегородские, владимирские, московские говоры’ [12, с. 31], а в Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) лексема *матка* обозначает старую картофелину, из которой развивается новый куст и отделяются молодые клубни и корни [13, с. 290].

Среди названий жилища встречаются и семантические диалектизмы — слова, известные литературному языку, но бытующие в говоре в ином значении: *Она выходит из чулана и говорит старосте: «Вы немножко обождите, я с вами разочтусь»* [11, с. 80]; *А дед залез на потолок и говорит волку: «Лезь ко мне»* [11, с. 104]. Контекстное окружение слова указывает на то, что *чулан* обозначает кухню, *потолок* — чердак, чердачное помещение, в котором сушили травы, яблоки, хранили часть вещей, в настоящее время старые.

В текстах рязанских сказок значительную группу составляют слова, обозначающие предметы домашней утвари. Широкое распространение в рязанских говорах имеет слово *дежа* — квашня; кадка, в которой квасят и месят тесто на хлеб. В сказке «Причуда», записанной в с. Шаморга Шацкого района, рассказчик говорит: «...*дежа поставлена, хлеб замеси и испеки*» [11, с. 79]. В с. Заборье Рязанского района записана сказка «Про Гришку-дурачка», в которой упоминается другой вид посуды: *Вот Акимка уехал в лес, а дурачок на печи лежит, а там мастюшки жарились; И давай кидаться мастюшками да приговаривать: «Жените вы меня али нет?»* [11, с. 95]. Составителями сборника рязанских сказок слово *мастюшка* толкуется лаконично: горшок, махотка, что достаточно для понимания сказки. Картотека Рязанского областного словаря и СРНГ содержат более подробное описание данного предмета:

мастюшка — ‘глиняный горшок с ручкой сбоку, в котором обычно варили кашу для детей, хранили молоко или держали масло, сметану’ [12, с. 18].

Я взял это, поймал курушку, привязал всех цыплят к ней верёвочкой и пустил, поставил дежу на пол месить, **поставу** привязал к задку и думаю: «Буду хлебы месить, а у меня масло **спахтается**» [11, с. 79], где **постава** — посуда, в которой сбивают масло.

Все приведённые в качестве иллюстраций слова являются частью традиционного лексического фонда рязанских говоров. В то же время в текстах сказок наблюдаются слова-дубликаты, обозначающие один предмет, явление, признак, действие, но имеющие разное распространение: местное или литературное (например, *изба* и *дом*, *мастюшка* и *горшок*). Возможно, применительно к современным носителям диалекта можно говорить в какой-то степени о двуязычии. В их речи, как видим, сохраняются многочисленные лексические и семантические диалектизмы, одновременно под влиянием общего процесса нивелирования местных говоров присутствуют слова и формы, входящие в русский литературный язык. Современное состояние диалектов, взаимодействие с литературным языком, неоднозначность данного процесса нашли своё отражение не только в обиходно-бытовых текстах, но и в произведениях устного народного творчества, в том числе в языке рязанских сказок. В традиционный стиль сказочного (архаического) повествования проникают новые слова, не бытовавшие прежде в говоре. В современной сказке отмечается нарушение стилового единства: в бытовую интонацию вклиниваются элементы официально-деловой окраски или использование сниженных, обиходных элементов там, где повествование требует торжественных, традиционных сказочных форм. Примеры подобных стилистических несоответствий не единичны: Марья-царевна «**выстрелила из нагана**» [11, с. 54], лошадам «**сделали мобилизацию**» [11, с. 38], помещик «**собрал ...комиссию, пошли дом**

принимать» [11, с. 29], «спрашивает у приказчика: «не нужен ли вам **работник прилавка?**» – Оказалось, что в **одной секции нужен продавец. Оформилась она на работу** и стала жить себе здесь» [11, с. 25].

Парадоксально, но «неологизмы» не разрушают народную сказку, и своеобразие фольклорной речи, в том числе диалектной, сохраняется. Таким образом, сказки — интересный, богатый источник изучения диалектной лексики, особенно той её части, которая передаёт местный колорит. Сказка иллюстрирует особый характер введения диалектизмов в фольклорный текст, в ней отражается процесс изменения говоров.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобунова М.А., Праведников С.П., Хроленко А.Т. Проблемы фольклорной диалектологии. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2003. – 72 с.
2. Богатырёв П.Г. Язык фольклора // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 106-116.
3. Богословская О.И. Язык фольклора и диалект. Учебное пособие по спецкурсу. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1985. – 72 с.
4. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII - XX вв. – М. – Л., 1963. – 348 с.
5. Кваша Ю.А. Аспекты изучения региональной лексики (на материале документов государственного архива Магаданской области) // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2012. – № 1. – С. 48 - 52.
6. Никитина С.Е. Устная народная культура как лингвистический объект // Известия Академии наук СССР. – Серия литературы и языка. – Т. 41. – 1982. – № 4. – С. 420 - 429.
7. Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66 — 73.
8. Оссовецкий И.А. Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М., 1958. – С. 172 - 190.
9. Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. – Курский гос. ун-т, 2010. – 231 с.
10. Праведников С.П. Устно-поэтическое слово как объект изучения фольклорной диалектологии // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2010. – № 2. – С. 53 - 56.

11. Сказки земли Рязанской / Отв. ред. Фридман Р.А. – Рязань: Рязанский гос. пед. ин-т, 1970. – 50 с.
12. Словарь русских народных говоров. – Л.: «Наука», 1982. – Вып. 18. – 367 с.
13. Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А.Оссовецкого. – М.: «Наука», 1969. – 612 с.
14. Узилевский Г.Я. Исследование волшебной сказки в XX веке: от изучения текста до выявления языка // Научно-техническая информация. – Серия 2. – 2003. – № 2. – С. 1 - 9.
15. Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 330 с.

УДК 81'367

Ступникова Л.Г.

Московский финансово-юридический университет

**ФОРМЫ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ
РИТОРИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
С ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫМИ ПОСТРОЕНИЯМИ
В ПОЭМЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЁРКИН»**

L. Stupnikova

Moscow Financial and Law University

**FORMS, SEMANTICS, FUNCTIONS OF RHETORICAL STATEMENTS
WITH PHRASEOLOGICAL CONSTRUCTIONS IN A. TVARDOVSKY'S POEM
«VASILY TERKIN»**

Аннотация. Система риторических высказываний (РВ) с фразеологизированными построениями в поэме А.Т. Твардовского «Василий Тёркин» отражает народность языка произведения. Типичными построениями являются РВ с прономинальным компонентом *кто*; РВ с частицей *что если* и подобными, РВ с частицей *разве*, относящиеся к партикулярно-риторическим (частично-риторическим) высказываниям; РВ прономинально-глагольной отрицательной модели; прономинально- (адвербиально)- инфинитивные РВ. Типичные функции РВ: эстетического воздействия; интенсификатора значения; развёртывания текста; когнитивная; приближения речи к устному рассказу и имитирующая; приближения читателя к народной стихии; стилизации речи под речь народную. Комплексное использование РВ составляет характерную черту идиостиля поэта.

Ключевые слова: риторическое высказывание, вопрос, восклицание, вопросительная форма, восклицательная форма, отрицание, утверждение, рассуждение.

Abstract. The rhetorical statements system with phraseological constructions in the poem by A. Tvardovsky «Vasily Terkin» reflects its national character of the language. Typical constructions are rhetorical statements with a pronoun component *кто*; rhetorical statements with a particle *что если* and alike, rhetorical statements with particle *разве*, rhetorical statements that are partly rhetorical; rhetorical statements of the name-verbal negative model; name- (adverb)- infinitive rhetorical statements. Typical functions of rhetorical statements are the following: aesthetic impact; intensifying of meaning; unfolding the text; cognitive function; stylization of the speech to the oral story; bringing the reader to the folk's nature. Complex use of rhetorical statements is characteristic of individual poet's style.

Keywords: a rhetorical statement, question, exclamation, the interrogative form, exclamation form, denial, statement, argument.

Необходимость изучения риторических высказываний (далее РВ) обусловлена всё меньшим использованием в настоящее время – начало XXI века – в устной и письменной речи высказываний в их непрямом смысле, следовательно, утратой языком своего богатства и разнообразия форм. Анализ использования РВ с точки зрения их форм, семантики и функций в тексте А.Т. Твардовского помогает напомнить о них как о неотъемлемой части великого русского языка и как о риторическом приёме создания экспрессивности. Актуальность

работы также обусловлена важностью личности и творчества А.Т. Твардовского для современного общества.

В данной работе мы будем использовать термин *риторическое высказывание* согласно определению, данному А.В. Канафьевой. РВ отличаются условностью вопросительной формы и отсутствием вопросительного содержания. Это трансформированные по отношению к вопросительному предложению синтаксические единицы [2, с. 5-6]. П.А. Лекант отмечает, что риторические предложения «не побуждают к ответу. Обращены они бывают или к нелицу, или к неопределённому адресату, или к самому говорящему, выражая раздумье, сомнение, эмоциональное состояние говорящего» [3, с. 304].

Выделяются два облигаторных признака РВ: «во-первых, элементы вопросительной формы (вопросительные местоимённые слова, вопросительные частицы, вопросительная интонация), сближающие его с собственно вопросительным предложением; во-вторых, отсутствие в ситуации речевого общения вербально выраженной реакции адресата на это суждение, а во внутренней речи – открытость сформулированных вопросов-рассуждений» [2, с. 11].

Функции РВ в поэтическом тексте – относительно небольшом пространстве, в котором в сжатой (но при этом не в ущерб смыслу) форме выражает себя автор, – особенны. «Основную функцию РВ в поэтическом тексте можно определить как функцию эстетического воздействия, рассчитанного на эстетическую реакцию» [2, с. 155].

РВ часто включают компоненты, близкие фразеологическим, то есть в той или иной мере устойчивые, несвободные. В РВ с прономинальным компонентом *кто* местоимение выражает не указание на лицо, а поиск сущности конкретного лица. *Со старухой сладить в силе? Подавай! Нет, кто ты есть, Что должны тебе в России Подавать мы пить и есть?* Эмоциональность усилена лексемой *есть*. Благодаря этой лексеме и создаётся фразеологизированность. Специфика

фразеологизированных образований состоит в том, что они «строятся не по живым, действующим в языке правилам, а представляют собою изолированные структуры – следы когда-то свободных и легко расчленимых построений» [7, с. 269].

В партикулярных РВ с частицей *что если* (*а что если; ну, а если; ну, а коли; а если; а ежели*) модальное значение предположения «переплетено» с негативными или позитивными эмоциями говорящего. – <...> – *Офицер? Так-так. Понятно, – Дед кивает головой. – Ну, а если... на понятный, То опять как рядовой?.. – Нет, отец, забудь. <...> На понятный ходу нет* – предполагаемость нежелательного действия сопряжена с негативными эмоциями, порождаемыми военным временем. Отмечается та же семантика (предполагаемость чьих-то действий, неясность, неопределённость, закрытость перспективы, которые сопряжены для говорящего с тревогой, боязнью, страхом) в РВ с десемантизированным наречием *вдруг*: – *Дай ещё сказать старухе <Смерти>: Вдруг придёшь с одной рукой? Иль ещё каким калеккой, – Сам себе и то постыл...* Встречаем также словоупотребление *а вдруг*: *Цель накрыта. Ну, а вдруг как там сидят! <...> Развернись машина боком – Бронёбойным припечёт.* РВ с частицей *разве* также относятся к партикулярно-риторическим (частично-риторическим) высказываниям. *Если в песнях и поётся, Разве можно брать в расчёт, Что герой мой у колодца, У каких-нибудь ворот, Буде случай подвернётся, Чью-то долю ущипнёт?* В данном тексте в условной риторической форме «выражается мнение, позиция и лишь отчасти расчёт на солидарность» [2, с. 36].

Близкие фразеологическим компоненты употребляются в поэме в РВ в форме прономинально-глагольной отрицательной модели: *Кто ещё имеет право Так любить тебя, как он!* – семантика ограничительно-выделительная. Глагольная форма настоящего времени приобретает значение обобщённого синтаксического времени. «Переносное употребление морфологических временных

форм глагола обусловлено высокой степенью афористичности и метафоричности риторических высказываний» [1, с. 8]. Близкие фразеологическим компоненты употребляются и в прономинально-(адвербиально)-инфинитивных РВ – предикатом которых представлен «чистый инфинитив». В инфинитивных предложениях русского языка наблюдается плотное переплетение и даже сращивание категорий рационального и эмоционального [4, с. 47]. *В осень смерть под стать картине, В сон идёт природа вся. Но в грязи, в окопной глине Вдруг загнуться?* Значение будущего времени. Временная парадигма в прономинально-инфинитивных РВ возможна за счёт связочного компонента *быть* [1, с. 6]. Ср.: *Но в грязи, в окопной глине было вдруг загнуться?* – значение прошедшего времени. Данные РВ с близкими фразеологическими компонентами употребляются в функции интенсификатора значения, в функции имитации речи героя.

Н.Ю. Шведова рассматривает компоненты РВ. Распределяя фразеологизированные образования по группам, исследователь основывается на характере участвующих в их формировании незаменимых компонентов и способах сочетания этих компонентов с остальным составом предложения [7, с. 269]. Фразеологическое построение *что там за судьба!*, согласно классификации Н.Ю. Шведовой, можно отнести к группе образований, в которых «сочетание компонентов не определяется действующими в языке синтаксическими нормами и является с точки зрения этих норм немотивированным. <...> Незаменимый компонент в них лишён своих прямых категориальных значений. Это – наиболее «чистый» вид фразеологизированных конструкций, собственно фразеологизмы» [7, с. 269]. *Что (это) за* – ‘(в знач. сказ.) в восклицательных предложениях выражает эмоциональную окраску явления (восхищение, возмущение и т. п. свойствами чего-л.)’ [6, с. 324]. Фразеологизированные построения (образования) этого типа, помимо собственно вопросительного значения, «обычно озна-

чают также оценку называемого, отношение к нему: 1) одобрение, похвалу или 2) неодобрение, осуждение» [7, с. 271-272]. Пример из текста А.Т. Твардовского имеет семантику возражения, отрицания: *Что там за судьба! Так случиться может с каждым <о потере киста>*, что подкрепляется авторским квалификатором семантики: *возразил бородачу*. Высказывание употреблено в функции развёртывания текста, предваряющего развивающуюся далее мысль: *Не такой со мной однажды случай был...*

К названной группе фразеологизированных построений относятся и построения типа: *чем не ...* Их семантика также включает в себя компонент возражения собеседнику или себе. Функционируют такие построения «как сказуемое и как предикативная основа односоставного предложения. Чем всегда находится в абсолютном начале конструкции; его причинное (исходно-объектное) значение для современного языкового употребления полностью утрачено; соответственно, ослаблено, затемнено и категориальное – собственно-указательное его значение; второй компонент сочетания – имя, обязательно имеющее при себе отрицание <...> Связь компонентов внутри предложения с точки зрения современных синтаксических норм является совершенно немотивированной» [7, с. 270-271]. В тексте поэмы «Василий Тёркин» конструкция: *Рай по правде. Дом. Крылечко. Веник – ноги обметай. Дальше – горница и печка. Всё, что надо. Чем не рай?* имеет значение «уверенного, не допускающего сомнений утверждения признака как подлинного, “полноценного”» [7, с. 270-271]. *Чем не рай?* = ‘настоящий рай; несомненно, рай; самый что ни на есть рай’ и т. п. Функциональная значимость данного высказывания, по форме представленного как вопросно-ответное единство, заключается и в стилизации под народную речь.

К другой группе фразеологизированных образований Н.Ю. Шведова относит построения, «формы которых легко могут быть объяснены существовавшими, но изме-

нившимися или устаревшими нормами» [7, с. 269-270]. В отличие от построений первой группы, формальные связи незаменимого компонента с соответствующей категорией слов не утрачены. К этой группе фразеологизированных образований относятся исследователем образования с неизменяемым компонентом *мало (ли)*. В них названный компонент начинает собой конструкцию; за этим сочетанием следует форма *что*, *чего* либо форма другого указательного местоимения или местоимённого наречия [7, с. 277]. РВ *Хорошо, друзья, приятно, Сделав дело, ко двору – В батальон идти обратно Из разведки поутру. По земле ступать советской, Думать – мало ли о чём!* содержит фразеологизированное образование с неизменяемым компонентом *мало (ли)* и форму местоимения *что* в предложном падеже. Семантика фразеологизированного высказывания с компонентом *мало ли* меняется в зависимости от значения местоимения как второго компонента высказывания. Формально данное РВ представлено восклицательным предложением – специализированным грамматическим средством категории эмоционального. Восклицательная интонация позволяет выразить не только общую эмоциональную окраску, но и личное отношение: признание возможности, одержав в поединке победу над немцем, подумать не только об общественном. В восклицательном предложении «совмещается информативный смысл и субъективный взгляд на него говорящего» [4, с. 47].

РВ с фразеологизированными образованиями в поэме «Василий Тёркин» выполняют имитирующую функцию в тех контекстах, в которых адресантом высказывания является простой солдат, они используются также в функции приближения речи к устному рассказу, если это речь автора или героя, приближая таким образом читателя к народной стихии.

В ходе исследования были описаны формы и семантика РВ, употребляющихся в поэме А.Т. Твардовского «Василий Тёркин»,

выявлены функции данных компонентов в художественном тексте. В результате сделаны следующие выводы.

Типичными для текста поэмы являются следующие формы РВ с фразеологизированными построениями: РВ с прономинальным компонентом *кто*; РВ с частицей *что если* (*а что если; ну, а если; ну, а коли; а если; а ежели*) и РВ с частицей *разве*, относящиеся к партикулярно-риторическим (частично-риторическим) высказываниям; РВ прономинально-глагольной отрицательной модели: (*кто, как он*); прономинально-(адвербиально)-инфинитивные РВ (*вдруг загнуться?*).

На первое место выходят следующие функции РВ с фразеологизированными построениями: эстетического воздействия, рассчитанного на эстетическую реакцию; функция интенсификатора значения; типичными также являются функции: развёртывания текста; когнитивная функция; функция приближения речи к устному рассказу и имитирующая функция; функция приближения читателя к народной стихии; функция стилизации речи под народную речь.

Система РВ с фразеологизированными построениями в поэме «Василий Тёркин» отражает народность языка произведения. Комплексное использование РВ в исследуемом тексте А.Т. Твардовского, в том числе и РВ с фразеологизированными построениями, составляет характерную черту идиостиля поэта.

Перспективы исследования заключаются в более детальном описании форм, семантики и функций РВ с фразеологизированными построениями в поэме А.Т. Твардовского «Василий Тёркин» и в поэзии автора в целом; в выявлении функций РВ с фразеологизированными построениями в идиостиле писателей и поэтов; в сравнительном анализе использования РВ данного типа в поэтических и прозаических текстах различных писателей и поэтов; в дальнейшем изучении поэтического языка А.Т. Твардовского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Канафьева А.В. Категория темпоральности в риторическом высказывании // Вестник МГОУ. –

- Серия «Русская филология». – 2013. – № 3. – С. 5-10.
2. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. Монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 200 с.
 3. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2006. – 407 с.
 4. Лекант П.А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник МГОУ. – Серия «Русская филология». – 2012. – № 5. – С. 44-48.
 5. Твардовский А.Т. Военная лирика. – М.: Военное изд-во министерства обороны СССР, 1966. – 448 с.
 6. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – 5-е изд., стереотип. – М.: Дрофа; Рус. яз. – Медиа, 2011. – 334 с.
 7. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Отв. ред. В.В. Виноградов. – М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.

УДК 811.161.1'373

Тимошенко И.В.

Московский государственный областной университет

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ
В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**

I. Timoshenko

Moscow State Regional University

**ON THE QUESTION OF REALIZATION OF GRAMMATICAL CATEGORY
OF THE IMPERATIVE MOOD AS A PART OF PHRASEOLOGICAL UNITS**

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы современного русского языка, содержащие в себе господствующий компонент – глагол в повелительном наклонении. Исследована соотносённость таких фразеологических единиц с той или иной частью речи. Анализируется фиксация фразеологизмов с компонентом – глаголом в императиве в словарях. Исследуются грамматические категории спрягаемых фразеологизмов с компонентом – глаголом в повелительном наклонении. Описаны основные синтаксические функции данных фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, повелительное наклонение (императив), спрягаемые фразеологизмы, фразеологическая парадигма, грамматические категории.

Abstract. The article discusses the phraseological units of the modern Russian language containing a verb in an imperative mood as a dominating component. The correlation of such phraseological units to this or that part of speech is investigated. The author also analyzes the fixation of phraseological units with a verb in an imperative mood in dictionaries and investigates the grammatical categories of inflective phraseological units with a verb in an imperative mood, describes the main syntactic functions of these phraseological units.

Keywords: phraseological unit, imperative mood, inflective phraseological units, phraseological paradigm, grammatical categories.

В современной русской фразеологии широко освещаются проблемы, связанные с семантикой, структурой, составом фразеологических единиц (ФЕ). Грамматические же категории ФЕ исследуются в основном в связи с проблемой раздельнооформленности ФЕ и установления «словности» компонентов, а также в связи с вопросом актуализации ФЕ [11, с. 5].

Во фразеологических словарях сведения о грамматических категориях ФЕ сводятся к указанию

- способности сочетаться с каким-либо словом в определённом падеже, например: **АКЦИИ ПАДАЮТ** *кого, чего, чьи* [9, с. 29];
- возможности употребления разных видовых форм глагольных фразеологизмов, например: **БРАТЬ / ВЗЯТЬ <ХВАТАТЬ / СХВАТИТЬ> БЫКА ЗА РОГА** *кто*. Смело приступить к самому существенному, сразу начинать делать самое главное. *Именная часть неизм. Обычно в роли сказ. Порядок слов-компонентов фиксир.* [1, с. 53];
- возможности употребляться в форме только одного числа, например: **АД КРОМЕШНИЙ** (*мн. не употр.*) [7, с. 27];

• синтаксической функции той или иной ФЕ, например: **БЕЗ КОНЦА И БЕЗ КРАЮ** – долгий, бесконечный. *Номин. Неизм. Призн. Опред. Сказ. Разг.* [6, с. 13].

В словарных статьях зачастую нет единообразия в фиксации ФЕ. Покажем это на примере фразеологизмов с глагольным компонентом.

В русской фразеологии доминируют ФЕ, имеющие в своём составе компонент, генетически восходящий к глаголу. В этом можно убедиться, если посмотреть в различных фразеологических словарях указатели фразеологизмов. При детальном анализе глагольных ФЕ, зафиксированных в словарях, обращает на себя внимание следующая особенность: подавляющее большинство таких фразеологизмов даётся в словарной статье вслед за инфинитивом доминирующего слова-глагола. Однако некоторые ФЕ зафиксированы в словарях за формой глагола в повелительном наклонении. Безусловно, это означает, что данный фразеологизм употребляется только в указанной форме. Вопрос о такой фиксации зачастую является спорным, поскольку тексты дают нам возможность убедиться в употреблении такой ФЕ в других формах.

В качестве примера возьмём фразеологизм *завей горе верёвочкой*. В словаре находим: «ЗАВЕЙ ◊ ЗАВЕЙ ГОРЕ ВЕРЁВОЧКОЙ. *Прост.* Словно ничего не случилось; как ни в чём не бывало. – *Не забывала, поди, Анна, как ты свою загубленную красавицу стала смывать слезами, на детей – ноль внимания, а сама – завей горе верёвочкой* (Л. Асеева. Под соснами вековыми)» [8, с. 234]. Однако анализ текстов доказывает, что перед нами фразеологизм не фиксированного типа, а ФЕ, обладающая полной фразеопарадигмой. Ср.: *Во всяком случае, апофеоз лекции явился для Куприна убедительным поводом завить горе верёвочкой в ближайшем духе «Грустный орёл»* (В. Каменский. Путь энтузиаста). *Подумаю я – а ведь и верно: разве всех накажешь, которые виноваты? Ну и завью горе верёвочкой* (М. Горький. Светло-

серое с голубым). *Другой бы на месте Ивана Ивановича, оставшись единственным наследником богатейшего состояния, плюнул бы на всю эту испанскую музыку, погнал бы учителей в три шеи, завил бы горе верёвочкой, запил бы, закрутил, заразвратничал, но, к сожалению, не таков был молодой Белокопытов* (М. Зощенко. Люди). [Дуня:] *О, махнём рукой, Паша, завьём горе верёвочкой* (А. Островский. Бедная невеста). *И, наконец, какая грациозная прелесть характера выражается в самом этом горе, завитом верёвочкой, и в этом ломаном прощанье, в котором, однако, нельзя не видеть огорчения и досады всё ещё любящего сердца* (С. Довлатов. Избранные литературно-критические статьи). *Дворянство ещё пахало землю по «древней обыкновенности», разорялось, завив горе верёвочкой, пропивало последние землишки в Париже и широко пополняло ряды городской интеллигенции* (А.Н. Толстой. Ранний Горький).

Б.Т. Хайитов указывает на то, что фразеологизмы, имеющие все или большинство форм, «в заголовке словарной статьи следует дать в инфинитиве, и при помощи иллюстративных примеров показать другие формы». Там же исследователь даёт рекомендации для описания ФЕ с фразеопарадигмой фиксированного типа: «Для фразеологизмов, имеющих только одну грамматическую форму, более целесообразной представляется её фиксация с указанием ограничительной пометы» [10, с. 89].

Методом сплошной выборки из «Фразеологического словаря современного русского литературного языка» А.И. Фёдорова нами выявлено 228 ФЕ, содержащих в себе глагольный компонент в форме повелительного наклонения. Наличие во ФЕ глагольного компонента не является указанием того, что данный фразеологизм можно отнести к спрягаемым (к таким мы относим ФЕ, в которых главный компонент – глагол и в составе ФЕ реализует свои грамматические значения).

При соотношении фразеологизма с той или иной частью речи необходимо учиты-

вать: а) способ выражения грамматически господствующего компонента; б) синтаксическую функцию фразеологизма в предложении; в) семантические особенности фразеологизма; г) сочетательные способности фразеологизма [2, с. 263].

Формоизменяемость возможности определённого фразеологизма зависят от того, с какой частью речи он соотносится. Проанализировав выбранные нами ФЕ с господствующим компонентом – глаголом в повелительном наклонении, мы отмечаем, что они:

а) являются спрягаемыми, то есть господствующий компонент-глагол сохранил в себе грамматические значения, свойственные данной части речи, и в составе ФЕ – 101 ФЕ, например: *выверни хоть наизнанку, гони монету, давай бог ноги, догоняй ветра в поле, иди с глаз, катись ко всем чертям, не будь дура, побойся бога, разуй глаза, хоть убей <на месте>* и др.;

б) являются неизменяемыми, то есть соотносятся

- с наречиями 57 ФЕ, такие, как: *давай бог, куда ни погляди, не приведи бог* ‘в предельной степени, очень сильно’, *только дай, хоть косой коси, хоть тресни* и др.;

- с категорией состояния 5 ФЕ: *хлебом не корми* (‘ничего не надо тому, кто любой ценой хочет получить желаемое’), *хоть зарежь* (‘крайне нужно, необходимо’), *хоть иголки собирай* (‘очень светло, всё видно’), *хоть глаз выколи, хоть глаз выткни* (‘совершенно темно, ничего не видно’);

- обладают междометным значением 35 ФЕ. Формы повелительного наклонения глагола в таких фразеологизмах утратили значение побуждения и приобрели функции междометий (на такую способность форм повелительного наклонения указывают Л.И. Рахманинова и В.Н. Суздальцева [4, с. 407].

ФЕ с таким компонентом-глаголом могут выражать:

а) удивление: *скажи пожалуйста!*;

б) возмущение: *будь анафема божья, будь неладен, пострели тебя горой, пропади про-*

падом, раздуй вас горой, разрази тебя гром, родимец тебя расшиби!, скажи пожалуйста!;

в) отчаяние: *хоть в гроб ложись, хоть в могилу ложись, хоть в петлю полезай, хоть вешайся, хоть волком вой, хоть головой об стенку бейся, хоть караул кричи, хоть криком кричи, хоть матушку-репку пой, хоть на стенку лезь*;

г) предостережение: *боже упаси, поговори у меня, сохрани боже, упаси бог*;

д) безразличие: *гори прахом <всё>*.

Все эти оттенки побуждения создаются интонацией и конкретизируются в составе предложения.

Так, например, форма 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, употреблённая в обобщённо-личном значении, во ФЕ может выражать значение вынужденности в сочетании с частицей *хоть*: *хоть плачь, хоть вешайся, хоть убей, хоть ложись да помирай* [5, с. 624].

Во ФЕ, соотносимых с именем прилагательным (23), глагольный компонент в повелительном наклонении утратил значение побуждения к действию, и ФЕ приобретает категориальную семантику признака. Такие фразеологизмы обладают парадигмой фиксированного типа [3, с. 68]. Например, *возьми да брось, вырви глаз, дай бог на пасху, дай да мало, не бей лежачего, не дай бог никому, не пришей не пристегни, оторви и брось, не разлей вода, хоть в святцы пиши* и др. В предложениях они чаще всего выполняют функцию определения или являются частью составного именного сказуемого: *Он просто забыл, что уже с месяц, как Спири́н, хотя он и продолжает числиться в бригаде лесорубов, занимается в лесу только работами не бей лежачего...* (Г. Демидов. Дубарь). *Рулевой и вперёдсмотрящий — матросы и друзья не разлей вода. На судне их зовут Чук и Гек, хотя на самом деле – Слава и Коля* (В. Конечный. Дневник рейса 1986 года). *Подросток Савенко – не подарочек, «парень не промах», «оторви и брось»* (Э. Лимонов. Подросток Савенко).

Отметим также способность некоторых фразеологизмов соотноситься с разными

частями речи, что объясняется многозначностью ФЕ, например, «**ДАЙ БОГ (БОЖЕ)**». 1. Очень хороший, крепкий, добротный. 2. Очень хорошо; лучше быть не может» [8, с. 169]: *Наводчик оглянулся на Саню и подмигнул: – А девочка-то дай бог, лейтенант... – А что в ней хорошего? Аптекариша какая-то, – буркнул Саня (А. Курочкин. На войне как на войне). – Нет, батя, писатели живут дай боже. И машины у них, и дачи (В. Рыбин. Счастливый билет).*

В спрягаемых фразеологизмах с глаголом в повелительном наклонении господствующий компонент сохраняет большинство грамматических признаков, присущих данной форме. Так, категориальным значением повелительного наклонения является «значение побуждения, то есть представление действия как требуемого, к которому побуждает кого-либо говорящий» [5, с. 620]. Это значение проявляется в таких фразеологизмах, как *гляди в оба, а зри в три* ('будь крайне осторожен'); *держи хвост дудкой* ('не робей, не унывай'), *иди своей дорогой* ('проходи, не вмешивайся не в своё дело,') *иди ты с богом* ('уходи, не мешай'), *катись ко всем чертям* ('уходи, убирайся'), *разевай рот шире* ('не рассчитывай, не надейся на что-либо') и др.: [М. Редриков:] *Да что тебе за дело до меня? Поди ты прочь! Иди своей дорогой!* (А. Островский. Тушино). – *Ничего, тётка Васенья, ничего! – забормотал я и ляпнул: – Держи хвост дудкой! Тётка Васенья напряглась, собрала на переносье светленькие, беспомощные брови...* (В. Астафьев. Последний поклон).

ФЕ с глаголом в повелительном наклонении несовершенного вида больше (141), чем совершенного вида (87). Формы повелительного наклонения глаголов несовершенного вида обычно выражают более категорическое побуждение, чем формы совершенного вида [5, с. 623]. Эту особенность глагольный компонент сохраняет и во фразеологизме, ср.: *гори синим огнём* (несов. в.) 'пусть гибнет, пропадает кто-либо или что-либо'; *держи хайло* (несов. в.) 'по-

малкивай' – *сделай божескую милость* (сов. в.) 'очень прошу, *хоть зарежь* 'не могу, нет возможности понять, уяснить что-либо или выполнить что-либо': «Он тебе сто рублёв на мировую даёт. Доволен ли?» «Доволен, – говорю я, мал, ваше высокоблагородие». – «Ну, а доволен, так *хайло-то держи*, – нечего в колокола звонить» (А. Герцен. Былое и думы). – *Напоминать же о долге, да ещё дамам, – не могу, хоть зарежь* (А. Чехов. Один из немногих). В толкованиях ФЕ с глаголом в повелительном наклонении несовершенного вида чаще доминируют глаголы в повелительном наклонении, а фразеологизмов с глаголами в повелительном наклонении совершенного вида – глаголы в изъявительном наклонении.

Во фразеологизме *поговори у меня* ('выражение угрозы, требование замолчать') глагольный компонент сохранил в себе способность, свойственную некоторым глаголам в повелительном наклонении, выражения «обратного побуждения» [5, с. 623], то есть выражает запрещение называемого действия: *В эту минуту спавший на диване поэт Пеструхин вдруг приподнялся, почмокал губами и уставился мутным взглядом на офицера. – А, японская морда, ты ещё здесь? – сказал он пьяным голосом, едва шевеля ртом. – Поговори у меня ещё!* (А. Куприн. Штабс-капитан Рыбников).

Императив представляет собой упорядоченную систему спрягаемых глагольных форм, самая распространённая из которых – форма 2 л. ед. или мн. ч. [3, с. 327]. Нами выявлена лишь одна ФЕ, зафиксированная в другой форме – в форме 3 л. ед. ч. с частицей *пускай* – *пускай бог разразит* ('божба, клятвенное заверение в чём-либо'), которая имеет оттенок пожелания: *Хотя её и никто не спрашивал, но она совалась к каждому с жаркими уверениями, что пускай её бог разразит на этом месте, если она хоть краешком уха что-нибудь слышала о тапёре* (А. Куприн. Тапёр).

Проанализировав систему ФЕ с господствующим компонентом – глаголом в повелительном наклонении, мы приходим к вы-

воду, что данные ФЕ в той или иной степени сохраняют в себе грамматические категории, свойственные глаголу в императиве. Как и другие спрягаемые фразеологизмы, они согласуются с подлежащим и могут управлять именами существительными или субстантивами: **Ищи-свищи** виноватого, // **кивай** на того-сего, // **на горбатого, конопатого...** (А. Роанер. Любимая, какая красота!...). – Ну, **не поминай же лихом** и меня... и не забудь, что я сказал тебе. **Прощай...** **Друзья обнялись** (И. Тургенев. Рудин). **Уважаемый Николай Александрович! Сделайте божескую милость, поторопите** “Пет^{ербургскую} газету” и Вашу контору высылкой мне гонорара (Из письма А.П. Чехова Н.А. Лейкину). В предложениях такие ФЕ синтагматически связаны с обращением или местоимением 2-го лица, что обуславливает основную синтаксическую функцию спрягаемых фразеологизмов с компонентом-глаголом в повелительном наклонении – функцию сказуемого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
3. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / под ред. П.А. Леканта. – 3-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2002. – 560 с.
4. Рахманинова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: Учебник для студентов вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 464 с.
5. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова и др. – Репринтное издание. – М., 2005. – 784 с.
6. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н.А. Павловой. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 304 с.
7. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка: Ок. 5000 фразеолог. единиц: Ок. 730 синоним. рядов / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров; под ред. В.П. Жукова. – 2-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2005. – 443 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. – 7-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 524 с.
10. Хайитов Б.Т. Фразеологизмы в словаре // Русская речь. – 1987. – № 1. – С. 86-89.
11. Холодная А.Л. Окациональное стилистическое использование грамматических категорий в фразеологических единицах в современном английском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1973. – 23 с.

УДК 81'42

Фадеева Т.М.

Московский государственный областной университет

МЕСТО СЛОЖНОГО ЭПИТЕТА В ПОЭТИКЕ ИМАЖИНИЗМА

T. Fadeeva

Moscow State Regional University

COMPLEX EPITHET'S PLACE IN THE POETICS OF IMAGINISM

Аннотация. В статье проводится лингвистический анализ сложного эпитета, выступающего в качестве одного из основных образных средств поэтической системы модернистских течений. Исследование осуществлялось на основе языка художественных произведений представителей имажинизма. В работе сложный эпитет рассматривается как средство выразительности, отражающее основные аспекты эстетической программы имажинизма, освещаются ключевые структурно-семантические характеристики сложных эпитетов, выявленных в текстах имажинистов, предлагается описание функционально-стилистического использования анализируемого средства выразительности.

Ключевые слова: сложный эпитет, композитная единица, метафора, язык художественного произведения, имажинизм.

Abstract. The article presents a linguistic analysis of complex epithet, acting as one of the major figurative means of the poetic system in modern tendencies. The study was based on the language of art works of imagism representatives. In this paper complex epithet is seen as a means of expression. The article shows the main aspects of imagism aesthetic program, highlights key structural and semantic characteristics of complex epithets identified in the texts of imaginists, offers a description of functional and stylistic use of the analyzed means of expression.

Keywords: complex epithet, composite unit, the metaphor, the language of art, imagism.

Сложный эпитет является центральной тропеической единицей художественного пространства русского языка. Активные эксперименты в области создания поэтических образов в начале XX в. не могли не затронуть данную разновидность эпитета. Его структурно-семантический и функциональный потенциал становятся объектом внимания в языке большинства поэтов модернистских течений, в каждом из которых использование данного тропа по-своему транслирует ключевые положения эстетической программы.

Компрессия смысла сочетается в сложном эпитете с продуцируемыми контекстным окружением семантическими приращениями, обуславливающими выразительность композитной единицы, что определяет особое место данного тропа в поэтике имажинизма:

*Не изменила, муза, ты,
Путеводительная муза,
Венцом нетленной чистоты
Чело отрадного союза
Благословенно оплела...
(В. Шершеневич. Судьба.)*

Анализируемые нами композитные единицы признакового характера демонстрируют разную степень активности в языке произведений В.Г. Шершеневича (*смычок молниеносный, огнекрасный аэро, благозвонное имя, мернобулькавший восторг, стоэтажный вымысел, отчаянно-буйная комета, широкоокий, электронервные проспекты и другие*), А. Мариенгофа (*жирношеяя баба, беспомощно-ребятишья варезка, мертвенно-землистые веки, мучительно-нездоровые мы, немаловатоважный недостаток, некто звероподобный, бледно-сиреневые ноги, ломбардо-византийский стиль*), Н.Р. Эрдмана (*головы пятиугольный ковш*) и других.

В.Г. Шершеневич, идеолог имажинистов, в манифесте «2х2=5» эпитет характеризовал как «самый примитивный образ» [3], что, однако, не помешало именно данному тропу, как показывает проведённый нами анализ, занять одно из ключевых мест в системе образности языка произведений самого В.Г. Шершеневича и других представителей течения. Активность употребления данного «примитивного», если пользоваться терминологией В.Г. Шершеневича, образа обуславливается его открытостью к языковым экспериментам и в области структуры, и в области семантики:

Вздыхал об олонецкой избе и до закрытия, до четвёртого часа ночи, каждодневно сидел в «Стойле Пегаса», среди визжащих фокстроты скрипок и красногубой, пустосердечной и площадноречивой толпы, отрыгивающей винным духом, пудрой «Леда» и мутными тверско-бульварными страстишками (А.Б. Мариенгоф. Роман без вранья.)

Этот троп в сочетании с другими лексическими, синтаксическими, пунктуационными экспериментами запечатлевает самобытность художественного пространства поэта:

Твоих губ запевающих мимовстречный бульвар

Вот одни У тебя мы Мы рядом И тотчас твой

Смех трёхцветный взвиваю

Над душою как флаг

(В. Шершеневич. Поэма имажиниста.)

В других случаях художественный образ, создающийся на основе сложного эпитета, обретает в рамках контекста дополнительную стилистическую маркированность, тем самым акцентируя на себе внимание читателя:

Стратегия Дмитрия Донского, великого князя Московского Василия, Андрея Курбского, петровеликских выскочек и екатерининских «орлов» отличалась изумительной простотой и величайшей мудростью (А. Мариенгоф. Циники).

Создаваемый имажинистами художественный образ, нередко обладает эпатажностью, которая усиливается более расширенным контекстом (*канарейки церквей, жавороночья булькота*):

Сзади: золотые канарейки церквей,

Наотмашь зернистые трели субботы.

Надо мною: пустынь голобрюхая, в ней Жавороночья булькота

(В. Шершеневич. Каталог образов.)

Включение в метафорически концентрированный контекст метафорического эпитетного комплекса *пустынь голобрюхая*, образно представляющее безоблачный небосвод (возможна, однако, и трактовка как уединённого места в вышине *пустынь* – «устар. Первоначально – уединенное место, где жил отшельник, позднее – монастырь, возникший на этом месте» [1, т. III, с. 755]).

В арсенале языковых средств, используемых имажинистами, среди других тропов метафора занимает совершенно особое место, данный факт подчёркивал сам В.Г. Шершеневич [3]. На основе проведённого нами анализа, можем отметить активное взаимодействие метафоры и сложного эпитета при создании большинства художественных образов. Рассматриваемое средство выразительности, реализующееся на переносе наименования на основе сходства, может выступать в виде объекта эпитетации, а также являться основанием для создания самой композиты признакового характера. Характеризуя различные виды эпитетов, В.Г. Шершеневич высоко по степени поэтизации оценивал именно метафорические, считая,

что синкретические уступают первым в художественности [3]. Заявления эстетической программы последовательно реализуются в языке произведений поэта: *плотнотеленные дни, краснощёкий май, хромоногий мир и другие*.

Использование метафорического образа в эпитетном комплексе как объекта эпитетации мы рассматриваем в качестве яркой характерной черты поэтики имажинистов:

*Изрыдаясь в грустях, на хвосте у павлина
Изображаю мечтаний далёкий поход,
И хрустально-стеклянное вымя графина
Третью ночь сосу напролёт...*

(В. Шершеневич. Принцип примитивного имажинизма.)

Отмечаем, что метафора, представленная в двухчленном объекте эпитетации *вымя графина* (АВ, где перенос происходит по модели А→В на основе семы «выделяет/содержит жидкость» и актуализируется за счёт предиката *сосу*), сопровождается изобразительным сложным эпитетом *хрустально-стеклянный* с дублирующей семантикой компонентов (Хрустальный. – «1. Прил. к хрусталь в 1 знач. 2. перен. Прозрачный, сверкающий. Хрусталь. – 1. Стекло высокого качества, обладающее особым блеском и способностью сильно преломлять свет. 2. Изделие, предмет из такого стекла» [1, IV, с. 860]. Стекланный. – «1. прил. к стекло (в 1 знач.). Стекланная масса. 2. Сделанный из стекла. || Со вставленными стеклами, застеклённый. 3. Такой, как у стекла, похожий на стекло (блеском, прозрачностью, звоном и т. п.). 4. перен. Неподвижный, безжизненный (о глазах, взгляде)». [1, т. IV, с. 356]), не расширяющими семантический объём композиты, а демонстрирующий теоретическую мысль В.Г. Шершеневича о художественном образе: «Победа образа над смыслом и освобождение слова от содержания – тесно связаны с поломкой старой грамматики и переходом к неграмматическим фразам» [3].

Другие эпитетные комплексы, выявленные нами в языке произведений имажинистов, могут демонстрировать иные языковые механизмы, связывающие метафору и слож-

ный эпитет, но их соединение порождает всегда необычный (иногда с затемнённым смысловым содержанием) художественный образ:

И слово в губах, как свинчатка в кулак.

А семиэтажный гусар небоскрёба

Шпорой подъезда звяк

(В. Шершеневич. Ритмический ландшафт.)

или:

*Какое мне дело, что **кровохаркающий**
поршень*

Истории сегодня качнулся под божьей рукой,

Если опять грустью изморщен

Твой голос, слабый такой?!

(В. Шершеневич. Ритмическая образность.)

И, конечно же, отдельного внимания заслуживает приём включения эпитетного комплекса в состав развёрнутой метафорической структуры:

*Мы живём с **белокосой модисткой тоской***

На лице её мелкие прыщики грусти

Мы милуемся с нею весь день-деньской

Пока полночь луной

В свору туч Не запустит

И запах романтики воньливый как лук

От зубов её временем жёлтых

Не за то ли

Люблю её больше прекрасных подруг

Что сердце её Словно пальцы Иголкой и

болью

Исколоты

(В. Шершеневич. Крематорий.)

Продуктивный для других модернистских течений колоративный сложный эпитет [2] не получает такого широкого распространения в языке произведений имажинистов. Так, в текстах В.Г. Шершеневича они составляют примерно 27 % от общего числа рассмотренных нами композитных единиц признакового характера (*обои дымчато-дымные, снег бледноталый* и другие), в то же время у А.Б. Мариенгофа – 65 % (*чернокосая синьора, золотоногий телёнок, краснотелая толпа, пламенно-красное солнце* и другие).

Проанализированный нами материал свидетельствует: имажинисты не всегда принимали в

расчёт лексическую несочетаемость компонентов композитной единицы, что позволяет в поэтических образах увидеть реализацию идеологической установки имажинизма: образ приобретает характер самоцели [3]:

*Милая, в день моего **Огнефразного Дьявола**
Пусть каждый другого откровением ранит!
Я пою мотив за Вас, кто заставила
Меня опьянеть от фужера шарлатаний!*
(В. Шершеневич. День моих именин.)

Поэтическое стремление к созданию нетривиального образа (*флаг зорковыигрышный*) приводит к тому, что смысл приносится в жертву в угоду яркости, а композита, в своей структуре механически соединяющая компоненты, не демонстрирует единства их семантики (Зоркий. – «1. Хорошо видящий дальние и мелкие предметы, обладающий острым зрением. 2. Перен. Проницательный, внимательный, наблюдательный.» [1, I, с. 854]. Выигрышный – «1. Дающий право на выигрыш (в 1 знач.). 2. Выгодный, способствующий успеху» [1, т. I, с. 336]).

Окказиональный характер сложного эпитета может учитываться как ещё один способ создания художественной выразительности в палитре языковых средств, участвующих в «образотворчестве» имажинистов:

*В воздухе душном материя бродит,
Материя фейерверочно-истерическая!
Жизнь в голубой ротонде
Взмахивает палкой учительской!*
(В. Шершеневич. Забыть... Не надо...)

Образный потенциал узуальных композитных единиц актуализируется в художественном тексте за счёт употребления их с нетрадиционными объектами эпитетации:

*Жил я просто; чем другие, проще,
Хоть была так **чернозёмна голова.**
Так я рос, как в каждой нашей роще
Схоже с другом вырастают деревья*
(В. Шершеневич. При каждой обиде.)

Узуальный композит *чернозёмный* (*чернозёмный* – «Представляющий собой чернозём» [1, т. IV, с. 911]; *чернозём* – «Плодородная, богатая перегноем почва тёмного цвета, преобладающая в степных и лесостепных

районах» [1, т. IV, с. 911]) в структуре поэтического контекста становится определением к объекту эпитетации *голова*, что порождает в её семантике развитие метафорического значения ‘чёрная, как чернозём’.

Не такими вычурными оказываются сложные эпитеты в поэтическом языке С.А. Есенина, непродолжительное время разделявшего идеи имажинистов. Семантика композиты, её органичность и выразительность для этого поэта оказываются не менее значимы, чем яркость и самобытность. В языке произведений С.А. Есенина наиболее востребованным становится художественный образ, основанный на актуализации в эпитетном комплексе переноса признака, представленного в сложном эпитете и присущего одушевлённым предметам, что в сочетании с объектом эпитетации, номинирующим чаще всего явление природы, порождает одухотворенный образ:

*Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зелёная из розовой печи.
Кого-то нет, и **тонкогубый ветер**
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.*

(С. Есенин. О красном вечере задумалась дорога...)

Таким образом, проведённое исследование позволяет утверждать, что внимание к эпитету (и особенно к его сложному типу), декларировавшееся имажинистами в эстетической программе, получает реальное воплощение в языке их художественных произведений, а сам сложный эпитет, в силу структурно-семантической своеобразия, становится неотъемлемой частью художественного пространства одного из модернистских течений начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1957-1961.
2. Фадеева Т.М. Структурно-семантическое своеобразие колоративных сложных эпитетов // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – №5 – 2011. – М.: Издательство МГОУ. – С. 40-45
3. Шершеневич В.Г. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/s/shershenewich_w_g/text_1920_2x2.shtml (дата обращения: 07.02.2014 г.)

УДК 81'373.43:821.161.1 Солженицын

Цынк С.В.

*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
(филиал – Димитровградский инженерно-технологический институт)*

**РЕФЕРЕНТНЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ»**

S. Tsynk

Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute

**REFERENTIAL TYPES OF SENTENCES IN THE HISTORICAL ESSAY
“TWO HUNDRED YEARS TOGETHER” BY A. SOLZHENITSYN**

Аннотация. В статье характеризуются различные типы референтных предложений исторического очерка А.И. Солженицына «Двести лет вместе». Делается вывод о том, что основу изложения в данном произведении составляют общереферентные предложения. Они несут информацию о постоянных или долговременных признаках открытых множеств объектов. Однако конкретнореферентные предложения также встречаются в тексте исторического очерка довольно часто, выполняют функции передачи «чужой речи», оценки различных точек зрения, служат для установления диалога между автором и читателем, создания метатекста.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, референтные типы предложений, предложения с общереферентными смыслами, предложения с моментальными конкретнореферентными смыслами, предложения с длительными конкретнореферентными смыслами.

Abstract. This article investigates various types of referential sentences in the historical essay “Two Hundred Years Together” by A. Solzhenitsyn. The conclusion is made that general-referential sentences create the basis of narration. They inform about constant or lasting signs of open sets of objects. However, concrete-referential sentences are quite frequent in this essay as well, they perform the functions of “foreign speech” transmission, different points of view estimation, serve to establish a dialogue between the author and the reader, to create a metatext.

Keywords: A. Solzhenitsyn, referential types of sentences, sentences with general-referential meanings, sentences with instant concrete-referential meanings, sentences with long concrete-referential meanings.

Одной из **важных характеристик текста является специфика представленности в нём различных референтных типов предложений.** Вслед за М.Ю. Федосюк и И.И. Баклановой [4], учитывая степень обобщённости содержания предложений, различаем:

а) предложения с моментальными конкретнореферентными смыслами, т. е. предложения, сообщающие о признаках или действиях конкретных объектов в определённый момент их существования;

б) предложения с длительными конкретнореферентными смыслами, информирующие о постоянных или долговременных признаках конкретных объектов;

в) предложения с общереферентными смыслами, несущие информацию о постоянных или долговременных признаках открытых множеств объектов.

Говоря о представленности перечисленных типов предложений в различных стилях, исследователи утверждают, что произведения эпических жанров художественной литературы непременно должны содержать в своём составе достаточно пространственные компоненты, со-

© Цынк С.В., 2014.

стоящие из предложений с моментальными конкретнореферентными смыслами, произведения различных лирических жанров (лирические стихотворения, «стихотворения в прозе», «заметки писателя» и т. п.) могут базироваться исключительно на предложениях с длительными конкретнореферентными смыслами. Подавляющее большинство предложений в научных текстах должны быть общереферентными.

Причиной этого обстоятельства, безусловно, является «обобщающий и абстрагированный характер мышления, определяющий своеобразие научной речи» [2, с. 161].

Совершенно очевидно, что и для текста исторического очерка А.И. Солженицына «Двести лет вместе» небезразлична представленность различных референтных типов предложений. Как показали наблюдения, основу изложения в данном произведении составляют общереферентные предложения, типичные для научных текстов. Например:

а) *Первым русско-еврейским пересечением можно было бы считать войны Киевской Руси с хазарами – но это не вполне точно, ибо хазары имели только верхушку из иудейского племени, а сами были турки, принявшие иудейское вероисповедание* [3; т. 1, с. 66];

б) *Как характерно для всего царствования Александра, последовательности в принимаемых мерах не бывало* [3; т. 1, с. 6]);

в) *Сильное движение евреев к современному просвещению началось со 2-й половины 18 века в Пруссии и получило название Гаскала* [3; т. 1, с., 93].

Субъект, на мнение которого ссылается автор очерка, может быть обобщённым, коллективным, таким, как «ряд исследователей», «некоторые авторы», «многие авторы». Например:

а) *Впрочем, ряд исследователей полагает (точных доказательств нет), что в каком-то объёме евреи переместились в западном и северо-западном направлении через южно-русское пространство* [3; т. 1, с. 1]);

б) *С точки зрения ортодоксально-религиозной, как объясняют некоторые еврейские авторы: пребывание в рассеянии есть исто-*

рическое наказание Израиля за прошлые грехи [3; т. 1, с. 85];

в) *Многие авторы, в том числе и С. Шварц, отмечают: «роль евреев в войне систематически скрывалась* [3; т. 1, с. 85].

Именные группы в этих предложениях относятся с открытыми классами объектов, в силу чего данные предложения следует рассматривать как общереферентные.

К общереферентным относятся также обобщенно-личные предложения, в которых коллективный субъект не называется, а только подразумевается, например:

Возражают, что обширность черты – мнимая: из неё исключены пространства вне городов и местечек [3; т. 1, с. 120].

Достаточно широко в очерке встречаются предложения с длительными конкретнореферентными смыслами. Основная функция этих предложений – введение в изложение прямой и косвенной речи. Для солженицынского текста характерна интерпретация так называемой «чужой речи»: автор нередко обращается к цитатному материалу, ссылается на чье-то мнение, перефразирует чьи-то слова. Два контекста – авторский и интерпретируемый («чужая речь») – вступают во взаимодействие, которое может рассматриваться как своеобразный диалог. Обратимся к примерам:

а) *Мистически видел проблему и Достоевский: «Не настали ещё все времена и сроки, несмотря на протёкшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди»* [3; т. 2, с. 16];

б) *Карамзин предлагает так: «Выслушав иудеев, (Владимир) спросил: где их отечество»* [3; т. 1, с. 15];

в) *Уже в середине XX века предупреждала Хана Арендт: «Иудаизм вырождается в еврейство, мировоззрение в набор психологических черт»* [3; т. 2, с. 7];

г) *Широко обобщает это явление и академик С.Ф. Платонов: «Движение «жидовствующих» несомненно заключало в себе элементы западно-европейского рационализма»* [3; т. 1, с. 22].

Перед нами предложения с прямой речью. Во всех случаях цитируемые фрагменты представляют собой общереферентные предложения, а слова автора – предложения с длительными конкретнореферентными смыслами. Это можно объяснить тем, что автор текста старается «заимствовать» у других авторов, в других источниках готовые обобщения, выводы о тех или иных закономерностях – отсюда и соответствующая степень обобщённости содержания «чужой» речи. Предложение же, вводящее «чужую речь» в текст, сообщает о конкретном субъекте, на что указывает подлежащее, выраженное именем собственным. В роли сказуемого – глагол в производном обобщённо-отвлечённом значении, с ослабленным значением вида и времени. Если заменить «видел» на «видит» в первом примере, «предлагает» на «предлагал» во втором, «предупреждала» на «предупреждает» в третьем, «обобщает» на «обобщал» в четвёртом, смысл сказанного не изменится, так как конкретный момент времени не имеет значения.

Кроме предложений с прямой речью, следует обратить внимание и на предложения с косвенной речью. Это сложноподчинённые предложения, в которых главная часть обладает длительным конкретнореферентным смыслом, например:

а) *Так, востоковед и семитолог Аврахам Гаркви пишет, что еврейская община в будущей России «была образована евреями, переселившимися с берегов Чёрного моря и с Кавказа, где жили их предки после ассирийского и вавилонского пленений»* [3; т. 1, с. 14];

б) *Если следовать изложению солидного еврейского автора уже середины нашего века Ю.Д. Бруцкуса, какая-то часть евреев из Персии через Дербентский проход переместилась на нижнюю Волгу...* [3; т. 1, с. 13];

в) *А Карамзин, следуя Татищеву, сообщает, что по решению совета Владимир «выслал всех Жидов...»* [3; т. 1, с. 16];

г) *С. Соловьев добавляет, что Схариа достиг этого «с помощью пятерых помощников...»* [3; т. 1, с. 19].

д) *Публицист И.Г. Орианский позже высказывал суждение, что еврейское земледелие могло бы быть успешным только передачей евреям казённых земель тут же, поблизости, в Белоруссии, где сельский быт был у них на виду* [3; т. 1, с. 73];

е) *В.И. Тельников высказывает догадку, что историка-современника того деяния не было, а тем «историком-современником», которого, ни его труда, Дубнов почему-то не назвал точнее, был Э. Герман...* [3; т. 1, с. 29].

Чужое мнение, точка зрения относительно того, о чём в своём тексте рассуждает автор, могут обретать форму простого предложения, например:

а) *Так – Державин не упустил взглянуть на дело разносторонне* [3; т. 1, с. 51];

б) *И затем он (Державин) дал поэтапную, подробную разработку предлагаемых мер, привлекая хозяйственный и государственный смысл* [3; т. 1, с. 53].

В данных примерах, как и в тех, что приводились выше, в качестве глагольного предиката выступает глагол интерпретации чужого мнения. Мы уже отмечали, что в подобных случаях речь идёт о глаголах с ослабленным лексическим значением вида и времени. При употреблении в предложениях рассматриваемого типа они имеют характерные формы, а именно форму настоящего неактуального или форму прошедшего времени. В рамках предложений с длительными конкретнореферентными смыслами эти формы взаимозаменяемы без ущерба для смысла сказанного, так как обладают вневременным значением. Действительно, мнение, точка зрения, взгляд, позиция конкретного субъекта не могут быть одномоментными, они присущи ему, принадлежат ему на протяжении определённого периода времени, они долговременны.

Кроме воспроизведения, интерпретации «чужой речи», А.И. Солженицын использует предложение с длительным конкретнореферентным смыслом для оценки цитируемой точки зрения:

Это впечатление – убеждает полной верностью, его можно понять и почувствовать [3; т. 2, с. 15].

Итак, предложения с длительными конкретнореферентными смыслами играют довольно значительную роль в тексте исторического очерка «Двести лет вместе» и в структурном, и в смысловом отношении. С их помощью автор ссылается на факты из истории науки, излагает и оценивает мнения предшественников.

Приблизиться к диалогу с читателем писателю помогают предложения с моментальными конкретнореферентными смыслами, имеющие сказуемые – глаголы речевого и мыслительного действия типа «рассмотрим, скажем, не упустим, отведём место, отметим, видим, заметим». Примеры:

- а) *Рассмотрим их* [3; т. 1, с. 45];
- б) *Видим и незаурядных женщин в командных должностях* [3; т. 2, с. 125];
- в) *Скажем немного и об этом* [3; т. 2, с. 137];
- г) *А ещё не упустим, что и в лагерном состоянии – многим евреям ... «сами собой» плыли в руки коммерческие сделки...* [3; т. 2, с. 332];
- д) *Отведём совершенно особое место – Б. Ройзенману* [3; т. 2, с. 287];
- е) *Многих видим и на командных местных постах...* [3; т. 2, с. 283];
- ж) *Не упустим эту психологическую внешность перехода от дореволюционных стеснений в правах* [3; т. 2, с. 200];
- з) *Ещё современнее скажем: катализатор* [3; т. 2, с. 23];
- и) *Отметим, что таким образом евреи получали гражданское равноправие не только в отличие от Польши, но раньше, чем во Франции и в германских землях* [3; т. 1, с. 38]; *Отметим, что преодоление ереси «жидовствующих» дало толчок духовной жизни Московской Руси конца 15 – начала 16 века...* [3; т. 1, с. 22];
- к) *Описания этих событий мы вообще не встречаем у авторов-евреев* [3; т. 1, с. 343];
- л) *Мы уже замечали раньше, но стоит повторить...* [3; т. 1, с. 22].

Среди подобных примеров встречаются двусоставные предложения и односоставные определённо-личные. В одном случае указа-

ние на субъект осуществляется при помощи личного местоимения 1-го лица множественного числа и соответствующей глагольной формы, а в другом – только через форму глагола. Характер субъекта интересен: автор и читатель в их взаимодействии. Глагольные формы, выступающие здесь в роли предикативов, М.Н. Кожина именует «императивами как обращения к читателю» [2, с. 78]. Аналогичны только что рассмотренным и так называемые конструкции и обороты связи, которые помогают автору организовать структуру текста, а читателю – ориентироваться в этом тексте. Примеры:

- а) *К погромам мы сейчас перейдём* [3; т. 2, с. 136];
- б) *Ещё раз напоминаем: эти перечни лишь иллюстративные* [3; т. 2, с. 285];
- в) *Однако вернемся к первым послереволюционным годам* [3; т. 2, с. 164];
- г) *Обратимся теперь к белой стороне* [3; т. 2, с. 146];
- д) *Мы ограничимся здесь лишь несколькими страницами напоминания о более древнем периоде* [3; т. 1, с. 13];
- е) *Вернёмся к отчёту Кузминского* [3; т. 1, с. 390];
- ж) *Мы уже замечали раньше, но стоит повторить...* [3; т. 1, с. 361];
- з) *И не забудем: «Все эти группы... не включали в себя элементов ортодоксального еврейства...»* [3; т. 1, с. 357].

Следует заметить, что предложения с моментальными конкретнореферентными смыслами образуют в научном тексте как бы ещё один текст. Это то, что у А. Вежбицкой названо «метатекстом» [1, с. 403]. Для «основного» текста, где в центре внимания всё-таки остаётся предмет исследования, предложения данного типа характерными не являются. Что же касается метатекста, то он выполняет вспомогательную, хотя и очень важную функцию. В центре его внимания – читатель, а средство, с помощью которого до сознания этого читателя доводится логическая структура текста, – диалог.

Таким образом, большинство предложений исторического очерка – общереферентные, однако конкретнореферентные предложения также встречаются в нём достаточно часто. При этом они выполняют вполне определённые функции. Предложения с длительными конкретнореферентными смыслами используются А.И. Солженицыным при передаче и интерпретации «чужой речи», при оценке точек зрения других исследователей. Предложения с моментальными конкретнореферентными смыслами служат для установления диалога между автором и читателем, а также для создания метатекста, позволяющего читающему более осознанно ориентироваться в тексте исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вежицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста. – М.: Наука, 1978. – С. 402-421.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 413с.
3. Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795-1995). – Т.1 – М.: Русский путь, 2001. – 512с. ; Т. 2. – М.: Русский путь, 2002. – 552 с.
4. Федосюк М.Ю., Бакланова И.И. Речевой жанр анекдота с позиций интерпретационной лингвистики // Проблемы интерпретационной лингвистики. – Новосибирск, 2000. – С. 143-154.

УДК 811.161.1'373.613

Щемелинина И.Н.

Московский государственный областной университет

**СЛАВЯНСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОЧИНЕНИИ Г. КОТОШИХИНА
«О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»:
ХАРАКТЕР И УСЛОВИЯ ИХ АДАПТАЦИИ
К РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ**

I. Shchemelinina

Moscow State Regional University

**SLAVIC UNITS IN THE G. KOTOSHIKHIN'S WORK
«ON RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXEY MIKHAILOVICH»:
NATURE AND CONDITIONS OF THEIR ADAPTATION
IN THE RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM**

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию заимствованных слов, их функционированию в деловом языке XVII века, а также процессу их освоения русским языком как принимающим. В тексте сочинения Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» выделены группы разнотематических и неоднородных по степени закреплённости и адаптации к русской языковой системе слов, составляющих слововведения, которые представляют разные части речи. Рассмотрен процесс грамматической адаптации единиц, получили оценку варианты словоформ, зафиксированные в тексте сочинения Г. Котошихина. Использовался синхронно-диахронный подход к языковому материалу.

Ключевые слова: Г.К. Котошихин, деловой язык XVII века, заимствование, калькирование, адаптация.

Abstract. This article is devoted to the study of foreign words, their functioning in the business language of the 17th century and the process of their development of the Russian language as the host. In the text of the G. Kotoshikhin's work «On Russia in the reign of Alexey Mikhailovich», the author of the article distinguishes word groups that are different and heterogeneous in the degree of tightness and adaptation in the Russian language system and that make up word formations of different parts of speech. The author also describes the process of grammatical adaptation of units and assesses variants of word forms, used in Kotoshikhin's text. The synchronous and diachronic approaches to language material are used.

Keywords: G. Kotoshikhin, business language of the 17th century, borrowing, replication, adaptation.

Г.К. Котошихин, по сведениям исторических источников, родился около 1630 года в России в семье московских служилых людей, но очень мелких, неродовитых. В 1645 году он при царе Алексее Михайловиче поступил писцом на службу в Посольский приказ. Образования, по всей видимости, Котошихин никакого не получил: возможно, сначала учился дома, а впоследствии, будучи на службе в Посольском приказе и исполняя возложенные на него обязанности, получил знания, основанные на практическом опыте, наблюдениях и следовании традициям служилого дворянства. Хотя в служебном отношении он был лицом не очень важным, между тем слыл не только человеком умным, но и довольно много знающим и компетентным в своих вопросах. На тот момент в Московском государстве, особенно в органах центрального управления, сформировался тип людей, ловких, наблюдательных и эрудированных, хорошо знавших жизнь, развитых для своего времени. Скорее всего, и Котошихин

являлся предствителем именно этого типа. В связи с этим сочинение Г.К. Котошихина и представляет для нас интерес как сокровищница лексических средств русского языка XVII века, сохранившая свидетельства жизни, быта, отношений, взаимосвязей людей многих общественных пластов – сведения этнокультурного характера, исторически подтверждённые фактором авторства Г. Котошихина.

На протяжении всего периода существования русского языка идёт «отбор всех жизнеспособных элементов словарного состава русского литературного языка, освоение заимствованных слов, калькирование, закрепление за славянизмами определённых стилистических функций, создаются новые русские слова, что не ущемляет национальной самобытности народа, а, напротив, обогащает словарный состав одного языка за счёт словарного состава других языков» [6, с. 138, 247].

Одним из этапов освоения заимствованных слов является их транслитерация к системе заимствующего языка и адаптация их к русской языковой системе. А.Н. Чудинова некогда метко определил суть процесса освоения заимствований: «Когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и наперекоръ своей натурѣ не станетъ похоже на туземное» [9, с. 7]. Правда, исследователи подчёркивают важность фактора опосредованного заимствования, ибо «турськія элементы» ещё не значить «восточные» вообще, но для славянъ оба эти понятія почти совпадают, потому что и арабскія и персидскія и монгольскія слова проникали къ славянамъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ черезъ ту или другую турецкую среду» [7, с. 7]. С этим нельзя не согласиться, рассматривая движения в лексике в диахронии: *капитан* – [фр. *capitaine* < ср.-лат. *capitaneus* < лат. *caput* голова; глава]; *хоругвь* – [польск. *chorągiew* знамя < монг. *orunġo*, *orunġa* знак, знамя], заимствовано через тюркский из монг. [10].

В сочинении Г. Котошихина мы отмечаем большое количество заимствований из польского языка, точнее, вошедших через посредство польского, потому, возможно, они быстро осваивались русским языком. В.В. Виноградов в своих известнейших очерках отмечает, что в XVII веке **полонизмы** получают широкое распространение, особенно в дворянской среде, являясь составным элементом не только литературного, но и бытового словаря высшего общества, а польский язык осознаётся как европеизированная разновидность славянской речи [3, с. 40].

Установлено, что у полонизмов, которые и ранее присутствовали в речи, использовались в процессе контактов в различного рода деятельности в своих первичных, основных значениях, можно зарегистрировать контекстуальное развитие полисемии. Важным в культурно-историческом отношении нам представляется вывод: «Польский язык в XVII в. выступает в роли поставщика европейских научных, юридических, административных, технических и светско-бытовых слов и понятий» [2, с. 190]. Интерференция западнорусского делового языка и канцелярского языка Московской Руси проявилась в том, что к XVII в. значительная часть слов польского происхождения настолько прочно вошла в лексический состав великорусского делового языка, в частности языка Посольского приказа, что воспринималась как его характерная особенность.

В составе **славянских единиц** в исследуемом тексте Г. Котошихина нами выделены группы разнотематических и неоднородных по степени закреплённости и адаптации к русской языковой системе слов, составляющих слововведения, которые представляют разные части речи, и мы приводим их в текстовой форме: имена существительные [*олстрѣ*, *банделеры*, *гусарія*, *забоецѣ*, *квартарѣ*, *конфедерацтво*, *корона*, *коронованіе*, *костелы*, *кроники*, *маестатѣ*, *оснѣ*, *нистоль*, *потентатѣ*, *привиліи*, *рейтары*, *референдаріусы*, *ротмистры*, *секретари*, *секретаріусѣ*, *шкота*]; имена прилагатель-

ные [Рейтарской Приказ], глаголы [витать, коронуют, обрати], краткое страдательное причастие прошедшего времени [и после того времени случися ему быти в церкви, где коронован].

Представленные заимствованные существительные Г. Котошихин использовал в тексте с предлогами, с помощью различных аффиксов создавая словоформы определённого падежа, рода, числа в соответствии с грамматическими закономерностями русской языковой системы, соответствующие контексту – выражаемым грамматическим отношениям: *пистолы с олстры; у Полской гусарии; ноги ж и руки и пальцы отсекают за конфедерацтво; с короною Полскою; опричь короны; при короновании; переделывать в костелы; хотя в Крониках пишут; за своим столом на маестатех; с пистолми; к христианским потентатом; и к потентатом в дарех; в рейтарех; к рейтаром; в рейтары; в рейтары выбирают из жилищ; а бывают у рейтар начальные люди; из рейтар и из начальных людей.*

Эти словоформы получали грамматическое оформление при помощи окончаний [флексий]: **в форме именительного падежа** – поставлена бывает *вахт-а* [жен. род, ед. число]; учинены *буд-ы* [жен. род, мн. число]; *канн-а* [жен. род, ед. число] будет в два алтына; а бывают у рейтар начальные люди ... и *ротмистр-ы* [муж. род, мн. число]; а *хоругви* [жен. род, мн. число] у них большие; и иная какаянибудь *шкод-а* [жен. род, ед. число] учинитца; с обе стороны, стоять *секретар-и* [муж. род, мн. число]; **в форме родительного падежа** – *забойц-ов* [муж. род, мн. число] граждане побили; чарка бывает в четвертую долю *квартир-я* [муж. род, ед. число]; о причь *корон-ы* [жен. род, ед. число]; похотели быть у которого иного *потентат-а* [муж. род, ед. число]; против такого ж обычая, что и *рейтар-ов* [муж. род, мн. число]; *предик-и* [жен. род, ед. число] не бывает; а поденной корм и питье бывает против посольского *секретариус-а* [муж. род, ед. число]; **в форме винительного падежа** – и *банделер-ы*

[муж. род, мн. число] на царской обиход покупают; и взложат на царя *корон-у* [жен. род, ед. число]; отпустит сына своего на службу в *рейтар-ы* [муж. род, мн. число]; **в форме дательного падежа** – которому *потентат-у* [муж. род, ед. число] болши чести воздают; по конному человеку *рейтар-у* [муж. род, ед. число]; а бывает *рейтар-ом* [муж. род, мн. число] збор из дворян; **в форме творительного падежа** – да ружье же, карабины, и пистолы с *олстры* [муж. род, мн. ч.]; *осн-ом* [муж. род, ед. число].

В процессе адаптации заимствованного слова к русской морфологической системе наблюдаются следующие особенности формообразования: имена существительные мужского рода оформлялись в деловом языке древними окончаниями, свойственными старым типам склонения имён существительных. Например, имя существительное *олстр* и под. в форме творительного падежа множественного числа выступали с окончанием *-ы* древнего типа склонения *о-основ [с *олстры*, з *бояры*], а имя существительное *рейтар* в форме родительного падежа множественного числа с нулевым окончанием [у *рейтар*, из *рейтар*], хотя в тексте сочинения Г. Котошихина преобладают новые формы [у *рейтар-ов*, з *бояр-ами* и т. д.]. Существительное *рейтар* в форме дательного падежа множественного числа оформлялось окончанием *-ом*, а в форме предложного падежа множественного числа окончанием *-ех* древних основ на *о, *jo [к *рейтар-ом*, в *рейтар-ех*]; при помощи нулевого окончания оформлялись имена существительные в форме винительного падежа мужского рода единственного числа: *рейтар*.

В сочинении Г. Котошихина падежные формы имён существительных передавались посредством предлога и окончания: **в форме родительного падежа** – а начальные люди у них против того ж что и у *рейтар-ов* [муж. род, мн. число]; а боярские знамена бывают таковы, что у Полской *гусари-и* [жен. род, ед. число], разноцветные, долгие; **в форме дательного падежа** – казна посылается во

окрестные государства и **к** *потентат-ом* [муж. род, мн. число] в дарех; он обещался им и чинил веру на том, что им быти под его владением в вечном подданстве по своим волностям и *привили-ям* [жен. род, мн. число]; и исполняя полки придают их **к** *райтаром* в полки [муж. род, мн. число]; **в** *форме винительного падежа* – Греческия церкви переделывать **в** *костел-ы* [муж. род, мн. число] Лятцкие; и в те полки **в** *рейтар-ы* [муж. род, мн. число] выбирают из жилцов; **в** *форме творительного падежа* – и от того **с** *корон-ою* [жен. род, ед. число] Полскою и с Литвою ноипаче была война; пошел через царской двор с ружьем, с саблею, или **с** *пистол-ми* [муж. род, мн. число]; **в** *форме предложного падежа* – **в** *Кроник-ах* [жен. род, мн. число] пишут; и садитца царь с царицею за своим столом **на** *маестат-ех* [муж. род, мн. число]; да они ж бывают в начальных людех у конницы и у пехоты, и **в** *рейтар-ех* [муж. род, мн. число].

Е.А. Целунова, опираясь на мнение А. Золтана, отметила, что значительный пласт полонизмов исследователи находят в великорусских документах делового характера, что связано с непрерывностью традиции использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии начиная с первой половины XV в. [8].

Так, суффиксы, как правило, влияли на выбор флексии:

- **ств** - имён существительных среднего рода со значением отвлечённого признака [ноги ж и руки и палцы отсекают за **конфедерац-ств-о** – вин. падеж, ср. род, ед. число – Sing. t];

- **ус** - форма мужского рода [а честию и высочеством те думные дьяки будут таковы, как в Полше **референдарі-ус-ы** – им. падеж, муж. род, мн. число]; [а иные титулы пишут золотом: Цесарскую по «**Август-ус**» – дат. падеж, муж. род, ед. число – Sing. t.]; [питье бывает против посольского **секретари-ус-а** – род. падеж, муж. род, ед. число].

Имена прилагательные в сочинении Котошихина, образованные от славянских имён

существительных, как правило, оформлялись суффиксом **-ск-** и падежными окончаниями: **из** *Рейтар-ск-ого* ж Приказу (род. падеж, муж. род, ед. число); **людем** *рейтар-ск-им* [дат. падеж, муж. род, мн. число]; **не** *таковы* как *рейтар-ск-ие* [вин. падеж, муж. род, мн. число]; **бою** *против* *рейтар-ск-ого* [род. падеж, муж. род, ед. число]; *Рейтар-ск-ие* *полки* [вин. падеж, муж. род, мн. число]; **из** *рейтар-ск-их* ... *людей* [род. падеж, муж. род, мн. число].

Иногда в оформлении падежной формы имени прилагательного использовалось окончание старых типов литературно-письменного языка Московии. Так, в форме именительного падежа единственного числа употреблено неударное окончание **-ой** [*Рейтарской приказ*] народно-литературного типа великорусского языка, которое использовалось и в деловом языке и которое после образования единого русского национального языка стало приметой говоров севернорусского наречия.

Славянские глагольные единицы оформлялись посредством личных окончаний, используемых в русском языке: царя **коронуют** [глагол 3 лица в форме наст. времени мн. числа].

На наш взгляд, слово- и формообразовательные процессы, характерные для освоения заимствований, используемых Котошихиным в сочинении, представляют особый интерес. Например, основа слова *рейтар* стала производящей для притяжательного прилагательного *рейтарский*, функция которого – указывать на отношение к предмету или связанность с каким-нибудь предметным значением.

Слово *корона* стало производящей основой глагола *короновать*. Н.И. Гайнуллина пишет, что «для Петровской эпохи были характерны глаголы с суффиксом **-ова-**, прошедшие польское посредство, суффикс **-ова-** легко замещался русским суффиксом **-ова-**» [1, с. 117]. Следует сказать, что эта тенденция была характерна и для образования глагола в XVII в. Продуктивный глагол *короновать*

используется Г. Котошихиным в разных формах: *а когда царя **коронуют**; и в то время бывает ему помазание елеом; да в то ж время, как царя **коронуют** и веселие бывает* [глагол 3 лица в форме наст. времени мн. числа]. От слова *короновать* образовано отглагольное существительное **коронование**: *а царь в то время устраиваетца во все свое царское одеяние, так же как и при **короновании**; и учинили **коронование** в соборной бошой первой церкви и молили Бога*. Отметим, что все указанные новообразования адаптировались в русской языковой системе и функционируют в современном русском литературном языке как частотные.

С учётом изложенного можно констатировать, что заимствования проникали в русский язык из разных источников, они могли происходить книжным и устным путём, что приводило к большой вариантности иноязычных слов, многообразию их фонетического и морфологического облика [6, с. 152]. Кроме того, в процессе заимствования славянских единиц наблюдается их полная адаптация к морфологической системе русского языка, поскольку, адаптируясь, иноязычное слово принимало фонетический облик русского слова; при образовании от него производных использовались аффиксы, продуктивные в русском языке.

В синтагматике заимствованное слово подчинялось законам построения синтаксиса русского языка: *у гусарии, за конфедерацио, с короною, при короновании, в рейтары, и банделеры, у рейтаров, з боярами*.

Некоторые заимствования стали производящими словами, изменив частеречную принадлежность: *короновать*; другие закрепились строго за определённой частью речи:

секретариус – имя сущ., *на маестатех* – имя сущ., *с пистолми* – имя сущ.; деривационные процессы в образовании новых слов от заимствованных корней, основ придавали производным словам облик, форму, «прогнозировали» функции русского слова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: Процессы адаптации. – Алматы, 2008. – 295 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 2001. – 719 с.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1982. – 528 с.
4. Копосов Л.Ф. Нормы деловой письменности и русские грамматики XVIII в. // Вестник МГОУ. – Серия «Русская филология». – 2011. – № 3. – С. 156–161.
5. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000.
6. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. – Санкт-Петербург – Ставрополь, 2012. – 687 с.
7. Корш Ф. О некоторых славянских словах иноязычного происхождения. Почесть. // Сборник статей по славяноведению, посвящённых профессору Марину Степановичу Дринову его учениками и почитателями. – Харьков, 1904. – 62 с.
8. Целунова Е.А. К вопросу о межславянских языковых контактах во второй половине XVII века (на материале Псалтыри Авраамия Фирсова) // Сов. славяноведение. – 1985. – № 2. – С. 82–89.
9. Чудинов А.Н. Словарь иностранных словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составленъ подъ редакціею А.Н. Чудинова. – С.-Петербургъ, 1894, изданіе В. И. Губинскаго. – 992 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь. Тт. 2, 4. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН ССР О. Н. Трубачёва. Издание второе, стереотипное. – М., 1986–1987. – 672 с. – 864 с.

Публикации аспирантов

УДК 811.161. 1' 373 " 18"

Бугаенко М.А.

Московский государственный областной университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

M. Bugaenko

Moscow State Regional University

LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF NAMES OF PERSONS ACCORDING TO THEIR ACTIVITIES IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о классификации наименований лиц по роду деятельности в русском языке XVIII века. Выделяется несколько лексико-семантических групп тематической группы «наименование лиц по роду деятельности». В основе исследования лежат исторический, а также дефиниционный методы. Автор на материале деловых документов XVIII века выявляет особенности процесса заимствования как одного из основных путей формирования группы слов со значением «наименование лиц по роду деятельности», а также прослеживает, как изменилось значение и употребление слов данной группы в современном русском языке.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, языковые единицы, наименование лиц по роду деятельности, классификация лексем, лексическое значение слова.

Abstract. The article deals with classification of names of persons according to their field of activity in the Russian language of the 18th century. Several lexical-semantic groups of thematic group "names of persons according to their activities" are identified. In this paper, the historical and definitional analyses are presented. Using the material of business documents of 18th century the author reveals the peculiarities of the process of borrowings as one of the main sources of forming of thematic group «names of persons according to their field of activity», as well as traces how the value and the use of the words of the group have changed in the modern Russian language.

Keywords: lexical-semantic group, language units, names of persons according to their activities, classification of lexemes, lexical meaning of a word.

Корпус наименований лиц по роду деятельности в русском языке XVIII века интересен и с лингвистической, и с культурологической точек зрения. С одной стороны, мы можем выявить лексемы, вошедшие в русский язык как до XVIII века, так и непосредственно в XVIII веке, а также установить, из каких языков и какими способами пополнялся лексический состав языка. С другой стороны, исследование номинаций лиц по роду деятельности помогает

нам узнать о существовании редких профессий и занятий, которые в настоящее время утрачены.

Слова, называющие людей по роду деятельности, входят в большую тематическую группу «Занятия, профессии», которая, в свою очередь, делится на лексико-семантические группы.

Учёные по-разному подходили к вопросу классификации наименований лиц по роду деятельности в XVIII в. Например, Ф.П. Филин предлагал разделять слова по сферам использования [3; с. 62-73]. Существует также традиционное разделение наименований лиц по роду деятельности на четыре группы: «властвующие и управляющие», «молящиеся», «сражающиеся» и «трудящиеся» [2; 126]. Мы считаем, что существует необходимость сделать более подробную классификацию наименований лиц по роду деятельности с выделением большего количества лексико-семантических групп. Наш языковой материал (20 проанализированных единиц) позволил выделить 5 таких групп на основе лексикографических источников.

1. В XVIII веке в Российской Империи активно развивается наука, в связи с чем лексикон заметно пополняется большим количеством наименований лиц, занимающихся **научной деятельностью**. Именно в XVIII в. в русский язык входят наименования различных учёных, связанные с названием изучаемой ими наукой. При этом осуществляются заимствования из разных языков. В названии приказа от 2 августа 1728 г. «О распределении **Геодезистовъ** по Губернциямъ и Провинциямъ для сочинения ландкартъ» [3, т. 1; с. 308] используется номинация **геодезист** – «изучающий науку эту, или применяющий ее к делу; межевицк, съемицк, землемер, планицк» [1, т. 1, с. 308]. Данное слово пришло в русский язык из английского. В XVIII веке появились в языке следующие номинации, заимствованные из латинского языка: **гидравлик** – «специалист по гидравлике, гидравлическим сооружениям» [7], **инвентор** – «тот, кто изобретает, придумывает, творчески создает что-либо» [7], **механик** – «уче-

ный-физик, специалист по механике» [7], **физик** – «ученый, занимающийся физикой» [1, т. 4, с. 488] и др. Довольно часто в деловых документах встречается слово **инженер**, заимствованное из французского языка. У этого слова в XVIII в. отмечаются два значения: «1. Специалист по военной технике, по строительству оборонительных сооружений, осаде крепостей; звание, должность такого специалиста. 2. Специалист по изучению земной поверхности, составляющий её карты, чертежи» [7], оба они встречаются в текстах документов. Так, инженер в значении специалиста по строительству оборонительных сооружений используется в тексте Воинского Устава от 30 марта 1716 г.: «Хотя **инженеры**, подкопщики и петардиеры къ Штабу Артиллерийскому принадлежатъ понеже они въ поле с помянутой артиллериею маршируютъ, и у оной станъ свой имеютъ» [3, т. 5, с. 198]. Употребление слова во втором значении – специалиста по изучению земной поверхности можно встретить в тексте приказа от 14 февраля 1716 г. «Объ осмотре рекъ Амударьи и Сырдарьи, и о приведении Хановъ Хивинскаго и Бухарскаго въ подданство России»: «**Инженеровъ** изъ учениковъ Куломоныхъ дать двухъ человекъ» [3, т. 5, с. 198].

2. Контакты Российской Империи с другими странами в XVIII веке привели к появлению в русском языке нескольких лексем, называющих лиц, которые занимаются **переводческой деятельностью**. Так, в тексте приказа от 11 июня 1784 г. «О произвождении жалованья состоящимъ на Сибирской линии **Переводчику, Толмачамъ** и Мулламъ» [3, т. 22, с. 160] мы видим сразу две лексемы, относящиеся к рассматриваемой лексико-семантической группе. Слово **переводчик** имеет следующее значение: «кто переводит что на другой язык; словесный переводчик, толмач; письменный, при посольствах, драгоман» [1, т. 3, с. 33]. **Толмач** же немного отличается значением и толкуется так: «переводчик с языка на язык; больше устный, словесный переводчик» [1, т. 4, с. 377]. Данные лексемы являются исконно русскими. Вместе с ними в русском языке XVIII века функционирует за-

имствованная из французского языка лексема **драгоман** – «переводчик при европейской миссии или консульстве на Востоке». Использование указанного слова встречается в названии приказа от 2 марта 1782 г. «О определении помощниковъ къ состоящимъ при Константинопольской Миссии Посланнику и Драгоману» [3, т. 21, с. 420].

3. В XVIII веке в текстах деловых документов функционирует большое количество наименований лиц, занимающихся **деятельностью, связанной с искусством**. К примеру, в тексте приказа от 12 июля 1783 г. «Объ учреждении особаго Комитета для управления театральными зрелищами и музыкою» встречаются наименования людей, связанных с театром: «Для приобретения лучшихъ успехов въ театре и музыке, позволяется актеровъ, музыкантовъ и танцовщиковъ Российскихъ посылать въ чужие края, определяя имъ деньги на проездъ и содержание изъ экономической или остаточной суммы, по рассмотрению Директора и по согласию на то Комитета» [3, т. 21, с. 976]. Слово **танцовщик** – «вообще, кто пляшет, или плясун, плясунья по званию, ремеслу, балетчик» [1, т. 4, с. 356] – является исконно русским. Лексема **актёр** – «театральный артист, сценический художник, играющий на театре; лицедей, личник, стар. скоморох» [1, т. 1, с. 7] – пришла в русский язык в 1739 г. из латинского через французский язык. В тексте приказа от 9 июня 1773 г. «Объ учреждении въ Санкт-Петербурге публичнаго Российскаго театра» обнаруживается лексема **комедиант** – «лицедей, представляющий какое-нибудь лицо в драматическом сочинении» [5, т. 3, с. 263]: «Ея Императорское Величество Высочайше изустно сего Июня 9 дня указать соизволила въ здеишемъ городе зделать публичное Русское комедиальное зрелище, какъ оное и прежде было, которое и производи въ построенномъ для каруселя месте, и для представления оныхъ построить театръ, и комедиантовъ нанять <...>» [3, т. 19, с. 773].

4. Развитие искусства и науки в XVIII веке. влияет на появление большого количества уз-

коспециализированных наименований людей в разных областях. Не является исключением и медицина. Помимо широко распространенных лексем **врач, лекарь и доктор**, в текстах деловых документов встречаются номинации, обозначающие конкретную область деятельности врача. К примеру, в докладе Медицинской коллегии от 19 января 1797 г. «Объ учреждении Медицинскихъ Управъ» встречается слово **оператор** в значении «тот, кто производит операцию, хирургическое вмешательство в лечебных целях» [7: 2007]: «На таковой конецъ, если **Операторъ** призванъ будетъ къ болящему, надъ которымъ нужно сделать операцию, буде время и обстоятельства терпятъ, безъ советовъ и присутствия другихъ врачей, совершать оную не долженъ, особливо при важныхъ случаяхъ» [3, т. 24, с. 295]. Данное слово пришло в русский язык из латинского (лат. operator) через французский (фр. opérateur) в 1721 г. и стало активно использоваться в данном значении до XIX века. Также в XVIII веке русский язык пополнился словом **хирург** – «лекарь; кто упражняется в хирургии, знает хирургию» [5, т. 6, с. 1142]. Данная лексема была заимствована из латинского языка (лат. chirurgus) через немецкий (нем. Chirurgus) в 1721 г. Пример употребления можно найти в тексте приказа от 22 декабря 1740 г. «О назначении квартирныхъ денегъ Гофъ-Хирургамъ»: «По сему доношению, когда другимъ придворнымъ Хирургамъ квартирныя деньги производятся, то и прочимъ давать надлежитъ по рассмотрению Медицинской Канцелярии» [3, т. 11, с. 332].

5. В Российской Империи в XVIII веке государственный аппарат был представлен довольно большим количеством работников. Поэтому можно выделить группу **лиц, занимающихся деятельностью, связанной с делопроизводством различных учреждений**. Большинство номинаций, входящих в данную лексико-семантическую группу, появились в русском языке в XVIII веке. К примеру, в русский язык вошло слово **нотариус** – «протоколист и хранитель дел в петровских коллегиях и конторах» [7]. Оно было заимствовано

из латинского языка посредством немецкого (нем. *Notarius*). Также в XVIII веке активно используется заимствованное из немецкого языка слово **протоколист** – «должностное лицо, ведущее протоколы» [1, т. 3, с. 477]. Основываясь на значениях этих двух слов, можно сделать вывод, что должности нотариуса и протоколиста были схожи.

Интересна история и исконно русских слов данной лексико-семантической группы. Например, слово **целовальник** имело в XVIII веке два значения. В названии приказа от 17 марта 1738 г. «О сборе въ Башкирскихъ жилищахъ ясака ихъ старшинами, а не **целовальниками** и ясачниками; о даче Башкирцамъ равныхъ подводъ съ Мещеряками, Чувашами и Черемисою; о обмежевании пожалованныхъ Мещерякамъ земель; о невзыскивании доимокъ съ потерпевшихъ от Башкирскаго бунта, до того времени, пока оправятся» [3, т. 10, с. 444] оно используется в значении «выборное должностное лицо, собирающее подати и исполняющее ряд судебных и полицейских обязанностей» [1: IV; 527-528].

Рассмотрев основные лексико-семантические группы наименований лиц по разным видам деятельности, мы можем сделать следующие выводы. По происхождению номинации лиц по роду деятельности неоднородны. Нами были обнаружены как исконно русские (*танцовщик, целовальник*), так и заимствованные слова (*гидравлик, инвентор*), которые составили 25% и 75% от общего количества проанализированных слов соответственно. Употребление некоторых слов, пришедших в язык в XVIII, ограничилось этим столетием. К примеру, из языка вместе с соответствующей реальией исчезли слова *инвентор* и *драгоман*.

Многие наименования лиц по роду деятельности дошли до нашего времени с изменением семантики (*инженер* – «специалист с высшим техническим образованием», *оператор* – «специалист, управляющий работой какого-н. сложного устройства, оборудования», *нотари-*

ус – «должностное лицо, совершающее нотариальные акты»), так и без изменения семантики (*архивариус, хирург*). Стоит отметить, что изменение семантики в языковых единицах происходило разными путями. Так, значение слова *нотариус* заметно расширилось, тогда как значение лексемы *инженер* сузилось. У слова *оператор* современные словари фиксируют несколько значений, в том числе новых, возникших уже после XVIII века.

В данной статье мы охватили лишь 5 групп наименований лиц по роду деятельности, однако, используя материал деловых документов XVIII века, можно выделить и другие группы. Изучение изменений в лексике русского языка XVIII века открывает нам возможные перспективы изучения истории современной русской лексики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., М., 1880-1882. – Т. 1-4.
2. Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора / отв. ред. А.Ф. Журавлёв. – М.: ИСЛ РАН, 2011. – 224 с.
3. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / отв. ред. чл.-корр. АН СССР Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 374 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. В 50 томах. Под редакцией М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 4-25.
5. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806-1822. – Ч. 1-6.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. — М.: Изд-во «Наука». — Вып. 1 (1975 г.) — Вып. 28 (2008 г.)
7. Словарь русского языка XVIII века. — СПб: Изд-во «Наука». — Вып. 1 (1984 г.) — Вып. 17 (2007 г.) [2002] [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 9.10.2013 г.)
8. Шамшин И.В. Административная лексика в памятниках деловой письменности XVIII века: дис ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 297 с.

УДК 811.161.1' 373.45

Воробьева Н.Ю.

Московский государственный областной университет

**ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В «АФРИКАНСКОМ ДНЕВНИКЕ»
НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА КАК ОТРАЖЕНИЕ СФЕРЫ ИНТЕРЕСОВ
ПОЭТА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

N. Vorobyova

Moscow State Regional University

**THE EXOTIC VOCABULARY IN «AFRICAN DIARY»
BY NIKOLAY GUMILEV AS A REFLECTION OF THE SPHERES
OF INTERESTS OF THE POET THE TRAVELER**

Аннотация. Статья посвящена исследованию экзотической лексики в «Африканском дневнике» Н.С. Гумилёва, раскрывающей стремление автора показать читателю реалии быта Абиссинии (Эфиопии) первой половины XX века (*шама, нагадрас, энджера и др.*). Избрав материалом исследования текст путевого дневника Николая Гумилёва, мы считаем возможным выявить в ходе анализа черты языковой личности автора как наблюдательного путешественника, для которого специфика экзотической номинации реалии доносила аромат чужой жизни и быта. Разыскания поэта-акмеиста, касающиеся абиссинских племён (*галласы, данакли, сомали*) и приведшие его к непосредственному знакомству со структурой их общественного устройства, характером власти, строением жилья, видом одежды, особенностями кухни и т. д., вызывают наш интерес, который предполагает использование вектора сравнения результатов наблюдений автора с итогами опроса современных российских путешественников.

Ключевые слова: язык Н.С. Гумилёва, «Африканский дневник», языковая личность, акмеизм, экзотизм, этноним, фразеологизм.

Abstract. The article is devoted to the study of exotic vocabulary in «African diary» N. Gumilev, which demonstrates the desire of the author to show the reader the realities of life in Abyssinia (Ethiopia) of the first half of the 20th century (*shama, nagadras, andgera and others*). We believe that choosing the text of the travel diary of Nikolay Gumilev as the material for the study makes it possible during the analysis of language features to identify the personality of the author as an observant traveler, for whom the specifics of exotic nomination of realities brings the scent of alien everyday life. The research of the poet-acmeist concerning the Abyssinian tribes (*gallas, danakil, somali*) led him to direct acquaintance with their social structure, nature of power, the structure of housing, clothing, cuisine etc. The above interests us and justifies the use of the vector of comparison of the results of observations of the author with the results of the survey of the modern Russian travelers.

Keywords: N. Gumilev's language, «African diary», linguistic personality, acmeism, exotism, ethnonym, cliché.

«Африканский дневник» поэта-акмеиста, путешественника, тонкого ценителя экзотики Николая Степановича Гумилёва был написан в 1913 году во время его последнего путешествия по Абиссинии в составе экспедиции академика В. Радлова. «Историческая значимость дневника и «реальность» происшествий, происходящих с героями, становятся первым и основным критерием для определения его жанровой сущности – документального очерка» [6].

Мы полагаем, что страницы дневника были адресованы вдумчивому читателю, который, как и автор, интересовался экзотическими странами и мог этот интерес при желании реализовать. Н.Н. Галушко справедливо считает, что путешествие, путь для Гумилёва «отождествляется с яркой полноценной жизнью и противопоставляется скуке, унынию и серости – атрибутам оседлой жизни» [4, с. 80].

Гумилёв ставил перед собой такие коммуникативные задачи, согласно которым читателями «Африканского дневника» должны были бы быть, в первую очередь, представители привилегированных классов: в дневнике сообщается о высокопоставленных особах, с которыми были встречи поэта в Абиссинии, но не рассказывается об орудиях труда или о процессе обрабатывания земли. Вскользь упоминается о народных традициях и жилищах галласов. Наряду с этим Николай Гумилёв подробно описывает дома представителей власти, их одежду, окружение, рассказывает об их поступках и характерах.

При внимательном чтении текста нам удалось выявить сферу интересов Н. Гумилёва-путешественника: племена (их названия, менталитет), песни и легенды, охота; жилища, абиссинская кухня, иерархия власти, культура, судебная система, одежда, занятия местного населения, растительность, символы страны. Это составляет тематику дневника. Большая часть тем при освещении предполагает использование экзотической лексики, образуя топику, значение которой в дневнике объясняет сам Н.С. Гумилёв. На основе этих объяснений как семантических блоков текста, передающих характеристики и оценки поэта-путешественника, выявим особенности языковой личности автора.

Рассказывая о племенах, Н. Гумилёв неоднократно использует этнонимы: *галласы*, *сомалийцы* и другие: *Проходя перед хижинами галласов, слышишь запах ладана, их любимого куренья* [2, с. 271].

Следует отметить, что автор использует вариант *галласы*, ассимилированный к

русскому произношению. Здесь проступает прагматическая установка Н.С. Гумилёва сделать дневник максимально понятным русскому читателю. Трудности представления семантики, внутренней формы слова, безусловно, имеют место: «Происхождение этнонима «галла» до сих пор спорно: по одной версии, это слово арабского происхождения и значит «он сказал нет», иными словами, они отказались принять предложение Мухаммеда и перейти в ислам. По другой версии, слово ведёт своё происхождение от сомалийского «gaal» — «не-мусульманин», «чужеземец», применявшегося ко всем язычникам...» [1, т. 1, с. 524].

Гумилёв показывает застенчивый, пугливый характер народности, употребляя этноним *галласы* в контекстуальном окружении таких слов, которые отражают в значении сему 'страх' (*испуганно* – от *испуганный*, то есть выражающий испуг [9, с. 254], *сторониться* в значении 'отходить в сторону, освобождая место для прохода, проезда' [9, с. 771]). В силу этого отмечаем контекстуальную коннотацию значения этнонима – он эмоционально окрашен: *Белые, то есть греки, армяне, сирийцы и турки — все знакомые между собой, скакали группами, болтая и одалживаясь папирской. Попадавшиеся навстречу крестьяне-галласы испуганно сторонились, видя такое торжество* [2, с. 278].

В песне из «Африканского дневника» рассказывается, что вождю Дароту *галласы носят воду из колодцев с той стороны реки Уэба* [2, с. 266-267]. Это указывает на то, что племя организованное, имеет лидера (вождя), которого галласы почитают настолько, что готовы идти за водой для него на другую сторону реки.

Благодаря сведениям из «Африканского дневника», можно составить портрет народности – такой, каким обрисовал его поэт-путешественник. Галла любят жечь ладан, следовательно, христиане; живут в хижинах; занимаются земледелием; ведут многовековую борьбу с хараритами; имеют вождя, которого глубоко почитают.

Наряду с галласами упоминаются сомалийцы: «Сомалийцы, сомали — африканский народ хамитского или эфиопского племени, населяющий область между Адениским проливом к югу, Абиссинией к юго-востоку и рекой Джубб к северу. По мнению Пауличке, сомалийцы представляют смешение племени галла с переселившимися сюда к VI-XIII вв. арабами» [12, с. 846].

Наименование народности *сомбали* автор оформляет как освоенное русским языком, т.е. суффиксальным способом, по продуктивной словообразовательной модели русского языка, с суффиксом *-ец*: *сомалиец*: *От двенадцати до четырёх часов пополудни улицы кажутся вымершими; все двери закрыты, изредка, как сонная муха, проплетётся какой-нибудь сомалиец* [2, с. 265]. Этноним *сомалиец* эмоционально окрашен, на коннотацию указывают контекстуальные партнёры — разговорный негативнооценочный фразеологизм *как сонная муха* ('очень вяло, медленно' [7, с. 401], а также предикат *проплетётся* (от *плестись* — 'идти медленно, вялой походкой, тащиться' [9, с. 523]).

Автор рассказывает, что *сомалийцы* племени *Исса* находятся в постоянной вражде с живущими на север от них *данакиями* и что последние всегда побеждают. *Сомалийское племя Исса считается одним из самых свирепых и лукавых во всей восточной Африке. Они нападают обыкновенно ночью и вырезают всех без исключения. Проводникам из этого племени довериться нельзя* [2, с. 266]. Авторская характеристика словами предикатной лексики отрицательная: *свирепый, лукавый, вражда, нападать, не доверять*.

Однако есть у этой народности положительные черты, отмеченные Н.С. Гумилёвым соответствующим предикатом — *творцы моды* (они даже являются *творцами моды* среди окружающих племён [2, с. 266]): они обнаруживают известный вкус в выборе орнаментов для своих щитов и кувшинов, в выделке ожерелий и браслетов.

Мужчины-сомалийцы показаны Гумилёвым крепкими и трудолюбивыми, способны-

ми прийти на помощь: *Пятнадцать рослых сомалийцев, ритмически выкрикивая «ей-дехе, ейдехе» — род русской «дубинушки», не политической, а рабочей, — взялись за ручки дрезин, и мы отправились* [2, с. 269]. Предикаты, представленные акциональным глаголами (*выкрикивать, взяться*), представляют это. Гумилёв увидел в сомалийцах не только *рослых* ('высокого роста' [9, с. 684]) мужчин, но и обратил внимание на способ подбадривания в ходе совместной работы: *«ейдехе, ейдехе»*. Данное междометие-экзотизм конкретизирует обрисованную картину, автор стремится к достоверности.

Этноним *сомали* и ассимилированное производное *сомалиец* создают противоречивый образ *свирепого* ('зверского, жестокого, неукротимого, выражающего жестокость' [9, с. 703]), *лукавого* ('коварного, хитрого' [9, с. 334]), *опасного* ('способного вызвать, причинить какой-н. вред, несчастье' [9, с. 453]) народа.

— В «Африканском дневнике» автор осуществляет представление народностей через характеристику их контактов последовательно. *Сомалийцы* находятся в постоянной вражде с *данакиями*. «*Данакиль* (афар) — народ, живущий в р-не Африканского Рога; в Эфиопии — преим. в пустыне Данакиль, а также в Джибути, Эритрее. Иногда сев. А. называют данакиль, южных — адел, или адал» [1, т.1, с. 474]. Н. Гумилёв характеризует данакилей как *способный* ('обладающий способностями к чему-н., одарённый' [9, с. 757]), но очень *свирепый* ('зверский, жестокий, неукротимый, выражающий жестокость' [9, с. 703]) народ.

Наблюдения над единицами, называемыми экзотическую пищу, позволяют отметить следующее. В описании абиссинской еды встречается экзотизм *нжира*: *В галласской деревушке мы купили нжиры* (род толстых блинов из чёрного теста, заменяющих в Абиссинии хлеб) *и съели её, окружённые любопытными ребятишками, при малейшем нашем движении бросающимися удирать* [2, с. 274]. Точное название *нжиры-энджера*. В

Русско-амхарском словаре Э.Б. Ганкина и Кеббеде Деста *энджера* переводится через гипероним *блины* [5, с. 67]. В «Африканском дневнике» Гумилёва дано более точное объяснение: *энджера* не просто *блины*, а *толстые блины из чёрного теста*. Авторское написание расходится с написанием в словаре языка амхара, однако в контексте наблюдается конкретизированное обозначение денотата, что характерно для представителей акмеизма. Но Н. Гумилёв пытается быть точным в деталях (еда поджарена именно на сковороде, а не приготовлена в печи). Такая точность соответствует жанру дневника и выработанной автором, поддерживаемой в текстах акмеистической тенденции твёрдого взгляда на мир.

Дневник изобилует лексикой, принадлежащей фрагменту языковой картины мира, обозначающему социальное устройство (*нагадрас*, *негус* и др.): *Перед домом данакильско-го нагадраса (собственно говоря, начальника купцов, но в действительности — просто важного начальника) висят хвосты слонов...* [2, с. 271]. В Словаре географических названий Эфиопии приводится правильное произношение и написание лексемы, расходящееся с тем, что использовалось у Н. Гумилёва: *нэгадрас* [10, с. 354].

Евгений Степанов, исследователь творчества Николая Гумилёва, даёт толкование слова *нагадрас*: «*Нагадрас* (точнее: *нэгадрас*) — обычно сборщик торговых пошлин» [11, с. 439]. Гумилёв использует неизменно свою (авторскую) орфографию, основанную на фонетическом принципе, поэтому написание и произношение лексемы незначительно разнится со словарным. Определение, данное поэтом, расширяет понятие *нагадрас*. Н. Гумилёв выходит за рамки академического комментария и использует личные наблюдения за работой должностного лица (*нагадрас* в дневнике показан как важное лицо, имеющее в подчинении солдат не только для войны и охраны, но и для охоты).

Слово *негус* как обозначение титула поэт вводит в текст при упоминании об истори-

ческих событиях в Абиссинии: *В этом году негус Менелик в битве при Челонко в Черчере наголову разбил харарского негуса Абдуллаха и взял его самого в плен, где тот вскоре и умер. Его сын живёт под надзором правительства в Абиссинии, номинально называется харарским негусом и получает солидную пенсию* [2, с. 281]. Лексеме *негус* Гумилёв даёт объяснение не в «Африканском дневнике», а в поэме «Мик»: *Негус — титул абиссинских царей* [8, с. 259]. Лексема стилистически не окрашена, так как используется в номинативных целях и выполняет когнитивную функцию.

Для передачи информации представлена в дневнике и стилистически не окрашенная лексема *шама*. Поэт использует это слово, рассказывая о национальной абиссинской одежде: *Араб принимал красивые позы, распахивал и запахивал свою шаму (белая мантия, общая для всех обитателей Абиссинии) и, говоря, выбирал выраженья и, видимо, старался для галёрки* [2, с. 271-272]; Он (Тафари Макконен. — Н.В.) *был одет в шаму, как все абиссинцы, но по его точёному лицу, окаймлённому чёрной вьющейся бородкой, по большим, полным достоинства, газельим глазам и по всей манере держаться в нём сразу можно было угадать принца* [2, с. 279].

Д. Бакстон в исследовании «Абиссинцы. Потомки царя Соломона» пишет: «Мужественные амхарцы, живущие либо на открытых ветрам плато, либо же в более уютных низинах ущелий, — очень гордый и обособленный народ. <...> Это люди природного достоинства, подчёркиваемого традиционной шама или тогой — верхней одеждой как мужчин, так и женщин» [3, с. 62]. В дневнике Гумилёва есть подробное описание, дающее основание для семантизации: *шаму* носят все жители Абиссинии, даже правители страны; *шама* не просто мантия и не только верхняя одежда, а мантия белого цвета; это одежда с запахом. В подробном описании *шамы* поэтом мы усматриваем свойственное акмеистам стремление быть максимально точным в деталях.

Мы проанализировали часть экзотизмов, представленных русским поэтом и путеше-

ственным Н.С. Гумилёвым в «Африканском дневнике». В ходе анализа было выявлено следующее:

1) Н.С. Гумилёв подробно объясняет читателю значение экзотизмов, использованных для обозначения реалий жизни Абиссинии начала XX в., что предполагает жанр путевого дневника, а также отражает свойственное акмеистам стремление поэта к честному взгляду на мир: названия еды (*нжира* и др.), названия должностей высших чиновников страны (*негус, нагадрас* и др.).

2) При объяснении экзотической лексики происходит сравнение с реалиями русской жизни (*нагадраса*, например, поэт называет *начальником купцов*, что делает значение слова понятным русскому читателю). Таким образом, мы склонны полагать, что толкование Н. Гумилёвым экзотизмов происходит через призму носителя русского менталитета, типизированных представлений русской языковой картины мира.

3) Называя представителей абиссинских племён, автор использует русские суффиксы (например, *-ец* в слове *сомалиец*) для ассимиляции слова к языку читателя-соотечественника.

4) Нередко Н. Гумилёв расширяет значения вводимых понятий по сравнению со значениями, данными в позднейших словарях. В таком подходе мы усматриваем акмеистические тенденции творчества поэта.

Мы полагаем, что Н.С. Гумилёв при толковании экзотической лексики и при её использовании в «Африканском дневнике» проявляет себя не только как путешественник, наблюдательный человек и вдумчивый, добросовестный исследователь, но и как русская языковая личность, сохраняющая приверженность выработанным в ходе поэтического творчества акмеистическим взглядам.

При анализе «Африканского дневника» мы сочли необходимым учитывать сферы интересов сегодняшних российских путешественников.

Нами было опрошено 150 человек разных возрастов, профессий, социальных слоёв.

Самому взрослому участнику опроса 79 лет, самому молодому – 4 года.

Респондентам был задан вопрос: «Что Вас как путешественника привлекло бы в другой стране?» Ответы были разбиты по частоте упоминаний (в порядке убывания) в соответствии с социальным и возрастным расчленением опрошенных.

Нами были получены следующие данные:

1) Представители бизнеса: *взаимоотношения между людьми, досуг, кухня, культура страны*.

2) Интеллигенция (преподаватели, психологи, социальные работники, врачи, бухгалтеры, офисные работники, офицеры, музыканты, логопеды, журналисты): *достопримечательности, национальная кухня, архитектура, культура страны, история, сервис, уклад семей, природа, язык, менталитет, традиции*. Также назывались: *национальные символы, отношение власти к народу, социальный уровень, уровень быта, отношение к женщине, отношение к детям, перспективы молодёжи, наличие свободного времени граждан*.

3) Представители рабочих профессий (рабочие завода, продавцы, кассиры, кондитеры, парикмахеры, шофёры): *традиции, кухня, природа, достопримечательности, архитектура*.

4) Домохозяйки: *досуг, отношения между людьми, достопримечательности*. Также упоминался *социальный уровень населения*.

5) Студенты: *отношения между людьми, архитектура, природа, уклад жизни, язык, сервис*. Также назывались *спортивные объекты* и интересные места страны, которые не входят в туристические маршруты.

6) Учащиеся школ: *достопримечательности, природа, досуг, кухня, архитектура, традиции, денежные отношения, отношения между людьми, культура, одежда, менталитет, транспорт*. Также были названы: *экономика страны, язык, этикет, численность населения*.

7) Дошкольники: *природа, магазины, игрушки*.

8) Пенсионеры: кухня, отношение к туристам, уровень быта, отношения между людьми, уклад семей, природа, экология.

9) Лица без определённого места жительства, заключённые: достопримечательности, увеселительные заведения, магазины, местные женщины, национальная кухня.

Сфера интересов современного туриста в другой стране разнится со сферой интересов Н. Гумилёва. Изменилась прагматическая настроенность путешественников. Они стремятся больше узнать о возможностях отдыха и развлечений в посещаемой стране. Однако мы можем с уверенностью утверждать, что у путешественников начала XX и начала XXI вв. есть общая черта — стремление познать жизнь людей другой страны. Так, в «Африканском дневнике» Н.С. Гумилёв справедливо замечает: *«Перед глазами мало-помалу встаёт картина жизни целого народа и все растёт нетерпенье увидеть её больше и больше»* [2, с. 281].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Африка: Энциклопедия в 2 томах / РАН, Ин-т Африки. – 2010.
2. Африканский дневник // Гумилёв Н. С. Сочинения. В 3 т. — Т. 2. — М.: Худож. лит., 1991. — 478 с.
3. Бакстон Д. Абиссинцы. Потомки царя Соломона / пер. с англ. Н.А. Зотиной. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 231 с.
4. Галушко Н.Н. Поэтические функции глаголов движения-перемещения при раскрытии темы путешествий в лирике Н.С. Гумилёва // Вестник Московского государственного областного университета. – 2009. – № 1. – С. 80–88.
5. Ганкин Э.Б. Кеббеде Деста. Русско-амхарский словарь. Около 23000 слов. – М.: Советская энциклопедия, 1965. — 1013 с.
6. Куликова Е. История... проза... поэзия? (Заметки об «Африканском дневнике Николая Гумилёва») [Электронный ресурс]. — URL: <http://new.gumilev.ru/about/175/> (дата обращения 12.10.2013г.).
7. Курилова А.Д. Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов. — М.: Русский язык — Медиа; Дрофа, 2009. — 778с.
8. Мик // Гумилёв Н.С. Сочинения. В 3 т. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1991. — 590 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2003. — 944с.
10. Словарь географических названий Эфиопии. — М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1974. — 359 с.
11. Степанов Е.Е. Хроники Николая Гумилёва // Гумилёв Н.С. Сочинения. В 3 т. — Т. 3. — М.: Худож. лит., 1991. — 428 с.
12. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания. В 82 тт. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. 1890 г. — М., 1991.

УДК 811.161.1

Воропаева О.В.

Московский государственный областной университет

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОКОНЦЕПТОВ “ДУХ” И “ДУША” В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

O. Voropaeva

Moscow State Regional University

WORD-FORMATIVE POTENTIAL OF THE LINGUISTIC CONCEPTS “SPIRIT” AND “SOUL” IN THE HISTORY OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Аннотация. В данной статье предложен опыт систематизации деривационных возможностей концептов «Дух» и «Душа» с точки зрения их функционирования в русской православной лингвокультуре, начиная с древнерусского периода и заканчивая настоящим временем. Исследованию была подвергнута обширная словообразовательная парадигма слов-имён, богатая и многоуровневая структура которой не только помогает устанавливать представления, концептуализированные языковыми единицами, но и даёт возможность проследить их трансформацию во времени.

Ключевые слова: лингвоконцепт, дух, душа, деривация, словообразовательная парадигма.

Abstract. The article deals with the derivation possibilities systematization of the concepts «Spirit» and «Soul» in the Russian orthodox culture from the Old Russian age up to the present. The paper includes the extensive observation of nouns of derivational paradigm with rich and complicated structure which help not only to determine notions, linguistic conceptualization unit, but also allows to trace their transformation through time.

Keywords: linguistic concept, the spirit, the soul, derivation, derivational paradigm.

Совокупность слов и выражений определённого языка отражает систему взглядов народа, который им владеет, его духовные ориентиры, то есть его языковую картину мира. Представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, «ассоциативно», поэтому человек, член того или иного языкового сообщества, при формировании индивидуальных представлений об окружающей его действительности обязательно становится включённым в определённую не только языковую, но и лингвокультурологическую сферу, даже не замечая этого. Пользуясь словами со «стертыми», неявными смыслами, человек, так или иначе, принимает заключённый в них взгляд на мир.

Говоря о русской православной лингвокультуре, мы подразумеваем функционирование и активное взаимодействие двух основных концептов – «Дух» и «Душа». Несмотря на то что в современной науке существует несколько подходов к определению термина «концепт», он представляет собой, прежде всего, ментальную единицу, потому что человек мыслит не готовыми словами, фразами, а некими условными (в своё время по-разному названными) кодами, квантами и т. п. Концепты, как ментальные единицы, включают в себя психологическое, то есть скрытое, неявное, глубоко индивидуальное, и семантическое, относительно выраженное словом, значения. Язык в понимании концепта выступает как дополнительный источник знания, например, этимология слов помогает проследить процесс формирования

определённого представления в рамках одной лингвокультуры. Концепты – ментальные образования, типы, которые хранятся в памяти человека и народа и отражают, как примеры, иллюстрации, «фрагменты опыта» [9, с. 17]. С точки зрения лингвокультурологического направления, концепт обязательно обладает ценностным аспектом. Его структура в целом, как и каждая отдельная составляющая, оценивается с точки зрения поведенческих норм, бытовых традиций, моральных принципов, поэтому концепт так тесно связывается с культурой народа, так предполагает лингвокультурный подход, что процесс изучения национальной концептосферы должен идти от общей культуры к индивидуальному сознанию [5; 9].

Предметом нашего исследования стал словообразовательный потенциал лингвоконцептов «Дух», «Душа» в истории русского литературного языка, который определяется по способности слов производить новые слова. Эта сфера представляет особый интерес, поскольку изучение деривации помогает определить, какие внеязыковые представления находят отражение в семантике языковых единиц. Актуальность темы подтверждается большим количеством научных работ современных исследователей [3; 6; 8], которые напрямую связывают словообразовательный потенциал выбранных лексем с их культурологическим наполнением и значимостью для носителя русского языка.

Как отмечалось нами ранее [2], этимология репрезентантов исследуемых концептов сводится к 'дыханию' [16, с. 164, 153; 15, с. 275; 14, с. 556, 530]. В Ветхом Завете душа обозначается древнееврейским словом «нефеш», которое можно перевести, как «дышащая», «воздыхающая»; «дух» – еврейским словом «руах» и греческим «пневма» с первичным значением «дыхание», «ветер». Таким образом, обе лексемы происходят от одного общеславянского корня. Однако в процессе исторического развития слова наполнились различными смыслами и разошлись в семантико-стилистическом плане, несмотря на то

что по-прежнему обозначают нечто, дающее жизнь.

В современном русском языке лексемы «душа» и «дух» имеют богатые словообразовательные гнезда, их количественный состав – 145 и 25 единиц соответственно [13, с. 323 и 324-325]. Основным критерием оценки значимости и актуальности этих гнезд был не столько их количественный состав, сколько продуктивность словообразовательных моделей, находящихся в них реализацию, и употребляемость, частотность функционирования в современном русском языке входящих в них слов. Рассмотрим словообразовательные гнезда слов «дух», «душа» более подробно.

С точки зрения современного русского литературного языка, основа *душ-* является немотивированной, новые слова от неё образуются по продуктивным словообразовательным моделям морфологическим способом. При этом наиболее частотный способ деривации – сложение основ: *душещипательный, душеполезный, душевнобольной, двухдушный, криводушие, душеспасительный, слабодушный* [13, с. 324, 325].

Обращение к лексическому составу русского языка XI-XVII вв. показывает, что словообразовательная парадигма лексемы «душа» уже на том этапе активно пополнялась за счёт слов, образованных по модели «сложение основ» – *душевноедение, душеглот, душетлитель* [10, с. 387, 389]. Это свидетельствует о деривационной активности мотивирующей основы, её многоплановом использовании носителями языка.

Не менее продуктивным способом образования новых слов от мотивирующей основы «душ-» в современном русском языке является аффиксация, в частности суффиксальный способ, посредством которого образуются единицы со значением субъективной оценки: *душенька, душечка, душонка, душка* [13, с. 324]. При этом приведённые выше лексемы составляют особую стилистическую группу – с уменьшительным и часто уничижительным семантическим оттенком.

Суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы активно используются при образовании прилагательных и глаголов от деривата *душ-*: *душевный, душевой* (от значения 'крепостной крестьянин' [12, с. 412]), *обездушить, одушевить, одушевлять, подушный* [13, с. 324].

Многие слова из лексикона древнерусского языка, образованные по продуктивным словообразовательным моделям, потеряли актуальность в современном русском языке. Так произошло с лексемой 'доушникъ', обозначающей вместилище лёгких, 'место в организме человека между сердцем и селезёнкой' [7, с. 753]. Мы привыкли, что слово уходит в пассивный запас языка, когда ему находится лексическая замена или исчезает реальия, которую оно обозначало. В данном случае объяснение утраты этой лексемы, на наш взгляд, в том, что при формировании языковой картины мира современного русского человека стало важнее осознание наличия души как внутреннего мира и психических свойств, а не её места средоточия в теле.

Для лингвиста интерес представляют слова, имеющие оттенок устаревших: *душевредный, душегрея, душепагубный, душеспасение, криводушник* [13, с. 324], в структуре которых можно почерпнуть информацию о языковой картине мира человека того времени, которая дала материал для их возникновения. Несмотря на то что мотивированное значение в их структуре просматривается довольно хорошо, современнику не до конца ясна их семантическая наполненность. С этим, по-видимому, и связан переход слов в пласт лексики, ограниченной по сфере употребления и стилю: мы встречаем эти лексемы в церковных книгах, духовной литературе, исследованиях по истории.

Нельзя обойти вниманием, что в русском языке XI-XVII вв., во времена активной борьбы за самобытность человеческой души, укрепления религиозных идеалов, в деривационной парадигме лексемы «душа» активно функционировали слова, образованные семой 'человек': *душелюбец, душемножество,*

душие (собирательное имя существительное) и др. [10, с. 390, 391]. Таких примеров в современном русском языке уже не встретишь, у нас осталась единственная подобная номинация человека в выражении «*ни души*» со значением 'никто, никого' [12, с. 413]. Интересен и тот факт, что в языке XI-XVII вв. существовало чёткое разделение слов, мотивированных основой *душ-*, на лексемы с положительной и отрицательной коннотацией: ср. *душеглот, душегуб, душетлитель, душеяд, душетленный, душехищный* и *душеспасительный, душепитающий, душепитательный* [10, с. 388, 390, 391]. По количественному составу этих групп можно судить и о мировоззрении русского человека того времени, радеющего за спасение души, борющегося с угрозой её унижения и уничтожения, и в целом об истории государства и развитии религиозной и философской мысли в России.

Отметим продуктивную словообразовательную модель в парадигме лексемы «душа» – образование глаголов аффиксальным способом как напрямую от мотивирующей основы, так и через посредство более сложных дериватов: *душа – одушевить, душа – бездушный – бездушничать, душа – великодушный – (с)великодушничать, великодушествовать, душа – двоедушный – (с)двоедушничать, душа – криводушный – (по/с)криводушничать, душа – малодушный – (с)малодушничать, (по/с)малодушествовать, измалодушествоваться, душа – простодушный – простодушничать* [13, с. 324, 325]. Наличие столь разветвлённой деривационной схемы показывает, какое значительное место в психическом и культурном мировосприятии русского человека отводится лингвоконцепту «Душа». Глаголы этого ряда вобрали в себя многие экспрессивные и модальные оценки поведения человека, особенно ярко отражены отрицательные коннотативные оттенки, что лишний раз подчёркивает особое умение русского человека осознавать и анализировать собственные ошибки, критиковать результаты неверных решений и сомнительных поступков.

Для современного русского языка характерно функционирование наречия *душевно*, образованного с помощью регулярного и продуктивного аффикса *-о-* и имеющего общеупотребительное лексическое значение. Однако в лексиконе XI–XVII вв. находим ещё одно наречие – *душски* со значением ‘душевно, душой’ [10, с. 392], которое, по-видимому, вышло из активного употребления, поскольку дублировало ранее произведённое слово, к тому же менее регулярный суффикс *-ски*, следующий за основой, давал труднопроизносимое стечение согласных.

Рассматривая словообразовательную парадигму, мы обращаемся, прежде всего, к кодифицированным источникам литературного языка. Но картина будет неполной, если обходить стороной некоторые «закрытые» подсистемы языка, в частности лексику ограниченной сферы употребления. Так, интересным оказывается ныне жаргонное слово «*душман*» (‘враг, противник’), которое включается в парадигму исследуемого концепта лишь благодаря своему созвучию с лексемой «*душа*»; на самом деле оно давно заимствовано из персидского языка, что доказывается данными словаря русского языка XI–XVII вв. [10, с. 392].

Концепт «Дух» раскрывает свой словообразовательный потенциал в современном русском языке в двух направлениях, основанных на следующих семантико-когнитивных признаках слова-имени: «психические способности сознание; сверхъестественное существо» и «воздух; дыхание, запах» [13, с. 323].

Рассмотрим первую деривационную схему. Основной морфологический способ образования новых слов в этой цепочке – аффиксальный. При этом часть дериватов, образованных с помощью суффикса *-овн-* или включающих его в свою структуру, и, следовательно, вобравших в себя его значение ‘признака или свойств, которые характеризуются тем или относятся к тому, что названо мотивирующим словом’ [4, с. 331], имеет положительную коннотацию: *духовный*, *ду-*

ховно, *духовность*, *духовник*, *духовенство* [13, с. 323]. Примечательно, что в древнерусском языке и русском языке вплоть до XVII века функционировала лексема ‘*духовница*’, которая обозначала ‘небольшое здание для церковных принадлежностей’ [7, с. 747], а отнюдь не ‘священника, принимающего исповедь у кого-л. постоянно’ [12, с. 311], *духовного наставника женского пола*, что видится современному человеку за структурой этого слова, поскольку *-иц-* – ‘регулярная и очень продуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением <...>: 1) лицо женского пола, которое образовано от названия соответствующего лица мужского пола <...>» [4, с. 219].

Другая часть лексем, появившихся в результате сложения основ *дух-* и *бор-* (от глагола *бороться*), несёт в семантике негативную коннотацию: *духобор*, *духоборка*, *духоборство*, *духоборец*, *духоборка*, *духоборчество*, *духоборческий* [13, с. 323], поскольку имеет отношение к «одному из направлений русского сектантства, отрицавшего догмы и обрядность православной церкви» [1]. Подобное явление объясняется просто: отрицание Бога, неверие в высшие силы не принимается русской душой и русским православным сознанием, что имеет глубокие исторические и лингвистические корни, в доказательство чему находим в древнерусском языке лексему *доухоборьць* и её синоним *доухоратьникъ* [7, с. 748], функционирующие вплоть до XX в. [11].

В современном русском языке в словообразовательной парадигме слова-имени концепта «Дух» отметим также слово *духовидец* и его женский вариант *духовидица*, которые образованы сложносуффиксальным способом от основ *дух-* и *вид-* (от глагола *видеть*) и обозначают ‘лицо, которому приписывается свойство общаться с духами, предвидеть будущее’ [11], отсутствующие в древнерусском языке и языке XI–XVII вв., но успевшие устареть к XX в. – в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова они даются с пометой «устар.» [11]. В современных словарях

русского языка они не отражены, что может быть связано с появлением более актуального синонима *‘ясновидящий(-ая)’* [1].

Вторая словообразовательная цепочка лингвоконцепта «Дух», сгруппированная вокруг его значения *‘воздух; дыхание, запах’*, включает 8 единиц. Семантика *‘воздуха’* и *‘дыхания’* воплотилась в слове *‘духовой’* – *‘действующий посредством вдувания струи воздуха’* [12, с. 313]. Оно функционирует в своём вторичном значении, так как прилагательное *‘духовой’* в древнерусском языке в своей семантике заключало непосредственное отношение к *‘духу’*, то есть обозначало всё, что пронизано духом, несёт духовное начало [7, с. 747]. Несмотря на то что лексема *‘духовик’* обозначает *‘музыканта, играющего на духовых музыкальных инструментах’* [8], а именно таких, которые начинают звучать при движении воздушной струи, в современном русском языке она не включена в активный лексический запас и имеет узкоспециальное назначение: в толковых словарях современного русского языка она отсутствует вовсе, в словарях начала XX в. дана с пометой *‘муз.’* [11]. Кроме того, в этой группе находится слово *‘духовка’*, образованное суффиксальным способом со значением *‘действующее посредством нагретого воздуха’* [12, с. 313], которое появилось относительно недавно для обозначения новой бытовой реалии.

В современной словообразовательной парадигме слова *‘дух’* находим не менее интересное, с точки зрения деривации и семантики, слово *‘духмяный’* [13, с. 323]. Оно образовано с помощью нерегулярного, непродуктивного суффикса *–мян–* и имеет значение *‘ароматный, душистый, издающий сильный, приятный запах; душистый’* [12, с. 310; 1]. Непродуктивность аффикса наложила отпечаток на стилевую принадлежность лексемы: в словаре современного русского языка она снабжена словарной пометами *‘обл.’*, *‘нар.-разг.’* [12, с. 310; 1]. В языке XI–XVII века активно функционировал её синоним – *‘духоватый’*; дериватор *–оват–* (в имени прилагательном,

которое обозначает признак, характеризующийся наличием качества, названного мотивирующим словом» [4, с. 325]), с точки зрения современного русского языка, регулярный и продуктивен, что и позволило слову дольше не устаревать и оставаться в активном лексическом запасе. На основе семы *‘запах’* образовалась лексема *‘душица’* – *‘травянистое луговое растение сем. губоцветных, с мелкими лилово-розовыми душистыми цветками, собранными в соцветия’* [12, с. 331]. Процесс палатализации согласного [х] несколько изменил звуковую оболочку слова, однако в его структуре отчётливо просматривается первичный семантико-когнитивный смысл.

Таким образом, анализируя деривационные возможности лексем *‘душа’* и *‘дух’*, мы отметили, что обе составляют разветвлённые, многоуровневые словообразовательные гнёзда. Несмотря на то что часть образованных на их основе слов потеряла актуальность в системе современного русского языка, она не стала менее значимой для понимания процесса формирования русской языковой картины мира.

Словообразовательный и в целом языковой потенциал лингвоконцептов «Дух» и «Душа» раскрывает богатство православной души и высокий уровень духовной культуры русского народа. Материалы для исследования взяты из лексикографических источников русского языка, но картина не может быть полной без обращения к художественной литературе. В связи с этим предполагается рассмотреть, каким образом выбранные для изучения лексемы с их внутренней семантикой и когнитивным смыслом функционируют в русских духовных стихах, какие образы они концептуализируют.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С.А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (дата обращения: 21.10.2013).
2. Воропаева О.В. Концепты «Душа» и «Дух»: к вопросу о семантическом объёме слова (на примере духовной поэзии) // Русский язык: история, диалекты, современность. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – Вып. XII – С. 25–30.

3. Гриценко Н.И. Названия металлов в русском языке: Семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты: дис... канд. филол. наук. - Майкоп, 2003. - 206 с.
4. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. - 2-е изд., испр. - М.: АСТ: Астрель, 2005. - 636 с.
5. Карасик В.И. Языковой крут: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
6. Коломонова О.Н. Словообразовательные гнезда глаголов движения в смоленских говорах: дисс... канд. филол. наук. - Смоленск, 2009. - 214 с.
7. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / под ред. И.И. Срезневского. - СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. - Т. 1: А-К. - 1420 с.
8. Пономарёва Н.В. Семантический и словообразовательный потенциал имён топонимических зон ВЕРХ / НИЗ: на материале русского литературного языка: дисс... канд. филол. наук. - Иркутск, 2007. - 245 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика - М.: АСТ Восток-Запад, 2007. - 314 с.
10. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР, Ин-т русского языка. - М.: Наука, 1977. - Вып. 4 (Г-Д). - 424 с.
11. Словарь русского языка Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 14.10.2013).
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. - 4-е изд., стер. - М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. - Т. 1. А-Й. - 702 с.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145000 слов. - 2-е изд., стер. - М.: Рус. яз., 1990. - Т. 1: Словообразовательные гнезда. А-П. - 856 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. - 2-е изд., стереотип. / М. Фасмер. - М.: Прогресс, 1986. - Т. 1: А-Д. - 573 с.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. - 5-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2002. - Т. 1: А-Пантомима. - 624 с.
16. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лекс. фонд / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. - М.: Наука, 1978. - Вып. 5 (*dělo-*dъgъlyь). - 232 с.

УДК 111'161'367.2

Гушкова Л.В.

Московский государственный областной университет

**СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ
И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»**

L. Huskova

Moscow State Regional University

**MEANS OF STRENGTHENING THE EXPRESSIVENESS AND EMOTIONALITY
OF TEXT IN N. GOGOL'S STORY «TARAS BULBA»**

Аннотация. В статье рассматриваются средства выражения экспрессивности и эмоциональности предложения. Исследование синтаксических средств выражения с помощью таких методов, как наблюдение над языковым материалом, его функционально-стилистический и синтаксический анализ, позволяет сделать акцент на форме интенсива, который указывает на эмоциональное отношение говорящего к высказыванию. В повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» форма интенсива помогает выделить текстовую доминанту. Эмоциональность высказывания подчёркивается употреблением междометий, частиц, повторами и восклицательной интонацией.

Ключевые слова: интенсив, восклицательность, эмоциональность, экспрессивность, акцентирование.

Abstract. The article is devoted to the means of expressiveness and emotionality of a sentence. The analysis of the syntactic patterns enables us to emphasize the form of intensive as a means of expressing emotional attitude of a speaker towards the utterance. The following methods were used in the work: observation of the language material and its functional, stylistic and syntactic analysis. In N. Gogol's story "Taras Bulba", the form of intensive helps us to highlight the dominant of the text. Emotionality of an utterance is made stronger through the usage of particles, interjections, repetitions and exclamatory intonation.

Keywords: intensive, emotionality, exclamation, expressiveness, emphasis.

Под экспрессивностью понимается «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [11, с. 591]. Это понимание экспрессивности расширяется и дополняется. Чаще всего под экспрессивностью подразумевают «всё, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей» [4, с. 107]. Это распространённое понимание экспрессивности. Вместе с тем автор разделяет понятия экспрессивности и эмоциональности, делая вывод, что «выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна» [4, с. 121]. В этом случае проявление эмоциональности в речи делает её экспрессивной; термин 'экспрессивность' понимается как свойство речи, её выразительность, проявляющаяся в тексте за счёт эмоционального субъективного отношения говорящего к высказыванию.

Экспрессивность может проявляться на различных языковых уровнях, в том числе «в самих грамматических, особенно синтаксических, категориях также заложены яркие средства экспрессивного выражения» [3, с. 26]. Экспрессивность текста может быть вызвана «погружением» в специальный контекст» [12, с. 31]. Исследование формальных средств выражения экспрессивности на синтаксическом уровне позволяет сделать акцент на эмоциональных частицах как средстве выражения субъективного отношения автора к тексту. По выражению В.В. Виноградова, «их лексико-грамматические значения <...> находятся во власти синтаксического употребления» [3, с. 544]. Можно сделать вывод, что эмоциональные частицы являются формальным выражением эмоциональности и экспрессивности текста в целом.

К частицам относятся слова *как, так, какой, такой*. Эти частицы несут в себе значение «наивысшего предела, высшей степени чего-либо» [7, с. 231]. Частицы *как* и *какой* имеют неоднозначный статус в языке. Им присваивали статус наречия [3, с. 305; 2, с. 211], местоимения [16, с. 85]. Все учёные сходятся во мнении, что частицам, «вносящим в предложение восклицательный смысл» [13, с. 394] присуще значение эмоциональности и оценочности.

Мы придерживаемся мнения, что *как, так, какой, такой* – «незнаменательные, формальные слова, т. е. частицы с собственным, неповторимым набором признаков, которые реализуются в сочетании с «полными» словами» [9, с. 59].

Экспрессивность характеризуется как усиление выразительности текста, что подразумевает высокую степень эмоциональной оценки высказывания говорящим, «интенсификацию» повествования. По мнению П.А. Леканта, существуют частицы, которые можно отнести к разряду «интенсификаторов» [10, с. 74]. К этим частицам относятся *как, так, какой, такой*. Частицы выполняют функцию интенсификаторов в сочетании с полными словами, причём *как* и *так*

употребляются с предикативами и наречиями, *какой, такой* – с прилагательными и существительными. Интенсив характеризует то, что он «определяет субъективную окраску высказывания» [10, с. 77]. Субъективность и эмоциональность формы интенсива определяет её отношение к экспрессивности.

Частицы *как, какой, так, такой* можно отнести к тем, о которых Е.А. Стародумова пишет, что «семантическая сущность этих слов проявляется в их функционировании» [15, с. 12]. Функция этих слов заключается в эмоционально-субъективной оценке высказывания посредством акцентирования полнозначного слова, к которому относятся частицы.

Рассмотрим повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Акцент в повествовании сделан на характере Тараса Бульбы и его сыновей Остапа и Андрия. Образы героев могут создаваться с помощью оценки другими персонажами. На этом основании можно выделить несколько функционально-семантических групп высказываний с использованием интенсива:

1. Формы интенсива присутствуют при описании наружности героев. Детали важны для создания картины эпохи. Автор передаёт дух времени в том числе при помощи подробнейшего описания убранства дома, одежды героев, оружия и т. д. Интенсив содержит указание на «предельность проявления признака» [9, с. 58], поэтому присутствует в речи героя (Тараса Бульбы) в момент восхищения казаком, который в его глазах олицетворяет идеал:

«Эх, **как важно** развернулся! Фу, ты, **какая пышная фигура!**» – говорил он, остановившись коня. В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге [5, с. 62]. Интенсив сопровождается эмоциональными междометиями *эх* и *фу ты*, которые являются выражением восхищения героя. Форма интенсива выражает высшую степень оценки удали казака.

Интенсив употребляется в речи Тараса Бульбы в насмешку над сыновьями, в этом

случае форма интенсива является формальным выражением насмешливого отношения Тараса Бульбы к сыновьям:

– *А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подряски?* [5, с. 41]. Форма *экой* встречается в речи героев Н.В. Гоголя на месте формы *какой* и также является формой интенсива. Двойная интенсификация фразы показывает и радость Тараса Бульбы при виде сыновей, и его насмешку над их одеждой, и гордость за них.

«*Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько*», – продолжал он, поворачивая их: «*какие же длинные на вас свитки! – Экие свитки! Таких свиток ещё и на свете не было*» [5, с. 41]. В тексте интенсив усиливается повтором. «Позиционно-лексический повтор» является дополнительным средством интенсификации повествования [14, с. 108]. Акцентирование конструкции, содержащей форму интенсива, указывает на экспрессивность повествования. Одежда сыновей не соответствует представлениям Тараса Бульбы о казаке, поэтому именно она вызывает отрицательное эмоциональное отношение и служит поводом для насмешек.

В речи Янвеля интенсив имеет другое эмоциональное наполнение: он служит как средство передачи волнения героя и его услужливости.

«*У воеводы есть дочка-красавица. Святой боже, **какая красавица!***» Здесь жид постарался, как только мог, выразить в лице своём красоту, расставив руки, прищурив глаз и покрививши на бок рот, как будто чего-нибудь отведавши [5, с. 112]. «А я, ей-богу, думал, что это сам воевода. Ай, ай, ай. . . » при этом жид покрутил головою и расставил пальцы. «Ай, **какой важный вид!** Ей-богу, полковник, совсем полковник!» [5, с. 159].

Речь Янкеля изобилует средствами выражения эмоций, возникающих из-за страха перед собеседником: в первом случае перед Тарасом Бульбой, во втором – перед гайдуком. Эмоционально-экспрессивная оценка объекта носит гиперболический характер.

Форма интенсива находится в окружении повторов и эмоциональных междометий *ай, святой боже, ей-богу*, выражающих волнение и страх персонажа. Форма интенсива является центральным звеном при формировании гиперболической оценки.

2. Форма интенсива служит для эмоционального выражения высшей степени восторга при оценке характера казаков. Этот восторг может быть вызван проявлением смелости в бою:

Как же вскинулись казаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! [5, с. 136]. Эмоциональное отношение говорящего к битве передаётся при помощи трёх форм интенсива, следующих друг за другом. Восклицательная интонация является полноценным средством эмоциональности высказывания. Трёхкратное повторение формы интенсива показывает военные подвиги как неотъемлемую часть жизни казаков.

Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! [5, с. 143]. Интенсив в речи повествователя служит для передачи положительной оценки действий Андрия и останавливает внимание реципиента на напряжённом моменте повествования, указывая на высшую степень проявления признака. В тексте экспрессивность создаётся посредством эмоциональной оценки действий героев.

Субъективная положительная окраска высказывания может быть связана с личными достоинствами казака:

*Смотри ты, **какой пышный!** А отчего ж бы не смеяться?* [5, с. 41]. Автор употребляет частицу *смотри ты*. Обращение к окружающим свойственно миру, который показал автор. А.П. Давыдов упоминает о законах «единства патриархального родоплеменного братства» [6, с. 74]. Законы общества влияют на мировосприятие героев, что находит отражение в их речи. Восхищение отца передаётся при помощи эмоционально-оценочного акцентирования.

«Вишь, **какой батько!**» – подумал про себя старший сын, Остап: «Всё, старый собака, знает, а ещё и прикидывается» [5, с. 45]. Экспрессивность основана на положительном эмоционально-оценочном отношении говорящего. Форма интенсива указывает на выражение восторга и уважения в отношении героя к отцу. В высказывании интенсив сопровождается частицей *вишь*, которая также относится к средствам эмоциональности и, по утверждению П.А. Купоросова, стоит в ряду близких к ядру единиц в эмоциональном семантическом поле единиц, способных репрезентировать радость [8, с. 59]. Форма интенсива позволяет говорить об акцентировании высказывания и усилении его эмоциональной окраски, что подчёркивает его экспрессивность.

3. Интенсив служит для выражения эмоций говорящего. Употребление интенсива зависит от эмоционального состояния персонажа: интенсив указывает на высшую степень выражения эмоций и служит формальным средством выражения эмоциональности.

Чорт вас возьми, степи, как вы хороши! [5, с. 59]. Эмоциональное восклицание от лица рассказчика становится текстовой доминантой при описании степи. Интенсив сопровождается междометием, которое разделяет рациональное описание степи и оценочно-эмоциональное завершение этого описания. В данном случае восторг автора достигает своего апогея, и интенсив служит последним звеном в выражении эмоций рассказчика.

«Что ж, она замужем? Да говори же, – **какая ты странная!** что она теперь? ...» [5, с. 90]. Интенсив служит средством концентрации читателя на чувствах героя. Восклицание, оформленное при помощи интенсива, «разрывает» высказывание на две части. В высказывании доминирует эмоционально-оценочная часть, оформленная при помощи интенсива.

Форма интенсива может быть выражена полноточным словом в сочетании с ча-

стицами *так, такой*. «Субъективность и оценочность как имеют эмоциональный характер – в этих чертах, свойствах *так* преобладает рациональность» [10, с. 58]. В повести Н.В. Гоголя эмоциональная оценка преобладает над рациональной. Вторая может быть выражена как в речи героя, так и речи повествователя. В этом случае доминанта относится не столько к микротексту, сколько к макротексту и служит итогом переживаний героя или выражает обдуманное решение.

«Нет, братицы, *так любить*, как русская душа, – любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а ...» – сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седую головою, и усом моргнул, и сказал: «Нет, **так любить** никто не может!» [5, с. 133]. Интенсив в речи Тараса Бульбы позволяет сделать акцент на выводе, к которому пришёл герой после рассуждений. Речь Тараса Бульбы эмоциональна. Её задача – ободрить казаков перед битвой. Акцентирование при помощи интенсива может служить доказательством того, что высказывание является жизненным принципом Тараса Бульбы, именно поэтому он так непреклонно и однозначно подводит итог своей речи.

Интенсив с частицей *так* в тексте является итогом какого-либо вывода героя, он указывает на акцентирование значимой для героя позиции. Если эмоциональная оценка непринуждённая и сиюминутная, то к рациональной герою могут приходить путём долгих раздумий. Примерами может служить форма интенсива, оформляющего корыстное решение героя. Эти формы встречаются в основном в речи Янкеля, который ищет расположения казаков: *Ей-богу, в самое лицо! **Такой славный** вояка! Всех взрачней* [5, с. 113]. *Кто же бы смел связать пана Андрия? Теперь он **такой важный** рыцарь...* [5, с. 111]. «*Ясные пань!* – произнёс жид. – **Таких панов** ещё никогда не видывано. Ей-богу, никогда! **Таких добрых, хороших и храбрых** не было ещё на свете! ...» [5, с. 79]. Янкель представлен в повести корыстным и хитрым человеком. Его оценка действительности рациональна, а

оформляет её форма интенсива с частицей *так*.

Таким образом, исследование форм интенсива в повести Н.В. Гоголя позволяет выделить функционально-семантические группы, важные для понимания картины мира героев: для казаков оказывается важным как их внешний вид, так и проявление характера в подвигах и готовность отдать всё в битвах за Родину и православие. «И в самом деле, разве здесь не всё козачество, с его странною цивилизацией, его удалюю, разгульную жизнь, его беспечностью и ленью, неутомимостью и деятельностью, его буйными оргиями и кровавыми набегами?.. Скажите мне, чего нет в этой картине? чего недостает к её полноте?» [1, с. 60]. Форма интенсива является средством эмоционально-субъективной оценки происходящего. Интенсив с частицей *так* позволяет определить итог размышлений героя и является формой выражения рациональной оценки действительности. Форма интенсива служит средством репрезентации положительных или отрицательных эмоций и помогает выявить текстовую доминанту, что видно на примерах, в которых форма интенсива употребляется с междометиями, частицами и сопровождается восклицательной интонацией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Н.В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. – М.: Гос. издат. худож. лит., 1953. – С. 5–63.
2. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. – М.: Дрофа, 2010. – 750 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
4. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. Профессору Моск. ун-та академику В.В. Виноградову в день его 60-летия. – М.: Изд-во Московского университета, 1958. – С. 38–40.
5. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. – Т. 2. Миргород. – М.: АН СССР, 1937. – 763 с.
6. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: 2-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 814 с.
7. Купоросов П.А. Эмоциональные частицы, выражающие радость, в русском языке // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2008. – № 2. – С. 57–62.
8. Лекант П.А. Интенсив – это форма или конструкция? // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2010. – № 1. – С. 57–60.
9. Лекант П.А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке // Русский язык в школе. – 2011. – № 7. – С. 75–78.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
11. Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / под ред. Тимофеева К.А. – Вып. VIII. – Новосибирск, 1979. – С. 12–46.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской литературы, 2001. – 544 с.
13. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. – Томск: Изд. Томского ун-та, 1981. – 255 с.
14. Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в русском языке. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1988. – 94 с.
15. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

УДК 811.161.1'37

Новикова А.С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**ПОКАЗАТЕЛИ ВЫВОДА ЗНАЧИТ, СТАЛО БЫТЬ, ВЫХОДИТ:
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ**

A. Novikova

Lomonosov Moscow State University

**MARKERS OF CONCLUSION ЗНАЧИТ, СТАЛО БЫТЬ, ВЫХОДИТ:
NUANCES OF USAGE**

Аннотация. В русском языке есть слова и фраземы, которые маркируют отношения вывода. В данной статье описываются особенности употребления показателей вывода *значит, стало быть, выходит*. Выделяются компоненты ситуации вывода и приводится характеристика каждого компонента по таким параметрам, как перцептивное или информативное, эсплицитное или имплицитное основание, актуальный или неактуальный вывод, последовательность компонентов ситуации вывода и другие. Рассматриваемые единицы традиционно толкуются друг через друга, т. е. как полные синонимы, в результате же описания компонентов ситуации вывода становятся очевидны различия между ними.

Ключевые слова: отношения вывода, вывод, основание, маркеры вывода.

Abstract. The Russian language has a number of words and phrases which mark relationships of inference. In this article, we identify and describe characteristics of markers of conclusion *значит, стало быть, выходит*. We mark elements of conclusion and analyze whether they are perceptive or informative, explicit or implicit, relevant or irrelevant. We also analyze sequence of elements of conclusion. Usually these words are considered to be synonyms however in this paper we show differences between them.

Keywords: conclusion, markers of conclusion, cause.

В статье рассматриваются единицы *значит, стало быть, выходит*, употребляющиеся в контекстах вывода, например:

(1) – *Это всё было, когда мамаша умерла, – прибавила она. – Тут он уж совсем стал как безумный. – Стало быть, он очень любил твою мамашу? Как же он не жил с нею?* (Ф. Достоевский)

Данные единицы традиционно включаются в число показателей вывода, см., например, [2, с. 573], [3, с. 327], однако условия их употребления обычно не описываются. Цель статьи – проанализировать параметры ситуации вывода, при которых используются *значит, стало быть* и *выходит*.

Под ситуацией вывода мы понимаем такую ситуацию, при которой говорящий на том основании, что имеет место одно положение дел (Q), считает возможным утверждать, что имеет место другое положение дел (P). При этом вывод предполагает наличие собственно основания (Q₁) и определённых знаний и представлений говорящего о мире, позволяющих ему сделать умозаключение (Q₂), см:

(2) *В окне горит свет, значит, он дома.*

Говорящий видит, что в окнах горит свет (Q_1). При этом для говорящего очевидно (это входит в его знания о мире), что свет в окнах горит в том случае, если хозяин дома (Q_2). И на основании Q_1 и Q_2 говорящий делает вывод P (он дома). В дальнейшем под *основанием* (Q) мы будем понимать сумму посылок Q_1 и Q_2 .

1. При употреблении единиц *значит*, *стало быть*, *выходит* информация (Q_1), ставшая основанием для вывода, может быть эксплицитной или имплицитной, перцептивной или информативной, своей или чужой, ожидаемой или неожиданной. Рассмотрим следующие примеры:

(3) Выпал снег, ударили морозы. **Значит**, зима пришла.

(4) (Увидев свет в окне, говорящий произносит:) – **Выходит**, он уже дома! Можно заходить.

В (3) говорящий перечисляет видимые и ощущаемые им факты окружающего мира (Q_1) и на основании перечисленного и своих знаний и представлений о мире (Q_2) делает вывод P зима пришла, т. е. информация, на основе которой делается вывод, вербализована. В (4) говорящий делает вывод, основываясь на визуальном восприятии ситуации (в окне горит свет), т. е. основание вывода не вербализовано – это имплицитное основание.

Делая вывод, говорящий может основываться на информации, полученной разными способами. Как отмечает Е.С. Ярыгина, «обоснование осуществляется либо на основе знания, либо на основе восприятия говорящего» [4, с. 174]. Таким образом, различаются перцептивная, см. (4), и информативная аргументация, см. (5):

(5) Такая модель предполагает достаточный по своим размерам госаппарат и требует значительных ресурсов, а **значит**, предполагает развитую экономику, способную прокормит зрелое государство (www.krugosvet.ru)

Вывод, маркированный единицами *значит* и *стало быть*, может иметь как инфор-

мативное, так и перцептивное основание, лексема *выходит* чаще встречается в контекстах с информативным основанием.

С характеристикой информации Q_1 с точки зрения способа её получения (перцептивная или информативная) тесно связана ещё одна характеристика – источник информации, на основании которой делается вывод. Источником информации могут быть наблюдения или мысли самого говорящего (т. е. основанием для вывода служит «своя» информация), либо высказывания адресата или третьего лица («чужая» информация), например:

(6) Директор: Если я умер, то я не могу шевелиться. А ну-ка пошевелий рукой. Шевелится. Ну-ка пошевелий ногой. Шевелится. А ну-ка пошевелий головой. Тоже шевелится. **Значит**, я жив. Ура! (Д. Хармс)

(7) – А при старом режиме барин мой жил. – Буржуй? – Сам ты буржуй! Он не буржуй был. Предводитель дворянства. – Пролетарий, **значит**? (И. Ильф, Е. Петров)

В (6) говорящий на основании своих же слов заключает, что он жив, таким образом, он основывается на «своей» информации. В (7) говорящий делает вывод (Пролетарий, *значит*?) на основе слов собеседника, т. е. опираясь на «чужую» информацию.

И, наконец, информация, на основе которой делается вывод, может оказаться неожиданной для говорящего, т. е. вступить в противоречие с его знаниями или представлениями о мире. Сравним следующие примеры:

(8) Дверь в дворницкую была притворена, но не на замке, **стало быть**, вероятнее всего было, что дворник дома (Ф. Достоевский).

(9) Через две минуты Коля понял в первый раз за три месяца супружеской жизни, что любимая женщина любит морковные, картофельные и гороховые сосиски гораздо меньше, чем он. – **Значит**, ты предпочитаешь собачину диетическому питанию? – закричал Коля... (И. Ильф, Е. Петров)

Показатель вывода *стало быть* обычно употребляется в нейтральных контекстах.

Так, в (8) говорящего не удивил тот факт, что дверь в дворницкую была притворена (Q), – это новая для него информация, но она не противоречит его представлениям о мире. В (9), напротив, лексема *значит* маркирует умозаключение, содержащее не просто новую для говорящего информацию: эта информация не соответствует знаниям и представлениям говорящего о мире. Таким образом, в (9) представлен маркированный (неожиданный) вывод.

2. Единицы *значит*, *выходит*, *стало быть* могут употребляться в контекстах двух типов, которые мы условно назовем контекстами *актуального* и *неактуального вывода*. В контекстах первого типа говорящий делает вывод непосредственно в момент речи, реагируя на слова собеседника или на текущую ситуацию (см. (10)). В контекстах второго типа о выводе сообщается, т. е. он был сделан не в момент речи и необязательно говорящим (см. (11)):

(10) – Я тоже пострадал! – поспешно вставил Киса. <...> – Повреждения я получил на работе-с! – Ах! Это когда мы по стратегическим соображениям отступали из театра Колумба? – Да, да... Когда за нами гнался сторож... – **Значит**, вы считаете героизмом своё падение с забора? (И. Ильф, Е. Петров)

(11) В этом сезоне перед «Тереком» стояла задача войти в первую восьмёрку футбольной Премьер-лиги и побороться за одну из путёвок, гарантирующих участие в еврокубках. К сожалению, команда с этой задачей не справилась. **Значит**, нужно сделать соответствующие выводы и готовиться к новому сезону (www.rbk.ru).

Отметим, что лексема *значит* чаще используется в контекстах актуального вывода.

С характеристикой вывода по параметру актуальности / неактуальности тесно связан параметр *субъект вывода*. Субъект вывода – это человек, делающий вывод, при этом субъектом может быть как сам говорящий (см. (10)), так и третье лицо (например, в не-собственно прямой речи (см. об этом в работе [1, с. 335-343]), см. (12), (13)):

(12) А Нерон окончательно понял, что дозволено ему всё и что советчики ему, **стало быть**, не нужны (Е. Рабинович).

(13) Коля считает, что раз Васи нет, то он, **выходит**, опоздал на электричку.

Как показывает проанализированный материал, для описания маркеров вывода *значит*, *стало быть*, *выходит* следует учитывать не только наличие / отсутствие вербализованного основания, но и порядок введения компонентов *основание* (Q) и *вывод* (P). Так, в контекстах с исследуемыми единицами основание может вводиться до вывода (14) и после него (15), (16), см.:

(14) – А какую же эту дверь ты прошиб насквозь? – спросил Петька. – Ту, которая от чулана, – сказал Колька. – А она вся целая, – сказал Петька. – **Значит**, поставили новую, – сказал Колька (Д. Хармс).

(15) – У тебя жена в кино снимается, гонорарчики, рекламка, то-сё... – Ты жену-то хоть оставь в покое! – раздражённо перебил его Гуров. – Ну, допустим! – нахраписто сказал Трегубов. – Допустим, жена тут ни при чём. **Значит**, у тебя есть какие-то другие источники дохода, раз ты так доволен собой и своей жизнью... (Н. Леонов, А. Макеев).

(16) **Стало быть**, людям этим благоволят боги, раз вернули умершего было родственника, пусть он и «сёдьмая вода на киселе» (А. Зайцев).

Различным может быть и соотношение содержания основания и содержания вывода. Сравним следующие примеры:

(17) В окнах горит свет. **Значит**, он уже дома.

(18) В это время он обычно уже дома. **Значит**, в окнах должен гореть свет.

В (17) говорящий констатирует факт Q (в окнах горит свет) и на его основании утверждает, что P (он уже дома), при этом вывод делается о таких событиях, которые привели к положению дел Q, стали его *причиной* и предшествовали ему. Таким образом, можно сказать, что в (17) представлен вывод о причине Q. Напротив, в (18) делается вывод о *следствии* Q: если человек уже дома (Q),

значит, в его окнах должен гореть свет (Р). Данный вывод касается событий, которые последуют за Q.

Таким образом, высказывания, выражающие умозаключение, можно разделить на высказывания, содержащие вывод о причине, и высказывания, вводящие вывод о следствии. *Значит, стало быть* и *выходит* могут употребляться в высказываниях обоих типов.

Значение вывода, выражаемое высказываниями с единицами *значит, стало быть, выходит*, накладывает определённые ограничения и на их иллокутивные функции. Вывод – это мнение говорящего, сформированное на основании определённой информации, и это мнение может быть выражено в сообщении, см. (19), или в вопросе, см. (20):

(19) *F высоты треугольника ОВС и ОВА равны, а значит, равны и площади этих треугольников* (www.krugosvet.ru).

(20) – *Куда ж твой барин уехал? – А кто его знает! Люди говорили, в Париж уехал. – <...> Он, значит, эмигрант?* (И. Ильф, Е. Петров)

3. Как показала Е.В. Падучева, вводные слова делятся на первичные эгоцентрики и вторичные эгоцентрики [1]. Первичные эгоцентрики «обязательно требуют контекста речевого акта» [1, с. 310], в то время как вторичные эгоцентрики «допускают контекстуализацию и относительно текстового субъекта» [1, с. 310]. При этом первичные эгоцентрики обладают свойством синтаксической неподчинимости, т. е. они неспособны употребляться в придаточных предложениях [1, с. 311].

Единицы *значит, стало быть* и *выходит* оформляют преимущественно вывод говорящего, однако они обладают свойствами вторичных эгоцентриков и могут использоваться в синтаксически подчинённых контекстах, см.:

(12) *А Нерон окончательно понял, что дозволено ему всё и что советчики ему, стало быть, не нужны* (Е. Рабинович).

(21) *Весть о том, что директора нет на месте, а значит, собрания не будет, облетела весь институт.*

Вместе с тем употребление данных единиц в синтаксически подчинённых предложениях имеет ряд особенностей.

Во-первых, в таких контекстах должен быть представлен не только сам вывод (Р), но и его основание (Q). Именно поэтому высказывание (22), в котором вывод не сопровождается информацией, на основе которой он был сделан, неуместно:

(22) *Весть о том, что, значит, собрания не будет, облетела весь институт.*

Во-вторых, вместо одиночного *значит* в контекстах такого типа, как правило, используется *а значит*. Не случайно поэтому (21) представляется более уместным, чем (23):

(23) *Весть о том, что директора нет на месте, значит, собрания не будет, облетела весь институт.*

При этом в синтаксически подчинённых контекстах встречаются и *стало быть*, и *а стало быть*, см.:

(24) *Весть о том, что директора нет на месте, стало быть (а стало быть), собрания не будет, облетела весь институт.*

В отличие от контекстов со *значит* и *стало быть* конексты с *выходит* выглядят менее уместно:

(25) *Весть о том, что директора нет на месте, выходит (а выходит), собрания не будет, облетела весь институт.*

4. Исследуемые единицы имеют две валентности: содержанием одной из них является информация Q, на основе которой делается вывод, а содержанием другой – вывод Р.

Как показывает наш материал, валентности рассматриваемых маркеров вывода могут оформляться тремя способами: (1) самостоятельными предложениями (см. (26)), (2) предикативными единицами в составе сложного предложения (см. (27)), а также (3) предикативной единицей и словоформой или словосочетанием в составе одного предложения (см. (28)):

(26) *Жизни не было. А между тем он явно слышал шум пробежавшего по улице грузовика. Значит, где-то жили!* (И. Ильф, Е. Петров)

(27) Она весь день на ногах и, **стало быть**, устала. (пример из [3])

(28) Учитель ругал всех детей, а **значит**, и меня.

5. Одним из критериев описания условий употребления показателей вывода *значит*, *стало быть*, *выходит* является позиция в предикативной единице (ПЕ), которую они занимают. Рассматриваемые единицы могут стоять в начале (см. (17)), середине (см. (28)) или конце ПЕ (см. (7)).

Итак, для системного описания особенностей употребления показателей вывода *значит*, *стало быть* и *выходит* необходимо охарактеризовать их по целому ряду параметров: по характеру информации, на основе которой делается вывод, по характеру самого вывода и по синтаксическим свойствам контекстов, в которых данные единицы

функционируют. Анализ показателей вывода по предложенным критериям позволяет дать их более полное и всестороннее описание, а также выделить дифференциальные признаки рассматриваемых единиц и объяснить особенности их взаимозамены.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
2. Русская грамматика. В 2-х томах (репринтное издание). Том II. – М., 2005. – 712 с.
3. Словарь структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Лазурь, 1997. – 420 с.
4. Ярыгина Е.С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка: дисс... д-ра филол.наук. – М., 2003. – 411 с.

УДК 811.161.1.

Петрова Н.С.

Московский государственный областной университет

**ОБ ЭКСПЕРИМЕНТЕ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТА
С КУПИРОВАННЫМИ ВТОРОСТЕПЕННЫМИ
ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

N. Petrova

Moscow State Regional University

**ON THE EXPERIMENT TO RESTORE THE TEXT
WITH OMITTED MINOR MEMBERS OF A SENTENCE**

Аннотация. В статье представлены результаты эксперимента на восстановление текстов с купированными второстепенными членами, в качестве испытуемых выступают учащиеся 5-6 классов средней школы. Школьникам было предложено восстановить текст с изъятыми второстепенными членами, которые обозначены графически. По смысловой цельности полученные данные классифицированы на 4 группы. Анализируя материалы каждой группы, мы отмечаем, какие несоответствия грамматическим нормам наблюдаются у учащихся с разным уровнем подготовки. Наши выводы свидетельствуют о том, что наиболее частой ошибкой для всех испытуемых является употребление однородных членов вместо дополнения и несогласованного с ним определения, выраженного именем существительным, а также использование определения на месте других членов предложения.

Ключевые слова: восприятие и порождение речи, дискурс, грамматика, грамматические схемы, главные и второстепенные члены предложения.

Abstract. The article presents the results of the experiment on the restoration of texts with omitted minor members, subjects are students of 5-6 grades of a secondary school. The students were offered to restore the text without minor members, which are indicated graphically. The semantic integrity of the data obtained was classified into 4 groups. Analyzing the materials of each group, we note which discrepancies of grammatical standards are observed in students with different levels of training. Our findings suggest that the most common mistake for all of the subjects is the use of homogeneous members instead of an object and a noun attribute unagreed with it, as well as the use of an attribute in place of other members of a sentence.

Keywords: perception and generation of a speech, discourse, grammar, grammatical schemes, main and minor members of a sentence.

Психолингвистическая наука имеет достаточно полное представление о восприятии и порождении речи дошкольников. Грамматические особенности строения дискурса школьников изучены, на наш взгляд, мало, что позволяет говорить об актуальности настоящего исследования. В данной статье представлены результаты эксперимента, цель которого – выявить способность учащихся среднего звена создавать тексты на основе предложенных грамматических схем.

В эксперименте участвовал 71 ученик средней школы в возрасте 11-13 лет (5-6 классы). Детям предлагался текст с купированными второстепенными членами, которые были обозначены графически, то есть на месте пропуска дополнения находилась пунктирная линия,

вместо определения – волнистая линия, вместо обстоятельства – пунктир с точкой. Учащимся было дано определение второстепенных членов предложения в соответствии с той формулировкой, которая принята в школьной практике. Было купировано 36 второстепенных членов при общем объёме текста в 73 слова. Испытуемым давалось задание восстановить слова таким образом, чтобы получился связный по семантике и грамматическому строю текст. На выполнение работы отводилось 40 минут. Учащиеся получили задание в следующем виде:

Лучик _ _ _ блеснул _ . _ . _ , коснулся _ _ _ _ _ , отыскал _ . _ . _ . Дрожь _ _ _ пробежала _ . _ . _ , и заискрились _ . _ . _ росинки _ _ _ .

Разгорелось солнце, и _ . _ . _ вспыхнули ветки _ _ _ . пчёлка зазвенела _ . _ . _ . стрекоза присела _ . _ . _ , но пчёлы равнодушны _ _ _ . _ _ _ нет времени. Они кружатся _ . _ . _ , выбирают _ _ _ и улетают _ . _ . _ , _ . _ . _ .

_ . _ . _ оживляются ульи, и кружатся _ . _ . _ , пчёлы. _ . _ . _ растёт подсолнух. Он привлекает _ _ _ _ _ [1, с. 20]

В ходе анализа работы учащихся были распределены на 4 группы по смысловой цельности: 1) логически и грамматически связные тексты, 2) относительно связные тексты, 3) несвязные тексты, 4) отсутствие текста, то есть работы, в которых восстановлено незначительное количество слов. Рассмотрим грамматические особенности строения текстов каждой группы подробнее. В скобках рядом с наименованием ошибки приведены примеры: сначала даётся отрывок исходного текста (принятый нами за планируемый результат), затем пример наиболее частотной реакции, далее – частота употребления подобных реакций в процентах (с округлением до единиц). Пунктуация учащихся сохранена.

Грамотно выстроенных текстов оказалось немного (7% от общего числа работ). В большинстве работ восстановлены все купированные члены предложения, только в одном

тексте пропущено три слова, что не мешает целостности восприятия. В работах данной группы грамматические ошибки немногочисленны. Наиболее часто встречается использование инверсии – (**кружатся бесконечными клубами пчёлы**: *кружатся усердные над цветами пчёлы*; 6%); далее – употребление однородных членов, не связанных сочинительными союзами и не разделённых запятой на месте дополнения и несогласованного с ним определения, выраженного именем существительным (**коснулся верхушек деревьев**: *коснулся земли травы*; 2%); в той же грамматической структуре находим обособленное определение, выраженное причастным оборотом (**отыскал в листве шарики зелёных яблочек**: *отыскал в земле цветы растущие на клумбе*; 2%); дополнение и зависимое от него приложение (**он привлекает к себе пчёл**: *он привлекает пчёл тружеников*; 1%); определение и зависимое от него обстоятельство (**зазвенела в теплом воздухе притихшего утра**: *пчёлка зазвенела маленькими сильно быстрыми крылышками*; 1%). Употребление обособленного обстоятельства, выраженного одиночным деепричастием на месте необособленного (**заискрились алмазами росинки**: *заискрились мерцающая росинки*; 4%). Реже можно наблюдать следующие грамматические ошибки: обстоятельство на месте определения (**пчёлка зазвенела в тёплом воздухе притихшего утра**: *пчёлка зазвенела громко на лугу*; 1%); употребление служебных частей речи на месте самостоятельных слов (**отыскал в листве шарики зелёных яблочек**: *отыскал среди леса цветущий лужок*; 1%); вставка лишнего слова (**стрекоза присела на улей**: *стрекоза присела на край цветка*; 1%).

Относительно связные тексты составляют 54% от общего числа работ. В одном из текстов пропущено десять второстепенных членов. Здесь можно наблюдать более широкий спектр грамматических несоответствий нормам литературного языка. Рассмотрим их подробнее.

На месте дополнения и несогласованного с ним определения, выраженного именем су-

ществительным, находим: однородные члены со вставкой союза *и* (**отыскал в листе шарики зелёных яблочек**: *отыскал в лесу стрекозу и жёлтую пчелу*; 44%); осложнение путём повтора подлежащего (**заискрились алмазами росинки на придорожной траве**: *заискрились по дороге росинки свежие росинки*; 3%); дополнение и зависимое от него приложение (**коснулся верхушек деревьев**: *коснулся матушки земли*; 1%). На месте дополнения и зависимого от него согласованного определения сравнительный оборот с союзом *как* (**росинки на придорожной траве**: *росинки голубые как небо*; 3%); безличное предложение (**отыскал в листе шарики зелёных яблочек**: *отыскал хороший цветок ясно утром*; 1%); обособленное определение, выраженное причастным оборотом (**пчёлка зазвенела в тёплом воздухе притихшего утра**: *пчёлка зазвенела радостно около улья полного пчёл*; 4%). На месте дополнения и несогласованного с ним определения, выраженного именем существительным, вставка придаточного предложения посредством союзного слова *где* (**отыскал в листе шарики зелёных яблочек**: *отыскал место где красивый лес*; 3%). На месте дополнения использовано обстоятельство, выраженное наречием или существительным (**дрошь света пробежала по саду**: *дрошь быстро пробежала по поляне*; 14%); сказуемое, выраженное глаголом (**дрошь света пробежала по саду**: *дрошь охватила пробежала по земле*; 10%); определение (**коснулся верхушек деревьев**: *коснулся твёрдой земли*; 17%); обособленное обстоятельство, выраженное одиночным деепричастием (**выбирают направление и улетают в леса**: *выбирают пыльцу и улетаю жужжа в ульи*; 1%); союз в начале предложения (<...> **но пчёлы равнодушны к беззаботной попрыгунье**. **У них нет времени**: <...> *но пчёлки равнодушно звенели в воздухе. Потому что нет времени*; 1%).

На месте определения видим: обстоятельство, выраженное наречием или существительным (**кружатся бесконечными клубами пчёлы**: *кружатся синхронно у дерева пчёлы*;

28%); сказуемое, выраженное кратким причастием (**но пчёлы равнодушны к беззаботной попрыгунье**: *но пчёлы равнодушны и добры всегда*; 1%); сказуемое, выраженное глаголом (**заискрились алмазами росинки на придорожной траве**: *заискрились лучи росинки упали сверкая*; 7%); предлог (**отыскал в листе шарики зелёных яблочек**: *отыскал на поле росинки на траве*; 3%).

На месте обстоятельства: подлежащее (**всё больше оживляются ульи**: *пчёлы оживляются ульи*; 9%); определение (**заискрились алмазами росинки на придорожной траве**: *заискрились светлые росинки зелёной травы*; 8%); дополнение (**отыскал в листе**: *отыскал местечко*; 4%); предлог (**пчёлка зазвенела в теплом воздухе притихшего утра**: *пчёлка зазвенела звонко около красивого цветка*; 3%);

Часто наблюдаются вставки различных членов предложения и служебных слов: дополнение (**выбирают направление и улетают в леса, в луга**: *выбирают себе место и улетаю далеко, далеко*; 1%); определения (**выбирают направление**: *выбирают красивый цветок*; 7%); предлога (**привлекает к себе пчёл**: *привлекает у пчёл внимание*; 1%); союза *а* между однородными сказуемыми (**они кружатся над пасекой, выбирают направление и улетаю**: *они кружатся, а вечером выбирают стрекоз и улетаю*; 1%); в начале предложения союза *и*, выполняющего функцию присоединения (**всё больше оживляются ульи**: *и тут оживляются ульи*; 4%).

Неверное образование предложно-падежной формы существительного (**у них нет времени**: *пчёлки нет времени*; 4%) и неверный выбор грамматической формы числа существительного (**они кружатся над пасекой**: *они кружатся у ульи*; 1%). Отсутствие предлога (**пчёлы равнодушны к беззаботной попрыгунье**: *пчёлы равнодушны красивым цветам*; 4%). Замена некупированного сказуемого на другое (**они кружатся над пасекой, выбирают направление и улетаю в леса, в луга**: *они кружатся напряжённо, принимают решение и улетаю к себе, домой*; 1%).

К группе несвязных текстов отнесены ра-

боты, в которых наблюдаются лишь попытки создать семантически единое целое. Тем не менее общего дискурса в текстах данной группы не наблюдается, можно увидеть лишь отдельные связные предложения. Таких работ много – 28 %.

На месте дополнения можно наблюдать сказуемое (**отыскал в листе шарики зелёных яблочек**: *отыскал лучи полетели в далекое путешествие*; 9%); в том числе сказуемое, не согласованное с подлежащим в форме рода (**дрожь света пробежала по саду**: *дрожь ушёл пробежала по полям*; 1%); союз *и* (**отыскал в листе шарики зелёных яблочек**: *отыскал кисточку и красные краски*; 1%). На месте дополнения и не согласованного с ним определения, выраженного именем существительным, находим: однородные члены со вставкой союза *и* (**привлекает к себе пчёл**: *привлекает пчёл и стрекоз*; 7%); осложнение путём повтора (**отыскал в листе шарики зелёных яблочек**: *отыскал <...> дождик быстрый дождь*; 2%).

На месте определения наблюдаем: сказуемое, выраженное глаголом (**пчёлы равнодушны к беззаботной попрыгунье**: *пчёлы равнодушны работали под дождём*; 6%); составное именное сказуемое, выраженное полным прилагательным, со вставкой союза *и* (**пчёлы равнодушны к беззаботной попрыгунье**: *пчёлы равнодушны и находчивые пчёлы*; 3%); обстоятельство (**вспыхнули густые ветки деревьев**: *вспыхнули с деревьев ветки осин*; 3%). А также в качестве дополнения были использованы служебные слова: союзы *и, а* (**пчёлка зазвенела в тёплом воздухе притихшего утра**: *пчёлка зазвенела и полетела в улей*; 6%); предлоги *на, над* (**вспыхнули густые ветки**: *вспыхнули на ветки*; 3%).

Употребление на месте обстоятельства подлежащего (**заискрились алмазами росинки**: *заискрились капельки росинки*; 14%); сказуемого (**пчёлка зазвенела в тёплом воздухе**: *пчёлка зазвенела и полетела*; 4%); дополнения (**отыскал в листе шарики**: *отыскал кисточку*; 6%); определения (*у дороги*

растёт подсолнух: *новый растёт подсолнух*; 6%); союза *и* (*у дороги растёт подсолнух*: *и растёт подсолнух*; 1%); предлога *в* (**заискрились алмазами росинки**: *заискрились в росинки*; 1%); неверной предложно-падежной формы имени существительного (**коснулся верхушек деревьев**: *коснулся дерева*; 14%). А также вставки: дополнения (**выбирают направление и улетают**: *выбирают себе стрекозу*; 1%); обстоятельства (**пробежала по саду**: *пробежала очень быстро*; 6%); союза *и*, выполняющего функцию присоединения (*у дороги растёт подсолнух*: *и там растёт подсолнух*; 1%).

Последнюю группу составляют работы (11%), авторы которых не справились с заданием. Восстановлено от одного до пяти слов. Здесь находим следующие грамматические ошибки: на месте дополнения и не согласованного с ним определения, выраженного именем существительным, однородные члены (**коснулся верхушек деревьев**: *коснулся земли травы*; 1%); сказуемое в неверной грамматической форме рода на месте обстоятельства (**лучик солнца блеснул из-за леса, коснулся верхушек деревьев, отыскал в листе шарики зелёных яблочек**: *лучик <...> отыскал не нашла*; 1%); служебные слова в качестве самостоятельных частей речи (**лучик солнца блеснул из-за леса**: *лучик солнца блеснул до*; 3%); неверное употребление падежной формы – винительный вместо родительного (**лучик солнца**: *лучик солнце*; 1%).

Итак, самой распространённой ошибкой во всех группах является употребление однородных членов со вставкой (или без неё) союза *и* вместо дополнения и не согласованного с ним определения, выраженного именем существительным (51%), а также использование определения на месте других членов предложения (32%). На наш взгляд, это связано с тем, что у испытуемых плохо развито умение составлять субстантивные словосочетания типа существительное + существительное, в отличие, например, от словосочетаний типа существительное + прилагательное. Детям интересующего нас

возраста легче представить атрибут через прилагательное. Поскольку в данной части задания нет волнистой линии (что для учащихся на данном этапе развития речевых способностей равно прилагательному), испытуемые предпочли изменить структуру предложения, введя однородные члены. Сказуемое на месте дополнения и определения (31%) обнаружено в текстах, условно причисленных к относительно связным и несвязным. Данная замена свидетельствует о том, что учащиеся, у которых в недостаточной мере сформировано умение выстраивать грамотный с точки зрения грамматики дискурс, стремятся акцентировать свою речь на предикативном ядре предложения. Употребление подлежащего на месте обстоятельства (21%) наблюдается в предложениях с большим количеством второстепенных членов, а учащиеся 5-6 классов ещё не владеют языком (и речью) в такой мере, чтобы создавать связные широко распространённые предло-

жения. Респонденты пытаются «сократить» их, добавив подлежащее. Неверный выбор предложно-падежной формы (18%) может свидетельствовать как о невнимательности испытуемых, так и о слабо сформированном умении создавать словосочетания разных типов в рамках готового предложения.

Таким образом, работа по выявлению особенностей восприятия и порождения речи детьми в 11-13 лет представляет собой несомненный научный интерес в собственном лингвистическом, а также методическом и психолингвистическом аспектах, и будет продолжаться в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Влодавская Е.А. Поурочные разработки по русскому языку: 5 класс. 2-е изд. – М.: Экзамен, 2007. – 380 с.
2. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: Учебное пособие. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2005. – 368 с.
3. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.

УДК 811.161.1'373.232(038)

Родина Н.А.

Смоленский государственный университет

**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БЫТОВАНИЯ МОЛОДЁЖНЫХ ПРОЗВИЩ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЗВИЩ Г. СМОЛЕНСКА)**

N. Rodina

Smolensk State University

**GENDER ASPECT OF AN EXISTING OF YOUTH NICKNAMES
(ON THE EXAMPLE OF NICKNAMES OF SMOLENSK)**

Аннотация. Несмотря на то что существует достаточно много работ по исследованию прозвищ, в том числе и молодёжных (работы начали появляться в середине 80-х гг. XX в.), комплексного исследования, показывающего динамику бытования прозвищ в молодёжной коммуникации, пока ещё нет. В настоящей статье рассматривается гендерный аспект бытования современных молодёжных прозвищ, активных неформальных идентификаторов, на примере функционирования прозвищ в разновозрастных группах жителей города Смоленска. Впервые анализируемый с точки зрения гендерных различий живой фактический прозвищный материал позволяет выделить семантические и грамматические особенности проявления гендера в прозвищах.

Ключевые слова: прозвище, молодёжь, гендер, гендерный подход, семантические особенности прозвищ, грамматические особенности прозвищ.

Abstract. Despite the fact that there are many studies of nicknames, including the youth ones (the works began to appear in the mid 80s of 20th century), a comprehensive study that would show the dynamics of existence of the youth communication nicknames has not been written yet. The article considers the gender aspect of an existing modern youth nicknames, active informal identifiers on the example of functioning of nicknames in uneven-age groups of residents of Smolensk. For the first time analyzed from the point of view of gender distinctions the live actual material allows to distinguish semantic and grammatical features of display of a gender in nicknames.

Keywords: nickname, youth, gender, gender approach, semantic features of the nicknames, grammatical features of the nicknames.

Вопросы, связанные с изучением индивида в первичной биологической оппозиции *женский пол – мужской пол*, актуальны в разных научных сферах, поскольку сегодня человек находится в центре гуманитарных знаний: философии [2; 13], социологии [6; 7; 17], психологии [4; 10], политологии [12], культурологии [15; 18], этнографии [20; 21], лингвистики [5; 8; 13; 14] и пр. В последнее время гендерный аспект находит отражение в специальных языковых исследованиях, в первую очередь, связанных с описанием языковой личности с учётом гендерных особенностей [1; 3] и феминизации общества [9].

В результате возникновения в XX в. междисциплинарной науки **гендерологии** образовался гендерный подход, основанный на идее приоритетности культурного и социального значения различий между мужчиной и женщиной перед биологическими или физическими различиями [19].

В научных трудах неодинаково понимается термин *гендер*. В качестве рабочего определения под названным термином мы понимаем отражённые в языке оппозиции по биологиче-

скому полу, которые обычно модифицированы социальной и культурной традицией.

Гендерные исследования лишь частично касаются ономастических проблем – специальных гендерных исследований нет. Поэтому мы на примере прозвищ делаем первую попытку рассмотреть гендерный аспект комплексно, с учётом социального, культурного и психологического компонентов.

Обратимся к определению прозвища, взятого из единственного словаря ономастической терминологии Н.В. Подольской: «Прозвище – вид антропонима. Дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующими его житию обстоятельствами или по какой-либо аналогии» [16].

Уникальность прозвищ как объекта для изучения с точки зрения гендера заключается в том, что гендерная сема эксплицитно или имплицитно присутствует практически в каждой лексической единице. Мужчины и женщины в кругу общения носителя прозвища обязательно имеют личное мнение об этом человеке, сопряжённое с его визуальным обликом, характером, манерой поведения, известными увлечениями и т. д. Это мнение не обязательно должно быть связанным с социобиологическим полом объекта. Однако в любом случае так или иначе затрагивается гендер – отнесённость к мужскому/женскому. Присутствие гендера может быть как явным, так и скрытым, когда гендерная сема обнаруживается при анализе лексического значения прозвища. Однако в прозвищах молодых людей, основой номинации которых стала принадлежность к некоторым субкультурам, может и отсутствовать явно выраженный гендерный компонент.

Фактическим материалом для нашей статьи послужили анкеты, которые были собраны в учебных заведениях г. Смоленска. Использовался также метод прямого интервьюирования.

На базе собранного материала мы выделили три группы прозвищ в зависимости от степени выраженности принадлежности по полу:

а) идентификаторы, явно и ярко отражающие гендер (*Граф, ЛЕди, МАть, СупермЭн, ШварценЕггер, ФЕя*);

б) прозвища, на пол носителей которых указывают лишь суффиксы и окончания (*ВолчИц[а], ЗелЁн[ый], КОшк[а], Мал[ой], МалЫшк[а], РадИстк[а], Сив[ая]*);

в) именованья, обладателями которых могут быть и женщины, и мужчины (*БЯка, ГлаврАч, ЛЕзвие, МОзг, ПАнда, СтАроста*).

Мы провели подробный анализ прозвищ, носителями которых являются 145 студентов учреждений среднего профессионального образования. Исходя из выше изложенной типологии проявления гендера в молодёжных прозвищах, мы статистически обработали полученные данные анкет.

Рассмотрим самые яркие примеры реализации гендера.

Женские прозвища с ярко выраженным проявлением гендера в семантике (13,8%) представлены, например, такими именованиями, как *Весна, КрИсти, ЛЯля, МатрОна, МоркОвка, МУрочка, РОза, МолдовАночка*. Эти именования однозначно определяют социальный пол носителя. В них первостепенно заложена гендерная сема, заведомо определяющая половую принадлежность обладателя именования. Так, невозможно соотнести прозвище *МатрОна* или *РОза* с образом мужчины, так же, как и сложно представить себе парня с прозвищем *Весна* или *МолдовАночка*. Усечённый вариант женского имени *Кристина* – прозвище *КрИсти*, так же, как вольное сокращение имени *Юлия*, ставшее прозвищем *ЛЯля*, и прозвище, напоминающее кличку кошки – *МУрочка*, – однозначно свидетельствуют о гендерной отнесённости носителей к особам женского пола. Именование *МоркОвка* также следует считать сугубо женским, потому что производная основа самого апеллятива – *морковь* – является неодушевлённым существительным женского рода, но и присутствующий в морфемном составе слова суффикс женского рода –*к*– усиливает семантический гендер идентификатора.

Грамматический элемент (21,4%) помогает гендеру получить отражение в строе, например, таких прозвищ: *БотАнка*, *ЕвгЕша*, *ЗлОбная*, *КолобчИха*, *КрАсная*, *МалАя*, *МалЫшка*, *Поночка*, *ПрАзднично ПУхлая*. В состав прозвищ-существительных *БотАнка*, *КолобчИха* и *МалЫшка*, помимо окончания *–[а]*, входят суффиксы женского рода *–к–*, *–их–* и *–ышк–*, которые образуют семантическую оппозицию гипотетическим прозвищам *БотАн*, *КолобОк* и *МалЫш*. Именования-прилагательные *ЗлОбная*, *КрАсная*, *МалАя*, *ПрАзднично ПУхлая* можно считать прозвищами с гендерной отнесённостью к женскому роду/полу, так как имеют окончания *–[ая]*. В итоге мы получаем женские именования, соответствующие биологическому полу носителей и вызывающие в представлении слушателя женские образы.

Женскими прозвищами без явного проявления гендера (37,2%) можно считать такие именования, как *АнчОус*, *ВодИка*, *ДИзмар*, *НИ-НИ*, *ПлЕсень*, *СОкол*, *Фунтик*, *ЯнлИн*. Данные идентификатора не вызывают у слушателя каких-либо определённых ассоциаций относительно половой принадлежности носителя. Так, люди с прозвищами зоологического и ботанического происхождения *АнчОус*, *ПлЕсень* и *СОкол* могут быть как мужчинами, так и женщинами. Морфологическая принадлежность имён существительных, от которых образованы антропонимы, никак не влияет на ассоциативный ряд, возникающий у человека, впервые услышавшего эти прозвища. Аналогично и мультипликационный персонаж, имя которого положено в основу именования *ФУнтик*, никак не способствует гендерному отнесению прозвища к мужским или женским. Что касается идентификаторов *ВодИка*, *ДИзмар*, *НИ-НИ* и *ЯнлИн*, то они не вызывают каких-либо конкретных ассоциаций.

Среди явных гендерных прозвищ юношей (10,3%) выделим, например, такие: *Борода*, *КабАн*, *КЭп*, *ПавлО*, *ТарАс*, *ТрОцкий*. Так же, как и борода является сугубо мужским атрибутом внешности, то и прозвище *Борода*

ассоциируется исключительно с носителем мужского пола. Это же можно сказать и об идентификаторе *КабАн*, апеллятив которого издревле являлся символом силы и ярости – свойств, присущих скорее мужчине, чем женщине. Прозвище *КЭп*, образовавшееся от усечённого имени существительного *капитан*, следует считать именованим с ярко выраженной гендерной семой, так как исторически капитанами, то есть предводителями, были преимущественно мужчины. Мужские имена *Павло* и *Тарас*, ставшие основой для образования соответствующих прозвищ, указывают на бесспорное гендерное отнесение прозвищ к мужским. И фамилия известного деятеля – *Троцкий* – не оставляет у слушателя сомнений в отнесении носителя прозвища *ТрОцкий* к мужскому полу. Естественно, существует и женская фамилия *Троцкая* с противоположным гендерным окончанием *–[ая]*, но в данном случае мы считаем прозвище с апеллятивом – мужской фамилией *Троцкий* абсолютно гендерным прозвищем в силу того, что он соотносится со всем известной личностью мужского пола.

Суффиксы и окончания идентификаторов являются единственными показателями присутствия гендера в таких именованиях (7,6%), как, например, *БорИсыч*, *КитАец*, *МихАлыч*, *ПетрОвич*, *РумЯный*, *РЫжий*, *ПОнчик*, *ТОлстый*, *ЧупАтый*. Отпатронимные именования *БорИсыч* и *МихАлыч* с помощью суффикса русских мужских отчеств *–ыч–* однозначно указывают на принадлежность носителям-юношам. Прозвище-существительное *КитАец*, относящееся к апеллятиву *китаец* с существительным *китаянка* в оппозиции по роду, следует считать мужским за счёт суффикса *–ец–*. Идентификатор *ПОнчик*, в морфемный состав которого входит уменьшительно-ласкательный суффикс мужского рода *–чик–*, также является мужским благодаря этому гендерному показателю. Прозвища-прилагательные *РумЯный*, *РЫжий*, *ПОнчик*, *ЧупАтый* с окончаниями мужского рода *–[ий]/–[ый]* будут мужскими по данным грамматическим проявлениям гендера.

Видимые признаки присутствия гендера в прозвищах не наблюдаются в именовании (9,7%) типа *БОгур, ГУру, ЗУйка, КАч, КЭрс, Оду-ванчик, СтрЫк*. Учитель-наставник *гуру* также может быть как особой мужского, так и женского пола, о чём свидетельствует общий род существительного. Соответственно, и обладатель прозвища *ГУру* не представляется кем-то определённым – юношей или девушкой. Прозвище *Одуванчик*, данное юноше за особенности внешнего вида, не может быть однозначно проассоциировано слушателем, не знающим об особенностях происхождения данного идентификатора, ибо этот растительный образ является стереотипным, и такие прозвища традиционно в равной степени успешно присваиваются как носителям мужского пола, так и женского. Отфамильные именовании *БОгур, ЗУйка, КАч, КЭрс*, а также ситуативное прозвище *СтрЫк* не способствуют конкретизации социального пола носителя, так как не имеют апеллиатива с явной гендерной семой.

Таким образом, как мы видим, гендерный аспект бытования прозвищ представляет собой интересное лингвистическое явление. Однако, в силу того, что данная тема пока не исследована в ономастике, хотя в лингвистике гендер сегодня рассматривается на разных языковых уровнях, мы можем сделать лишь предварительные выводы, основанные на наших наблюдениях. На данном этапе исследования возможно констатировать следующее:

1. Гендер в прозвищах присутствует, хотя не все молодёжные прозвища отражают пол носителя, так как сегодня в обществе стираются границы социального разделения полов. И тем не менее стирание гендерных различий – это скрытое проявление гендера.

2. Если гендер присутствует в прозвищах, то он может выражаться разными способами: семантически (через семантическое значение прозвища) и грамматически (структурными элементами прозвища – суффиксами и окончаниями).

3. Грамматическими средствами могут стираться гендерные различия: общий род, средний род, неодушевлённые имена суще-

ствительные, которые становятся прозвищами метафорически – на основе соотнесения по каким-то признакам, присущим как мужчине, так и женщине, т. е. появляется своеобразное «существо среднего пола». Этому способствует субкультурная атрибутика, речевые стандарты и, в том числе, прозвища.

4. В группе исследуемых прозвищ студентов средних профессиональных образовательных учреждений преобладают женские прозвища со стёртым гендерным признаком, тогда как внутри подгруппы находящихся в численном меньшинстве мужских прозвищ больше именовании с семантически выраженным гендером. Прозвища, гендер в которых проявляется грамматически, присутствуют в подгруппах носителей мужского и женского пола примерно в равных долях – 28,2% и 29,3% соответственно.

В дальнейшем исследование прозвищ в гендерном аспекте можно углублять в социологическом и психологическом планах, вскрывая мотивы номинации в разновозрастных группах носителей, что отразит в целом разные культурные коды мужчины и женщины, взгляды на социум, разную психологию и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – М. – 1995. – №1. – С. 37-67.
2. Брандт Г.А. Человек на обочине, или «место» женщины в истории европейской философии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – М.: ИВИ РАН, 2002. – № 4. – С. 148-198.
3. Войченко В.М. Фрагмент речевого портрета современной русскоязычной женщины: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2012. – 24 с.
4. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. Монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. – 208 с.
5. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Сборник научных трудов, МГЛУ, выпуск 446, – М., 1999. – С.44-60.
6. Добренков В.И. Фундаментальная социология: в 15 т. М.: Инфра-М, 2005. – Т. 10. Гендер. Семья. Родство. – 2006. – 1094 с.

7. Киммел Майкл. Гендерное общество. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 464 с.
8. Каменская О.Л. Теория языковой личности – инструмент гендергетики // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады Второй международной конференции 22-23 ноября 2001 г. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 184-188.
9. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
10. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: автореферат дисс... д-ра психол. наук. – СПб, 2004. – 39 с.
11. Костикова А.А. Гендерная философия и феминизм: история и теория // Общество и гендер / Материалы Летней школы в Рязани 1-12 июля 2003 года. – Рязань: Издательство «Поверенный», 2003. – С. 31-42.
12. Кочкина Е.В. Разработка феминистской политологической концепции: изменяющаяся роль женщины и пересмотр теории политики // Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». – М.: Московский центр гендерных исследований, 2000. – С. 153-158.
13. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: «Языки русской культуры», 2005. – 224 с.
14. Минец Д.В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Вологда, 2012. – 22 с.
15. Нечаева Н.А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира // Гендерные тетради. Выпуск второй. – СПб., 1999. – С. 5-19.
16. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Институт языкознания – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
17. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. – СПб: Алетейя, 2007. – 496 с.
18. Скоков К. «Женское» мышление в «мужской» культуре // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 355-360.
19. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток-Запад»: Женские инновационные проекты. – М.: Информация–XXI век, 2002. – 256 с.
20. Усманова А. Гендер и культура в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. – Часть 1: Учебное пособие. / ХЦГИ. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 427-464.
21. Щепанская Т.Б. Миф материнства и техники управления (женские символы и техники власти в русской этнической традиции) // Астарта. Вып.2. Женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ. – СПб., 1999. – С. 126-158.

УДК 81'373

Садовская О.М.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

O. Sadovskaya

Moscow State Regional University

ON THE QUESTION OF APPROACHES TO THE STUDY OF SEMANTIC RELATIONS AND LEXIS

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о семантических связях и лексическом составе языка, который является одним из наиболее актуальных в современной лингвистике. Проблема смысловых отношений в языке представляет интерес не только для учёных лингвистического направления, но и для исследователей таких научных дисциплин, как психология, философия, социология, культурология и многих других. В основе исследования лежит сравнительный анализ произведений представителей различных лингвистических школ. Делается попытка выявить, какие подходы, принятые в том или ином лингвистическом направлении, могут быть применены для объяснения явления семантических связей в лексическом составе национального языка. Исследование касается раскрытия природы таких понятий, как семантические связи, семантическое поле, семантическая память.

Ключевые слова: подход, лексический состав языка, семантические ассоциации, ассоциативное поле, контекстуальные связи, семантические примитивы, семантические связи.

Abstract. The article considers the problem of semantic relations and lexical structure of the language, which is one of the most actual problems in modern linguistics. The problem of semantic relations in the language is interesting not only from the point of view of the linguistic science, but also for the scientists of such scientific fields as psychology, philosophy, sociology, culturology and many others. The study is based on a comparative analysis of the works of representatives of different linguistic schools. Attempts are made to identify which approaches adopted in particular linguistic areas may be applied to clarify the phenomenon of semantic relations in the lexical composition of the national language. The research concerns the disclosure of the nature of such concepts as semantic relations, semantic field, semantic memory.

Keywords: approach, lexis, semantic association, associative field, contextual relations, semantic primitives, semantic relations.

Вопрос о семантических связях и лексическом составе языка сосредоточивает в себе исследования таких научных дисциплин, как философия, когнитивная психология, лингвистика. Современная наука располагает большим объёмом специальной литературы, в которой рассматривается вопрос о семантических связях и лексическом составе языка с различных методологических и теоретических точек зрения. Однако каждая из них несёт свои имплицитные допущения в отношении того, чем интересны семантические связи, какое отношение они имеют к структуре языка и к процессу мышления, какие подходы могут быть применены для раскрытия их сути и многие другие.

Современный философский подход к изучению лексического состава языка связан с ак-

центрированием внимания на переходе от абстрактных идеализированных теорий значения к проблеме определения человеком семантически правильного использования тех или иных слов. При формировании высказывания говорящему необходимо знать, как слова соотносятся с вещами в мире (так называемая *относительная компетенция*), и как они соотносятся друг с другом (так называемая *логическая компетенция*).

Диего Маркони утверждает, что некоторые случаи агнозии и афазии доказывают существование этих компетенций. Д. Маркони указывает на тот факт, что они отделены друг от друга, поскольку человек может потерять способность называть вещи, в то же время не теряя способности описывать их, и наоборот [9, с. 58, 67].

В лингвистике рядом подходов структурной семантики подробно рассматривалась проблема парадигматических связей, а исследователями в области семантики в генеративной лингвистике предпринималась попытка объяснить парадигматические связи. Структурная лингвистика учитывает отношения между компонентами подобных и смежных слов. Речь идёт о взаимодействии слов с другими словами (или предметами), которые соотносятся с ними на семантическом, синтаксическом или морфологическом основании. Такое явление можно назвать ассоциативной семантикой. Оно может быть соотнесено с представлениями о лексике, описанными Ф. де Соссюром и его последователями. Второе значение структурной семантики касается связей между значениями одного слова, где особое внимание уделяется полисемии и омофонии. Третье значение касается организации лексического запаса на основе сопоставительных связей.

Для Ф. де Соссюра проблема семантических связей являлась центральной в исследовании языка, так как «знак сам по себе не имел бы значения» [3, с. 130]. Другими словами, Ф. де Соссюр отстаивает принцип семантической целостности, утверждая, что не существует положительной репрезента-

ции значения. Чтобы быть значимым, слово должно иметь связь с другими словами, таким образом, слово является точкой конвергенции неопределённого количества согласованных единиц [3, с. 126]. Ф. де Соссюр не ограничивает ассоциативные связи фиксированным количеством типов связи, помимо этого, он не делает различия между семантическими и другими типами связи.

Ученик Ф. де Соссюра Ш. Балли сосредоточивает своё внимание на семантических ассоциациях между словами, на форме ассоциативных полей. Он описывает ассоциативное поле как сияние, исходящее от его ядра и рассеиваемое к периферии. Например, ассоциативный ряд слова *вол* представлен такими словами, как *корова*, *бык*, *телёнок*, *плуг*, *пахота*, *хомут*, а ассоциативное поле включает такие ассоциаты, как «терпеливость» и «сила» [5, с. 13].

Согласно утверждению Т.В. Жеребило, «ассоциативное поле слова фокусирует прямо или косвенно лингвистические параметры слова, отражает многообразие семантических, тематико-ситуативных и оценочно-прагматических связей. В ассоциативных связях отражены коммуникативные свойства слов, имеющие информативно-смысловую и практическую направленность» [4, с. 44].

В отличие от структурной семантики, направленной на анализ, ассоциативные поля совершенно не имеют ограничений в типах связей, которые могут входить в их состав. Исходя из этого, можно утверждать, что парадигматические, синтагматические и, в большей степени, идеосинкретные связи могут быть частью ассоциативного поля.

Возникновение этнолингвистики позволило изучить лексический состав языка с точки зрения когнитивно-антропологического подхода. В рамках этого подхода выявлялись примеры лексикализации в языке с целью выведения гипотезы характерной концептуализации мира, основанной на особенностях лексических структур каждой культуры [2, с. 8]

Когнитивный подход затрагивает вопрос влияния семантических связей на выбор лексических средств в процессе формирования высказывания. Значительная часть работ, изучающих эту область, касается ментальных репрезентаций концептов, которые могут быть или не быть идентичными значению слова.

Когнитивная лингвистика рассматривает вопрос семантических связей с двух точек зрения:

а) семантические связи происходят из семантического знания, а не хранятся как часть знания о слове;

б) слова-концепты, построенные на семантических связях, составляют семантическую память, явление, которое может быть охарактеризовано как ассоциативизм.

Семантическая память – это мыслительный запас знаний о мире в целом. Она отделена от эпизодической памяти, того вида памяти, который человек приобретает с опытом. Существуют различные мнения о том, являются ли семантическая память и эпизодическая память двумя отдельными запасами памяти. Можно допустить, что семантическая и эпизодическая памяти описывают различное содержание. Для данного исследования наибольший интерес представляет семантическое содержание.

Следует отметить, что семантическая память – это ментальный словарь, организованное знание, которым обладает человек. Это знание о словах и других вербальных символах, их значениях и референтах, о связях между ними, о правилах, формулах и алгоритмах для применения этих символов, концептов и связей.

Э. Тульвинг определяет эпизодическую память как знание о словах [11, с. 386]. Однако в последнее время всё чаще ведётся речь не о значениях слов, как об основных единицах семантической памяти, а о концептах. Тем не менее, в большинстве исследований значения слов и концепты переплетаются.

Р. Джекендофф определяет концепт как ментальную репрезентацию, которая может

служить в качестве значения языкового выражения [8, с. 57-60]. Он различает лексические концепты и сентенциальные концепты. Первые, по его мнению, представляют собой накопленные репрезентации (следовательно, находящиеся в ограниченном количестве), вторые построены на основе лексических концептов (следовательно, количество потенциальных концептов не ограничено).

Исследователями выделяются простые и сложные концепты. Организация простых концептов подразумевает сети, в которых концепты ассоциируются по типу парадигматических связей, в то время как организация сложных концептов представляется, по большей части, семантическими рамками (фреймами). Часты случаи, когда рассмотрение слова и концепта отдельно друг от друга представляется довольно сложным. При изучении концептуализации акцент часто делается на само слово, а при анализе моделей семантической памяти используются названия предметов для обозначения концептов, с которыми их ассоциируют. Поэтому часто возникает вопрос, показывает ли эксперимент, направленный на выявление отношений между словами, связь между предметами, обозначенными данными словами. Таким образом, можно сделать вывод, что не всегда понятно, каковы различия между лексическим составом языка и семантической памятью.

В рамках компонентного подхода к изучению лексического значения семантические теории разбивают значение слова на семантические примитивы или семантические признаки и их спецификации.

В некоторых исследованиях (например, у М. Бирвиша) такие компоненты составляют семантическое содержание отметок в ментальном лексиконе; другие учёные (в частности Р. Джекендофф) считают, что компонентно представленное значение находится в концептуальной сфере [7, с. 29-33; 8, с. 24-26]. Такой подход оправдывается тем, что и словари, и компетентные модели предпринимают попытку определить лексические еди-

ницы, используя ограниченный метаязык. В случае со словарём метаязык не полностью отделен от языка, таким образом, одни лексические единицы определяются при помощи других лексических единиц, что даёт возможность говорить о циркулярности их определений. Вследствие этого, компонентные модели значений в ментальном лексиконе стараются либо избегать, либо сокращать подобного рода явления, выбирая метаязык отличный от самого языка. Такой метаязык может содержать сублексические признаки (например, в работах Р. Джекендоффа, Дж. Пустеховски) или использовать ограниченное число лексических единиц, которые считаются семантически примитивными [9, с. 49-53; 9, с. 58].

По мнению А. Вежбицкой, в отличие от изложенных ранее трактовок, семантический метаязык основывается на самом языке, заключая в себе универсальные значения, отражённые в семантической структуре всех языков. Цель А. Вежбицкой состоит в исследовании семантических связей и в выявлении универсальных семантических примитивов, которые в различных формах создадут возможность установления различий между похожими значениями в разных языках [12, с. 106].

Важность универсальных значений в работах А. Вежбицкой подчёркивается характером некоторых примитивов, заложенных в основу теории. Такими примитивами являются слова *хороший*, *плохой*, *большой*, *маленький*. А. Вежбицкая принимает во внимание вероятность того, что эти примитивы могут быть приведены к положительному и отрицательному значению единого примитива (напр. размера). Тем не менее, по её мнению, концепт «Размер» не является более простым, чем концепты «Большой» и «Маленький», и именно концепт «Размер» должен определяться словами *большой* и *маленький*, а не наоборот [12, с. 109]. Таким образом, работы А. Вежбицкой, в отличие от других исследований, применяющих компонентный подход, рассматривают вопрос о

взаимодействии семантических связей и лексического состава языка с точки зрения более глубокого проникновения в человеческое познание [12, с. 110].

Определения парадигматических связей в рамках семантического подхода очень сходны с определениями семантических связей, построенных на связях по принципу различия, поскольку они основываются на сравнении характеристик слов. Однако ранее перечисленные положения, касающиеся компонентного анализа, показывают, что семантические компоненты способствуют лишь ряду парадигматических связей, относящихся к их значению. Если учитывать, что лексические связи относятся к металингвистическим репрезентациям слова, то семантические характеристики слов могут являться частью той информации, которая вкладывается говорящим в высказывание. Вследствие этого компонентный анализ может дополнять металексическую трактовку лексических связей. Если два слова разделяют некоторое число семантических компонентов, это не столько определяет их лексическую связь, сколько создаёт соответствующие условия для распознавания этой связи.

Исследование проблемы семантических связей и лексикона с точки зрения различных подходов даёт возможность понимания семантической системы естественного языка. Рассмотрение данного вопроса требует необходимого использования комплексной методики, включающей известные современные способы и приёмы анализа. Обзор различных методологических и теоретических аспектов даёт возможность объяснить способность индивида использовать лексические средства для передачи информации о мире и понимать обращённое к нему высказывание, при условии наличия у него представлений о естественном языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вежбицкая А. Язык, культура, познание – М.: Рус. словари, 1996. – 411 с.
2. Звукова Е.Д. Когнитивный и антропоцентрический подход в изучении паремийных образова-

- ний, отображающих женское начало (по сборнику В.И. Даля «Пословицы русского народа»)// Вестник МГОУ. – Серия «Русская филология». – 2010. – № 3. – С. 68-73.
3. Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн.– Назрань: Изд-во «Пилигрим». Т.В. Жеребило. 2010. – 486 с.
5. Bally, Ch. L'arbitraire du signe. Valeur et signification // Le français moderne. – Paris: Édition CILF, 1940. – p. 193-206.
6. Bierwisch, M. The semantics of gradation // M. Bierwisch and E. Lang (eds.) Dimensional Adjectives. – Berlin: Springer-Verlag, 1989. – S. 71-261.
7. Bierwisch, M. Vergangenheit und Zukunft der kognitiven Linguistik // Jahrbuch für Internationale Germanistik. – 1991 (1992). – №23/2. – S. 29-33.
8. Jackendoff, Ray. Languages of the Mind: Essays on Mental Representation. – Cambridge, Massachusetts (USA): MIT Press, 1992. – 200 p.
9. Marconi, D. Lexical Competence. – Cambridge, Massachusetts (USA): MIT Press, 1997. – 206 p.
10. Pustejovsky, James. The Generative Lexicon. – Cambridge, Massachusetts (USA): The MIT Press, 1998. – 298 p.
11. Tulving, E. Episodic and semantic memory // In E. Tulving and W. Donaldson (Eds.), Organisation of Memory. – New York: Academic Press, 1972. – p. 381-402
12. Wierzbicka, Anna. Semantics: Primes and Universals. – Oxford and New York: Oxford University Press. 1996. – 512 p.

8УДК: 811.161.1

Салтыкова А.А.

Московский государственный горный университет

ИМПЛИЦИТНАЯ ОЦЕНКА В СВЯЗИ С ДРУГИМИ МОДАЛЬНОСТЯМИ

A. Saltykova

Moscow State Mining University

IMPLICATED APPRAISAL ON THE GROUNDS OF OTHER MODALITIES

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу о взаимосвязи аксиологической модальности (оценки) с другими типами модальности. В рамках этого вопроса автор рассматривает способность языковых единиц, вмещающих имплицитную или эксплицитную модальность достоверности (эпистемическую модальность) или вероятности (алетическую модальность), указывать на наличие в высказывании имплицитной аксиологической модальности (оценки). Подобные единицы именуются в статье индикаторами имплицитной аксиологической модальности и являются предметом представленного исследования. Имплицитная оценка, выраженная с помощью таких индикаторов, нередко встречается в текстах СМИ, что и послужило причиной выбора соответствующих текстов для анализа.

Ключевые слова: аксиологическая модальность, эпистемическая модальность, алетическая модальность, оценка, индикаторы, импликатура.

Abstract. Present article is dedicated to the issue of correlation between axiological modality (appraisal) and modalities of other types. In the framework of the investigation the author examines the ability of modality-containing units (including modalities of possibility and reliability, implicated or explicated) to indicate axiological modality in an utterance. Such units in the article are considered as indicators of implicated axiological modality and constitute the subject of present analysis. Implicated appraisals are often found in media texts, that is why they were chosen for the investigation.

Keywords: axiological modality, modality of possibility, modality of reliability, appraisal, indicators, implication.

Ключевым понятием нашей работы является понятие аксиологической модальности. Согласно словарю О.С. Ахмановой, модальностью называется «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания (отношения сообщаемого к его реальной действительности), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами – такими, как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и др.» [3, с. 88].

Аксиологическая модальность – это модальность, в основе которой «лежит формула А г В, где А представляет субъект оценки, В её объект, а г – оценочное отношение, которое имеет значения «хорошо/плохо» [7, с. 25]. Теории оценок посвящено немало работ. В частности, исследованиям функционирования оценки в речи посвящены работы Н.Д. Арутюновой [1], Е.М. Вольф [7], А.А. Ивина [9]. Интерес к этому типу модальности с нашей стороны связан с тем, что оценка далеко не всегда выражается эксплицитно, с помощью семантических компонентов «хорошо/плохо». В ряде случаев говорящий прибегает к имплицитной оценке. Понятие «имплицатуры» впервые было введено в науку Г.П. Грайсом [8] и нашло

отражение во многих работах по прагматике. Имплицитным смыслам посвящены работы Е.Г. Борисовой [6], Е.В. Падучевой [12], Ю.К. Пироговой [13].

По определению Е.Г. Борисовой, «имплицитная информация – та информация, которая не содержится в конвенционных языковых средствах – в значении слов, интонации, конструкциях, но которая, как уверен говорящий, будет воспринята адресатом» [6, с. 113]. На наличие оценки в таком высказывании указывают особые значимые единицы речи, которые мы будем именовать индикаторами имплицитной аксиологической модальности [13, с. 154]. Анализ некоторых текстов СМИ показал, что в роли таких индикаторов могут выступать частицы и выражения, сопряжённые с другими видами модальностей, такими как деонтическая (модальность долженствования), алетическая (модальность вероятности) и эпистемическая (модальность достоверности).

О связи между аксиологической и другими видами модальностей писала в своей работе Е.М. Вольф. Она обратила внимание на то, что оценка нередко оказывается сопряжена с модальностями долженствования, желания, пользы, угрозы. Вольф отмечает, что «эта особенность оценки определяется ориентацией оценки на норму, на объект с такими характеристиками, которые предъявляются к нему нормативными требованиями» [7, с. 122]. Долженствование, таким образом, может указывать на наличие в высказывании аксиологической модальности, то есть единица, вмещающая деонтическую модальность, может выступать в роли индикатора имплицитной оценки.

Как показало исследование, это утверждение справедливо и для алетической и эпистемической модальностей. Интересно, что перечисленные модальности могут выражаться как имплицитно, так и эксплицитно, однако даже в случае эксплицитности этих составляющих сама аксиологическая модальность, или оценка, остаётся имплицитной, скрытой.

Анализ текстов СМИ позволяет нам сделать вывод, что алетическая модальность

чаще всего выражена в высказываниях в виде риторических восклицаний, а также вводных слов и конструкций:

(1) *Свершилось! Европейский союз обнародовал результаты многолетнего расследования обстоятельств прошлогоднего августовского российско-грузинского конфликта.* (М. Леонтьев, «Однако», 30.09.2009)

Алетическая модальность заключается в примере (1) в восклицании *Свершилось!* («уже не надеялись, что это свершится», «странно, что это свершилось»), которое и выступает здесь индикатором имплицитной аксиологической модальности. Трактую риторическое восклицание таким образом, мы подразумеваем, что алетическая модальность в данном случае является составляющей негативной оценки европейского союза. Иными словами, восклицание *Свершилось!* говорит адресату о том, что европейский союз не обнародовал результаты так долго, что это событие стало казаться говорящему маловероятным, почти невозможным.

Подобные высказывания оказываются здесь тесно переплетены в семантикой удивления, изучению которой посвящено, например, исследование Т.А. Мезенцевой [10], которая, однако, не связывает удивление с имплицитной аксиологической модальностью. Тем не менее, такой приём является довольно распространённым в медийных текстах. Интересно, что в примере (1) алетическая модальность также является имплицитной, т. к. не выражена непосредственно. В то же время в примере (2) подобный смысл уже эксплицитен:

(2) *Но вот что удивительно: новые назначения, сделанные после рокировки с Шойгу, тоже из этой серии, по семейной линии, только теперь не по линии тестя, а по линии отцов и детей* («Неделя», 10.11.2012).

Лексема *удивительно* выступает здесь в роли индикатора имплицитной аксиологической модальности, будучи в то же время носителем модальности эксплицитной, выражающей вероятность события. *Удивительно* в данном контексте оказывается синонимом

к наречиям *маловероятно, странно, неожиданно*.

Аналогичным образом ведёт себя частица *таки*, которую мы встречаем в примерах из СМИ, найденных в Национальном корпусе русского языка по соответствующему запросу:

(3) *Господин Садовников, несмотря на всю свою дружбу с административными бонзами, таки попал под статью* («Новый регион 2», 11.04.2011).

Подробно семантика частицы *таки* рассматривается в статье Е.Г. Широковой, где автор отмечает способность этой частицы отсылать слушателя как к предшествующей ситуации, так и к предшествующему речевому акту [17]. Отметим, однако, что в примере (3) частица *таки* отсылает адресата не столько к предшествующему событию или высказыванию, сколько к событию ожидаемому («ожидалось, что Садовников не попадёт под статью»).

Особый интерес представляет пример (4), где в роли индикатора имплицитной аксиологической модальности, вмещающей алетическую модальность, выступает непосредственное обращение к слушателю:

(4) *Американцы – вы удивитесь! – на самом деле разочаровались в перспективах афганской демократии и в своём ставленнике Карзае* («Однако», 29.01.2009).

Здесь автор не просто включает в высказывание оценку, а переносит эту оценку на слушателя, употребляя глагол в форме второго лица множественного числа и соответствующее личное местоимение. Говорящий как бы отстраняется от оценки, делая субъектом этой оценки не себя, а адресата.

Подобные речевые формулы – не единственный способ отстраниться от высказываемой оценки. Как пишет Вольф, «в каждом языке имеются способы, с помощью которых автор отмежевывается от оценки, высказанной другим субъектом или «общим мнением». В русском языке это модальные слова *мол, якобы*, которые одновременно ставят под сомнение истинность высказывания» [7, с.

71]. Подобные слова в семантике именуются ксенопоказателями или ксеночастицами. «Отмежевание» от высказываемой информации посредством ксеночастиц также встречается в текстах масс-медиа:

(5) *Слухи о возможной «большой коалиции» на Украине, в которую собираются объединиться якобы принципиальные противники Блок Тимошенко и Партия регионов Януковича, официально подтвердились* («Однако», 02.06.2009).

Говорящий использует ксенчастицу *якобы*, называя Блок Тимошенко и Партию Януковича принципиальными противниками. Согласно словарю Ожегова [11, с. 914], эта частица «употребляется для выражения сомнительности, мнимости», следовательно, приведённое предложение содержит эксплицитную эпистемическую модальность. Автор не разделяет высказываемую им точку зрения и даёт понять, что данная информация может быть неверна. Указание на недостоверность позволяет нам сделать соответствующий вывод об источнике этой недостоверной информации. В данном случае объектами негативной оценки становятся Тимошенко и Янукович, «принципиальная вражда» между которыми оказывается вовсе не принципиальной.

Другой частицей, способной выступать в роли индикатора имплицитной аксиологической модальности, является частица *мол*, употребляющаяся «при передаче чужой речи, при ссылке на чужую речь» [11, с. 360]. Частица *мол* (наряду с частицами *де* и *дескать*) неоднократно описывалась в научной литературе. В работе В.М. Беловой частица *мол* рассматривается как неотъемлемый атрибут пересказа, использующийся в мемуарном повествовании [5]. Интересно исследование Н.Д. Арутюновой, посвящённое частицам *де, дескать* и *мол*, где автор отмечает, что «ксеночастицы служат не только маркерами чужой речи, но и чужого смысла» [2, с. 442]. Явлению отмежевания от чужой речи посвящена работа А.Н. Баранова, где частица *мол*, однако, трактуется как показатель согласия

автора с цитируемым высказыванием [4, с. 120-122]. Наш анализ выявил случаи, где данный вывод не справедлив. Нередко, используя частицу *мол*, автор подчёркивает, что приводимые им слова не являются его собственными словами, в результате чего возникает вопрос о достоверности этой информации: автору незачем отказываться от слов, которые представляются ему как истинные. Автор не доверяет источнику выдаваемой информации, и это побуждает его заявить о своей непричастности. В то же время, как и в случае с частицей *якобы*, наличие эпистемической модальности создаёт в высказывании модальность аксиологическую, но, в отличие от случая с *якобы*, в данном примере обе модальности выражены имплицитно («чужая речь» ещё не значит «ложная»):

(6) *На мировых рынках – всплеск оптимизма. Индексы рванули вверх. Заговорили о том, что антикризисные меры дают результат, и даже что рынок, мол, наконец, нащупал пресловутое дно* («Однако», 12.03.2009).

В следующем высказывании частица *мол* сочетается с другим индикатором – частицей *вроде как*. Об этой разновидности частицы *вроде* писала, например, в своей работе О.В. Семенова [15, с. 71-73]. В этой частице, так же как в описанных выше *мол* и *якобы*, заключается эпистемическая модальность [11, с. 107]:

(7) *Среди версий причин отставки министра Сердюкова и какая-то совсем бытовая, как из телесериала: мол, ему не простили тень, брошенную на брак с дочерью бывшего премьера Зубкова. То есть семейственность, которая когда-то вознесла Сердюкова, вроде как, могла ему выйти в итоге боком* («Неделя», 18.02.2012).

Аксиологическая модальность возникает из-за того, что одна из называемых причин отставки Сердюкова представляется говорящему маловероятной и он, во-первых, подчёркивает свою непричастность к этой информации, а во-вторых, указывает ещё раз на то, что это лишь версия, которая вызывает определённые сомнения. Частица *вроде*

как встречается и в других подобных примерах из СМИ:

(8) *Разобраться в ситуации обещали и в Кремле, ведь хотя закон никто вроде как не нарушил, но выдача таких коммерческих кредитов в отделениях государственной «Почты России» выглядит весьма сомнительно* («Неделя», 18.02.2012).

Автор показывает, что отсутствие нарушения является лишь кажущимся, неподтвержденным, а значит, нарушение есть и нарушитель выступает в роли объекта аксиологической модальности. Поясним, что оценка в данном высказывании выражается не только имплицитно (через индикатор *вроде как*), но и эксплицитно (через лексику *сомнительно*). Однако, хоть эксплицитная оценка и обнаруживается в приведённом примере, она, будучи второй по счёту, скорее подтверждает первоначальный вывод, нежели заставляет сделать его самостоятельно.

Анализ некоторых текстов СМИ показал, что «отмежевание» от выдаваемой информации может происходить не только с помощью индикаторов *мол*, *якобы* и *вроде как*, но и посредством устойчивого выражения *так называемый*. Зачастую, хотя и не всегда, автор употребляет это выражение, стремясь показать, что сам он не вполне согласен с данным тому или иному явлению названием. Рассмотрим, например, высказывание (9):

(9) *Если серьёзно, МВФ всегда навязывает политику жёсткой «шоковой» экономии. То есть, углубляющую падение. А страны, так называемые лидеры мировой экономики, всегда денежную политику смягчают, то есть действуют ровно противоположно* («Однако», 26.02.2009).

Здесь *лидеры мировой экономики* – не термин и не общепринятое понятие, а расхожее название ряда стран, к которым относятся и США, и некоторые европейские страны. Согласно фразеологическому словарю А.И. Федорова, выражение *так называемые* «употребляется для выражения иронического или презрительного отношения к кому-либо или к чему-либо, имеющему какое-нибудь

название» [16]. В то же время ироническое отношение (или ирония) обычно основано на том, что объект называется определённым именем, на самом деле представляя собой нечто прямо противоположное. Иными словами, в данном высказывании так называемые оказывается не столько указанием на определённый термин, сколько намёком на несоответствие (или, по крайней мере, неполное соответствие) описываемого объекта данному ему наименованию. Услышав такое сообщение, адресат с большой вероятностью предположит, что автор не согласен с употребляемым им названием, что в результате и служит средством для создания негативной аксиологической модальности.

Итак, аксиологическая модальность может выражаться не только эксплицитно, но и имплицитно. В ряде случаев на наличие оценки в тексте указывают особые языковые единицы – индикаторы, в роли которых могут выступать знаменательные и служебные слова. Зачастую обнаружение в высказывании оценки связано с наличием в высказывании других модальностей (алетической, деонтической и эпистемической), выраженных имплицитно или эксплицитно. В данной статье мы рассмотрели индикаторы имплицитной аксиологической модальности, содержащие в себе алетическую и деонтическую модальности, к которым относятся частицы *мол*, *якобы*, *вроде как*, сочетание *так называемые* (эпистемическая модальность), а также риторические восклицания, вводные слова и конструкции с семантикой удивления или неожиданности (алетическая модальность). Здесь мы не раскрыли вопроса о роли деонтической модальности в индикации имплицитной оценки, однако он представляет не меньший интерес для исследования и не останется без внимания в дальнейшем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ:

1. Леонтьев М.В. Информационно-аналитическая программы «Однако» [Электронный ресурс] //

Первый канал: [сайт]. – URL: <http://www.1tv.ru/news> (дата обращения: 03.11.2010)

2. Максимовская М. Информационно-аналитическая программа «Неделя» [Электронный ресурс] // Программа «Неделя»: [сайт]. – URL: <http://www.nedelya.ren-tv.com> (дата обращения: 06.03.2012)
3. Национальный корпус русского языка: [сайт]. – URL: <http://ruscorpora.ru/search-paper.html> (дата обращения: 20.03.2013)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. – Вып. 3. – М., 1985. – С. 13-24.
2. Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи: *де, дескать, мол* // Язык о языке. – Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 2000. С. 437-449.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
4. Баранов А.Н. Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкознания. – Вып. 4. – М., 1994. – С. 114-124.
5. Белова В.М. Частица «мол» как дискурсивное слово // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – №2. – С. 49-52
6. Борисова Е.Г. О способах извлечения имплицитной информации // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. Сборник статей. – М., 2006. – С. 113-122.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – Изд. 2-е, доп. – М., 2002. – 280 с.
8. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – № 16. – С. 217-237.
9. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970. – 230 с.
10. Мезенцева Т.А. Функциональные особенности репрезентации удивления в английском и русском языках: На материале прозы Чарльза Диккенса оригинальных и переводных вариантов: дисс... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2005. – 250 с.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
12. Падучева Е.В. Имплицитное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // Вопросы языкознания. – 2011. – №1. – С. 3-18.
13. Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001. – С. 209-227.
14. Салтыкова А.А. Некоторые случаи индикации имплицитной аксиологической модальности в СМИ // Вестник РГГУ. – 2013. – № 8. – С. 152-164.

15. Семёнова О.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «вроде»: дисс... канд. филол. наук – М., 2000. – 143 с.
16. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – URL: [http://phraseology.academic.ru/6957/Так называемый](http://phraseology.academic.ru/6957/Так%20называемый) (дата обращения: 10.11.2013)
17. Широкова Е.Г. Частица «-таки»: Семантика и условия употребления // Семиотика и информатика. – 1982. – № 19. – С. 137-147.

УДК 81'276

Степаненкова Т.В.

Московский государственный областной университет

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЖЕНЩИНА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА ПОСЛОВИЦ РУССКОГО НАРОДА В.И. ДАЛЯ)**

T. Stepanenkova

Moscow State Regional University

**LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECT
OF S PAREMIOLOGICAL FIELD WOMAN IN RUSSIAN
(ON V. DAHL'S COLLECTION OF RUSSIAN NATIONAL PROVERBS)**

Аннотация. В статье рассматривается культурологический аспект паремиологического поля *женщина* в национальной картине мира. В рамках антропоцентрической парадигмы лингвистического исследования обсуждаются гендерологическое направление в описании паремиологического поля. В исследовании раскрываются основные аспекты реализации образа *женщины* в русской фольклорной традиции, а также влияние христианских основ на формирование семантического поля *женщина* в пословичном комплексе русского языка.

Ключевые слова: лингвокультурология, паремиологическое поле, гендер, концепт, национально-культурная традиция.

Abstract. The article deals with the culturological aspect of a paremiologic field *woman* in the national picture of the world. Within an anthropocentric paradigm of linguistic research the gender direction in the description of a paremiologic field is considered. The research reveals the main aspects of realization of an image of a woman in the Russian folklore tradition as well as the influence of Christian foundations on a formation of a semantic field *woman* in a proverbial complex of the Russian language.

Keywords: linguistics and culturology, paremiologic field, gender, concept, national and cultural tradition.

Сегодня в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистического исследования сложилось гендерологическое направление. Представления о типичных чертах мужского и женского наиболее ярко раскрываются в паремиологическом фонде языка. Это связано с тем, что паремиология «является областью отражения, хранения и трансляции культурных ценностей народа» [1, с. 244], а «система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» [7, с. 215]. В паремиологии закрепляются те образные выражения, которые так или иначе связаны с национально-культурными стереотипами, а они в свою очередь при употреблении в речи отражают характерный для той или иной общности менталитет, служащий для неё «духовной оснасткой», «психологическим инструментарием» [4, с. 9].

Одним из базовых концептов русской культуры является концепт «Женщина», который складывается из родового понятия *женщина/баба* и видовых, характеризующих женщину по социальному статусу, возрасту, родственным отношениям, характеру деятельности и т.

д. Номинация *баба* является культурно маркированной. Словари фиксируют в качестве первичного значения слова *баба* устаревшее 'замужняя крестьянка'. «На основе фокусировки свойств 'здоровая, работающая', 'простая, необразованная', 'простая, свойская', 'грубая, имеющая плохие манеры' сформировались вторично-номинативные значения этого слова, в которых преобладает функция идиоэтнической характеристики женщины по указанным свойствам» [7, с. 261]. При этом стоит учитывать, что в пословицах и поговорках русского народа объектом описания становится женщина-крестьянка.

Концепт «Женщина» относится к гендерно-маркированным единицам, а потому при его анализе нами выделяются следующие концептуальные зоны, в которых отражаются основные ипостаси женщины:

- социально-семейная роль женщины;
- внутренние качества женщины;
- внешность.

1. Социально-семейная роль женщины

В паремиях, отражающих жизнь девушки до замужества, хорошо прописан образ дочери, который в сознании носителей русского языка связан с фразеологизмом *отрезанный ломоть*. Источником выражения была пословица *отрезанный ломоть к хлебу (к каравая) не приставишь*, которую употребляли по отношению к вышедшей замуж дочери, уходящей из родительского дома в семью мужа. Основа образа пословицы и фразеологизма – материальное значение и обрядовая символика хлеба на Руси [2, с. 399]. В бытовой речи можно встретить выражение – *отрезанный ломоть обратно к каравая не приделать*, отражающее национально-культурную установку, что дочь, выйдя замуж, навсегда потеряна для своей семьи. Возможно, поэтому дочь в семье относилась к категории «не своё», свидетельством чему становятся паремии: *Дочь – чужое сокровище. Дочь – отцу, матери не корысть (не кормилица)*.

Не простым в семье был вопрос замужества дочери: *станешь гадать, как девуку за-*

муж отдать; хоть за вола, только б в дому не была.

Паремии у нашего Макара по три деньги Натальи; а грош дай – любую выбирай или маво Фому где хошь возьмут, а ты свою Маринку поводи по рынку говорят о том, что выбор невесты принадлежал мужчине. Об этом свидетельствуют паремии, которые представляют собой своеобразный свод правил по выбору невесты: *не ищи красоты, ищи доброты; выбирай корову по рогам, а девуку по родам!* При этом учитывается ум, красота, семья девушки, её умение выполнять домашнюю работу, а потому актуализируются атрибуты умная, красивая, хозяйственная: *хорошую взять – много станут знать, а худую – нельзя в люди показать; умную взять – не даст слова сказать.*

Хорошая жена и хозяйка связана с пространством *дом*, включающим в себя не только дом как территорию, но и предметы домашнего быта. Образ женщины-домоседки в паремиях связан с перенесением на Русь из Византии «теремной культуры», которая отстраняла женскую личность от мира-общества, делала её принадлежностью только пространства мира-дома, во главе которого стоял муж – глава семейства, что было узаконено «Домостроем» [7, с. 264]. Иллюстрации данному факту находим в паремиях: *хорошая жена – юрт (дом); мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе.* Хорошая, добрая жена славится не красотой, а бережливостью и умением вести хозяйство: *не наряд жену красит – домостройство; доброй жене домоседство не мука; где бабы гладки, там нет воды в кадке.* Женщина, которая не умеет заниматься хозяйством, не чтит мужа, обладает вольным нравом, подвергалась порицанию или высмеиванию: *она и без мужа в серьгах щеголяет (в отсутствие мужа добрые жены сымают с себя серьги, перстни и щегольскую одежду); худая матка всему дому смятка.*

Женщина-мать в паремиях несёт в себе положительное начало: *у кого есть матка, у того голова гладка; при солнце тепло, а при*

матери добро. Особое место среди паремий, связанных с образом женщины-матери, занимают те, в которых утверждается сила материнской молитвы: *мать праведна – оградка камена; днём денна моя печальница, в ночь ночная богомольница; материнская молитва со дна моря вынимет.* Тема молитвы матери за детей восходит к православному пониманию института семьи, что, как свидетельствует проанализированный языковой материал, прекрасно отражено в паремиях, касающихся отношения детей и родителей. Господь дал родителям особую власть над детьми: «Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу». В том числе и власть наказания детей: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его». «Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери» ср. в паремиях: *не наказанный сын – бесчестие отцу; любимого сына жезлом; наказуй детей в юности, упокоят тя в старости.* Дети же должны почитать своих родителей: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе» [6] ср. в паремиях: *не оставляй отца и матери на старости лет, и Бог тебя не оставит.* О детях, обижающих своих родителей, ап. Павел говорит: «Глаз, насмехающийся над отцом и пренебрегающий покорностью к матери, выключот вороны дольные, и сожрут птенцы орлиные!» [6], ср. в паремиях: *не проживут дней своих, иже прогневают отца и мать.*

С институтом семьи связан и такой социальный феномен как вдовство, которое в паремиях соотносится с состоянием сиротства: *вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота; дай Бог погореть, да не дай Бог овдоветь; худо полю без изгороды, а вдове без обороны.*

Как отмечалось выше, в паремиях часто встречаются образы, соотносимые с библейскими символами. Образ женщины-вдовы не стал исключением. Заповедь о милосердии по отношению к вдовам и сиротам выражена в кн. Исход: «Ни вдовы, ни сироты не притес-

няйте; если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами» в паремиях: *за вдовою (За сиротою) сам Бог с калитою; на вдовый дом (двор) хоть щепку брось, и за то Бог помилует.* Вдова или вдовец могли вступать в брак, но не больше двух раз. Согласно 50-му правилу св. Василия Великого «На троебрачие нет закона; по сему третий брак не составляется по закону. На таковые дела взираем как на нечистоты в Церкви, но всенародному осуждению оных не подвергаем... ср. в паремии: *первая жена от Бога, вторая от человека, третья от чёрта.*

Но женщина вдова не всегда вызывала сожаление в глазах людей: *за чёрта отдай её и того уходит (переживёт); она уже (другого, третьего) мужа донашивает; вдовицу Бог бережёт, а люди не берегут.* Не приветствовалась и женитьба на вдовах: *на вдове жениться, что старые штаны надевать: не вошь, так гнида,* ср. *Вдовый обиход не уход.* Такое отношение формировалось под влиянием стереотипа, что вдова – женщина, уже побывавшая замужем, более опытная, со сложившимися традициями: *вдова не девица: свой обычай у всех.*

2. Внутренние качества женщины

Характеристика внутренних качеств женщины в русской паремиологии строится на представлении о том, что женщина естьместилище греха, и связывается с именем Евы: *Адам плотию наделил, Ева – грехом; Ева Адама прельстила, весь род потопила.* Ряд паремий прямо указывает на библейскую символику о грехопадении, причиной которого является женщина. Поскольку паремия – это своего рода микрсюжет, то например, в пословице *Ева прельстила деревом, простонала чревом* фактически передаётся в сжатом виде история грехопадения: ср. в кн. Бытия «..древу хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание; и взяла плодов, и ела; и дала также мужу своему, и он ел» [6]; вторая часть паремии про-

стонала чревом (испытывать боль при рождении детей) говорит о наказании женщины после грехопадения: «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей» [Быт. 3:16]. Так как грех не появляется сам по себе, а вызывается дьяволом, то и женщина начинает ассоциироваться с сатаной [3, с. 57] отсюда паремии: *баба да бес – один у них вес; вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке*.

Стереотипное представление о том, что женщина в большей степени, чем мужчина, подвержена пороку, проявляется в употреблении таких атрибутов как *скандальная, хитрая, упрямая, болтливая*. При этом, как замечает В.Н. Телия, прилагательные в таких сочетаниях не являются семантически связанными, но то, что они употребляются чаще со словами *баба* или *женщина*, даёт основание для их интерпретации в контексте мировидения как культурно связанных [7, с. 266]. Паремии, характеризующие словоохотливость женщины, строятся по принципу увеличения признака: *три бабы – базар, а семь – ярмарка; гусь да баба – торг; два гуся, две бабы – ярмарка*. Кроме того, женский разговор чаще всего представляется пустым и глупым с элементами вранья: *бабья вранья и на свинье не объедешь; баба бредит, да чёрт ей верит; бабий язык – чёртово помело*. Образ женского пустословия переплетается в сознании обыденного русского менталитета с непостоянством: *пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает; у бабы семь пятниц на неделе; на женские прихоти не напасёшься*, а отсюда проявляется и двуличность женского характера (*лукавство*, то есть говорит одно, но замышляет другое): *жена льстит – лихо мыслит; жена ублажает – лихое замышляет*.

Паремии определяют внутренние и внешние качества женщины, особенности характера. Но все они не отражают женщину как личность, как человека, наоборот, создают оппозицию *человек-женщина*: *я думал, идут двое, а мужик с бабой; кобыла не лошадь, баба не человек*. Такое противопоставление

становится понятным при обращении к христианскому вероучению о сотворении женщины: «сотворил Бог человека...мужчину и женщину сотворил их» [Быт. 1: 27] и далее «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему... И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привёл её к человеку» [Быт. 2: 18-23]. В паремиях закрепилось обыденное понимание того, что женщина, вышедшая из ребра Адама, не может быть приравнена к мужчине и воспринимается как его часть. Отсюда вырастает ещё один из стереотипов, закреплённых в паремииологии, о противопоставленности женского ума мужскому: женский ум как «недо-человеческий» (в терминологии В.Н. Телии), то есть не логичный, поверхностный: *перека-ти поле – бабий ум; женские умы – что татарские сумы; бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца*. Особенностью таких паремий является то, что они не утверждают отсутствие ума у женщины вообще, а противопоставляют его мужскому: *мужа чтут за разум, жену по уму*. Женский же интеллект в паремиях соотносится с мудростью в значении «житейский ум», «обыденный». В паремиях, характеризующих интеллект женщины, встречается лексема *ум* в значении 'глупые поступки, безрассудные': *бабьи умы разоряют дома; мужичий ум говорит: надо, бабий ум говорит: хочу*. Соотношение *ум – мысль* по отношению к женщине в паремиях окрашено негативно. В народном представлении женская мысль всегда изменчива, а её хозяйка не способна к твёрдому логическому мышлению: *девичьи (женские) думы изменчивы; бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца*. В соотношении *ум – красота* предпочтение отдаётся умной женщине (хорошей хозяйке): *красота приглядится, а ум вперёд пригодится; на хорошую глядеть хорошо, а с умною жить хорошо*.

3. Внешность

В большинстве русских паремий, характеризующих внешность женщины, утверж-

дается идеал русской красавицы: *кругла, пухла, румяна, кровь с молоком, ср. костлявая девка – тарань-рыба*. Перечисленные в паремиях достоинства женской красоты имели вполне практический характер: женщина с хорошими физическими данными сможет родить здоровых детей, будет хорошо вести хозяйство и меньше болеть: *на что корова, была бы жена здорова; жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу*. Оценка внешней привлекательности женщины определяется мужчиной-хозяином. Поэтому на первый план выступает не красота, а хозяйственность: *красота приглядится, а щи не прихлебуются; не наряд девку красит – домостройство ср. там, где бабы гладки, нет воды в кадке*.

Стереотипные представления о женщине, сложившиеся в культурно-национальной традиции обыденного менталитета, выстраиваются по принципу оппозиции *женщина-мужчина* или *женщина-человек, ум-красота*. В общей же массе паремии отражают зависимость роль женщины от мужчины, что связано с особенностью национального сознания, опирающегося на христианские традиции. Состав паремиологического поля «Женщина» в пословицах и поговорках В.И. Даля от-

ражает как отрицательные черты женского характера: *сварливость, хитрость, связь с нечистой силой* и т. д., так и положительные черты, которые связаны с такими ипостасями женщины, как *невеста, жена, мать*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алифериенко А.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО Изд-во «Эллипс», 2008. – 271 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – 704 с.
3. Григорьев А.В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. – М.: «Индрик», 2006. – 360 с.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – 350 с.
5. Пословицы русского народа: сборник В.И. Даля. – 4-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2009. – 814 с.
6. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravenc.ru> (дата последнего обращения 22.09.13)
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. Православие. Ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата последнего обращения 25.08.13)

УДК: 8/10.02.01

У Бо

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

**К ВОПРОСУ О ВЕЖЛИВОСТИ КАК СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЙ
(НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЙ РЕЧЕВОГО ЖАНРА
БЛАГОДАРНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ)**

Wu Bo

Lomonosov Moscow State University

**ON THE QUESTION OF POLITENESS AS A SYSTEM OF STRATEGIES
(ON THE BASIS OF COMPARISON OF STRATEGIES OF THE SPEECH GENRE
OF GRATITUDE IN RUSSIAN AND CHINESE)**

Аннотация. В статье описываются прагматические аспекты функционирования одного из речевых жанров, а именно речевые стратегии жанра благодарности, которые делятся на стратегии сближения и стратегии отдаления. Автор изучает общие и частные стратегии, которые некоторые современные исследователи различают. В основе исследования лежит сопоставительный анализ стратегий сближения и отдаления, характерных для русских и китайских речевых жанров благодарности. Автор пришёл к заключению, что коммуникативные стратегии рассматриваются как объект, необходимость описания которого определяется целями обучения речевому поведению.

Ключевые слова: стратегии вежливости, стратегии сближения и отдаления, речевой жанр, благодарность в русском и китайском языках, обучение коммуникативным стратегиям.

Abstract. This article describes the pragmatic aspects of the functioning of one of the speech genres, namely gratitude speech strategies, which are divided into strategies of connection and strategies of distancing. The author studies the general and specific strategies, which are distinguished by some modern researchers. The study is based on comparative analysis of connection strategies and distancing strategies, characteristic of Russian and Chinese gratitude speech genre. The author has come to conclusion that communication strategies are seen as an object, the disclosure of which is determined by the need for learning of purposes of the speech behavior.

Keywords: politeness strategies, connection strategies and strategies of distancing, speech genre, thanking in Russian and Chinese, teaching of communicative strategies.

1. В настоящее время внимание многих исследователей привлекают прагматические аспекты речевых единиц, которые могут быть использованы носителями того или иного языка в различных коммуникативных ситуациях – например, вопросы о том, когда, в каких случаях уместна в том или ином языковом окружении благодарность, выраженная с помощью некоторой стандартной речевой формулы, проявляются ли при выражении благодарности какие-либо оценки действий и возможностей партнёра или определённые аспекты коммуникативной ситуации [5, с. 159]. Чрезвычайно перспективно, в частности, изучение совокупности речевых действий, необходимых для достижения коммуникативных целей, или *стратегий вежливости*, характерных для разных культур, и выработка рекомендаций по использованию этих стратегий в речевой коммуникации.

Предлагаемая статья посвящена сопоставительному рассмотрению системы стратегий, которые реализуются в русском и китайском языках при выражении благодарности. Мы называем благодарностью высказывание, которое совершается для того, чтобы показать, что говорящий ценит добро, которое совершил собеседник. Благодарность играет существенную роль в поддержании вежливых отношений между участниками коммуникации. Несмотря на универсальность, благодарность имеет национальную специфику, поэтому сопоставление русских и китайских стратегий вежливого поведения представляет собой проблему, заслуживающую специального анализа. Данная проблема привлекала внимание некоторых исследователей. Указывали, в частности, на особую важность для китайского общества иерархических противопоставлений и противопоставления по признаку «свой – чужой» [6, с. 101-110]. Однако проблема национальной специфики благодарности заслуживает дополнительного изучения.

Работа опирается на данные Национального корпуса русского языка, Электронного корпуса текстов центра китайского языка при Пекинском университете и русского и китайского интернета, в которых контексты с выражением благодарностей достаточно многочисленны. Использовались показания анкет, которые заполнили 119 русскоязычных информантов и 100 носителей китайского языка, а также собственные наблюдения автора¹.

¹ Иллюстративные примеры из произведений художественной литературы, извлечённые из электронных корпусов текстов, сопровождаются указанием автора и его произведения (оно заключается в круглые скобки), материалы интернета не документируются, данные анкет помечаются сокращением (из анк.). В качестве образца при выработке формата анкеты использовался вариант «Проекта реализации речевых актов в разных культурах», предложенный в [8, р. 289-294]. Анкетирование проводилось в 2009–2012 гг. в Москве и Пекине. Информанты представляли категории лиц мужского и женского пола от 16 до 39 лет, имеющих незаконченное высшее образование. Изучалось языковое поведение носителей литературных языков.

В статье ставятся следующие задачи: определить понятие речевой стратегии, сопоставить стратегии, характерные для русских и китайских речевых жанров благодарности, а также средства их выражения.

2. Благодарность является особым *речевым жанром*², *базирующимся на разнообразных стратегиях*, то есть коммуникативных установках говорящего, ориентированных на кооперацию [4, с. 222] либо некооперацию. Как было показано в ряде исследований, принцип кооперации, обоснованный в указанной работе логика П. Грайса, нередко нарушается: люди не только стремятся к сотрудничеству, но и дистанцируются друг от друга. Большинство авторов, изучающих прагматические аспекты речевых жанров, делят речевые стратегии на два основных типа: *стратегии сближения* и *стратегии отдаления* (дистанцирования).

Стратегии сближения и отдаления (дистанцирования), названные создателями теории двух основных типов вежливости П. Браун и С. Левинсоном положительной и отрицательной вежливостью [9, с. 66; 10, с. 61], основаны на сближении, необходимом для достижения коммуникативной цели, и отдалении (сохранении дистанции). И сближение, и дистанцирование необходимы для автономии собеседников. В основе предлагаемого данными авторами подхода лежит понятие FTA (Face Threthening Act) – «акта, угрожающего лицу». По мнению авторов, участники общения заинтересованы в сохранении своего лица и лица партнёра. Однако каждый речевой акт может угрожать лицу и адресата, и самого говорящего: лицу адресата, его позитивному образу может угрожать критика, упрёк, оскорбление, а позитивному образу говорящего – самокритика или извинение. П. Браун и С. Левинсон противопоставляют «позитивному лицу» «негативное лицо», понимая под вторым термином желание участника коммуникации защищать свою личную сферу (иметь свободу, быть независимым) [10, с. 129]. В процессе общения,

² Мы исходим из понимания речевого жанра, предложенного М.М. Бахтиным [1, с. 257]. При этом учитываются некоторые характеристики речевых жанров, которые описаны Т.В. Шмелёвой [7, с. 91-93].

по Браун и Левинсону, собеседники стремятся поддерживать друг друга и сохранять своё лицо. Авторы предлагают различать позитивную и негативную вежливость, направленность которых противоположна. Вслед за Т.В. Лариной [5, с. 160-162] мы считаем точнее отражающими суть указанных двух типов вежливости такие не содержащие ненужных в данном случае оценочных коннотаций термины, как вежливость сближения и вежливость отдаления (дистанцирования).

Вежливость сближения (позитивная вежливость) предполагает стремление сократить дистанцию, разделяющую собеседников, *вежливость отдаления* (негативная вежливость) – стремление сохранить отмеренную дистанцию между индивидами. Эти термины и будут использованы в дальнейшем.

Понятия вежливости сближения и отдаления были неоднократно с успехом использованы современными исследователями при изучении специфики русской коммуникации, см., например, указ. соч. Т.В. Лариной. Что касается применимости этих понятий при изучении китайской культуры и китайского языка, то точки зрения исследователей по этому вопросу диаметрально противоположны: ср. мнение Мао [12, с. 457-459], исходящего из того, что понятие отрицательного лица нельзя использовать при рассмотрении китайской коммуникации, потому что в Китае индивидуальное поведение лица обязательно соотносится с мнениями и суждениями членов его социальной группы, и мнение Цзи [11, с. 1061], утверждающего, что забота об индивидуальном имидже проявляется в любом сообществе, и приводящего примеры того, как в китайском общении обнаруживается вежливость отдаления. Мы попытаемся показать универсальность этих понятий и этноспецифичность их проявлений.

Некоторые современные исследователи различают общие и частные стратегии [3, с. 54], [5, с. 161]: общая стратегия реализуется в нескольких частных. Т.В. Ларина, опираясь на мнение Браун и Левинсона [10, с. 129-208], называет следующие, нередко пересекающиеся *стратегии сближения*:

– *внимание к собеседнику и – шире – к окружающим, к их интересам, потребностям, желаниям,*

– *преувеличение своего интереса, симпатии к собеседнику, одобрения его действий,*

– *использование показателей внутригрупповой принадлежности – обращений, указывающих на принадлежность коммуникантов к одной и той же группе,*

– *использование языка, на котором говорит собеседник,*

– *проявление оптимизма.*

Среди выделенных указанными выше исследователями *стратегий отдаления* (дистанцирования) важнейшими являются следующие:

– *использование так называемого косвенного стиля, то есть отказ от прямолинейности, категоричности высказываний,*

– *создание «преград» в виде вопросов, которые являются средствами смягчения высказываний,*

– *предоставление слушающему возможности не совершать действие, к которому его побуждают,*

– *минимизация предположений о возможности и желании адресата совершить обсуждаемое действие,*

– *минимизация степени вмешательства говорящего в личную сферу адресата,*

– *выражение сомнений в возможности реализации действия собеседником (пессимистическая установка),*

– *использование извинений.*

3. Сравним стратегии сближения, которые используются русскими и китайцами при выражении благодарности.

Одной из наших целей является сопоставление речевого оформления коммуникации носителями разных языков, и в качестве примеров мы приводим далее русские и китайские реплики, в необходимых случаях располагая их параллельно. Китайские примеры (они даются только в латинской транскрипции) сопровождаются переводом на русский язык. Иллюстративные примеры – это и конвенциональные реплики (формулы

речевого этикета, характерные для многих языков в силу ритуализации благодарности), и авторские благодарности, называемые благодарностями по существу.

3.1. При выражении благодарности русские часто используют стратегию **преувеличения**.

Это касается как описательной гиперболы (не знает границ; нет слов; не хватает слов, не выразить словами), так и повторов (спасибо, спасибо; благодарю, благодарю), использования интенсификаторов, или маркеров усиления (очень, так, весьма, крайне, чрезвычайно, премного, от всей души), употребления экспрессивных оценочных прилагательных (большое, огромное, горячий, тёплый, искренний, безграничный), наречий (искренне, глубоко, сердечно). Эти средства могут характеризоваться стилистической окраской: среди них выделяются слова, закреплённые за определёнными стилями языка. Например, *искренний, искренне* – принадлежность определённых жанров официально-делового стиля. В современном русском языке такие показатели высокой степени проявления положительного отношения, как *крайне, весьма*, носят книжный характер, а *премного* является устаревшим (возможно также в ироническом употреблении).

Данная стратегия характерна и для носителей китайского языка. Это проявляется в использовании определённых наречий и прилагательных. При этом, как и в русском, они различны в разных стилях речи: в разговорной речи употребляются такие слова, как *hen* 'очень, в высшей степени', *fei chang* 'чрезвычайно', *shi fen* 'глубоко, весьма, покорнейше', *tai* 'очень', *zhen shi tai* 'крайне', *bi jin* 'безгранично, бесконечно, беспредельно', в официально-деловой – *zhong xin de* (сердечно, искренне, от всей души).

Приведём примеры из русского языка:

Моя благодарность и моё спасибо **не знают границ**. Благодарю Вас, дорогие мои, за то, что зашли на мой блог!

У меня **нет слов**, чтобы отблагодарить вас за многие рецепты.

Моя задача – научить вас не терять самоконтроля до последнего шага в жизни. – **Благодарю, благодарю вас!** – радостно воскликнул Таэль. (В. Ефремов. Час быка).

[В ответ на поздравление]:

От всей души / Сердечно благодарю вас за поздравления, мои милые друзья! / Хочу всем сказать большое тёплое и искреннее спасибо. / Я Вам очень / так / глубоко / крайне / чрезвычайно признателен (из анк.).

Китайские примеры

[Благодарность водителю, остановившему автобус для пассажира]:

Tai gan xie le! Yao bu ran wo jiu gan bu shang hui che le. (**Бесконечно благодарна!** Иначе я бы не успела на поезд).

[Благодарность знакомому, давшему в долг нужную сумму денег]:

Wo de gan ji zhi qing wu yi yan biao. (**Не хватает слов**, чтобы выразить мою благодарность за помощь) (из анк.).

[Благодарность другу, подарившему книгу]:

Tai hao le, xie xie ni, xie xie ni. (Как здорово, **спасибо тебе, спасибо тебе**) (из анк.).

[Благодарность другу, обещавшему найти репетитора]:

Na tai hao le! Wo tai / shi fen / zhen shi tai / fei chang (Как здорово! Я тебе **очень / глубоко / крайне / чрезвычайно признателен** (из анк.).

[Мэр благодарит горожан после выборов]:

Zhong xin de gan xie ni men dui wo de zhi chi. Zheng shi you le ni men de zhi chi wo men cai neng chuang jian geng mei hao de cheng shi (**Сердечно / От всей души благодарю Вас за поддержку. Поскольку у меня есть ваша поддержка, мы можем сделать наш город ещё прекраснее**) (из анк.).

Средства усиления в неофициальных стилях русского языка употребляются чаще, чем в китайском, о чём свидетельствуют данные наших анкет. В ответах русских информантов, как показывает анализ анкет, интенсификаторы употребляются в среднем в два раза чаще, чем в ответах китайских респондентов.

Следует обратить внимание на то, что в определённых ситуациях, предполагающих, с точки зрения носителей многих других культур, выражение благодарности, китайцы могут вообще не благодарить или использовать очень краткие этикетные реплики (только в общении знакомых лиц). Использование этикетных реплик в сфере обслуживания (в общении с официантами, кассирами) не типично для современного китайца. Причины заключаются в следующем. В китайской культуре внимание к другому считается настолько естественным для членов группы, связанных близкими отношениями, особенно родственников, что тут не принято благодарить, иначе коммуниканты будут воспринимать говорящего как чужого. Можно сказать, что в Китае благодарить близкого за каждую услугу – значит создавать дистанцию между собой и другими, демонстрировать им специфичное поведение. В ресторанах и магазинах не благодарят «по обязанности», формально (обслуживающий персонал должен выполнять свою работу, в этой сфере благодарность считается избыточной). Однако, если китайские коммуниканты оказываются в ситуации, когда, по их стандартам, благодарность является необходимой, они бывают более многословными, чем русские, поэтому благодарность может состоять из нескольких развернутых реплик, о чём см. далее.

3.2. В русском языке нередко используется стратегия **одобрений** действий адресата, выражающаяся при помощи комплиментов и похвал. Хотя комплимент является косвенной благодарностью, это второе дополнительное речевое средство, своего рода повтор. Иногда комплимент может быть основным и первым актом, выражающим подчеркнутое внимание к собеседнику. В любой коммуникации благодарность с комплиментами или положительными оценками соответствует стратегии сближения. Комплимент сокращает дистанцию между партнёрами по коммуникации.

Приведём примеры.

Полицейскому удалось наконец поднять девушку на ноги. – Спасибо, господин поли-

цейский, вы очень внимательны! Если бы не вы... (В. Доценко. Тридцатого уничтожить!).

[Ответ на желанное для говорящего предложение]:

Ну что же, вы очень любезны, благодарю вас, я охотно принимаю ваше предложение (А. Кошко. Очерки уголовного мира царской России).

[В ответе собеседнику, сообщившему о готовности к сотрудничеству]:

– Благодарю вас, сэр, – сказал он, слегка шепелявя, – вы так добры (Б. Лавренёв. Крушение республики Итль).

[Ответ получательницы заказанных цветов]:

Спасибо огромное! Вы несёте людям радость и поднимаете настроение! / Огромное спасибо, всё сделано просто замечательно!

[Реакция получателя подарка]:

Спасибо! Какая прелесть! / Какая красота! Просто прелесть! (из анк.).

В китайской коммуникации такая стратегия встречается реже. Об этом свидетельствует тот факт, что подобную стратегию используют 26,9% русских информантов и только 5% китайских. Она характерна лишь для общения очень близких людей (хороших друзей, мужа и жены, родителей и детей). Приведём несколько примеров.

[Ваш друг починил вам машину / велосипед]:

Ni ke zhen li hai. / Ni zhen shi ge neng shou. / Ni zhen shi niu ren a.

(Ты молодец! / Ты настоящий мастер. / Ты просто супер) (из анк.).

[Ваш муж / жена подарил(-а) вам в день рождения подарок]:

Ni zhen hao (Ты очень добр) (из анк.).

[Ваш друг подарил вам картину]: *O, tai piao liang le! Zhen shi tai bang le!* (Ой, какая красивая! Просто чудо!) (из анк.).

[Мать угощает сына]: *Haо xiang a, ta ta, nin de yu yi tai bang le* (Очень вкусно, мама, у Вас просто золотые руки) (из анк.).

3.3. Для благодарности характерна также стратегия **одобрения действий собеседника**, подчеркнутого внимания к нему, его

интересам и желаниям. В обеих коммуникациях говорящие стремятся в речевом выражении преувеличить свою потенциальную выгоду и показать: то, что адресат сделал, для них очень важно. Это средство также сокращает дистанцию между собеседниками.

В русском языке возможны вслед за благодарностью реплики следующего типа:

Что бы я без Вас делала! Вот выручили! Вы меня просто спасли!

Если китайские коммуниканты оказываются в ситуации, когда благодарность необходима, они, кроме благодарности, употребляют реплики, в которых описывается выгода, полученная говорящим:

Zuo tian duo kui le ni wo ji shi gan shang le huo che (Вчера благодаря тебе я вовремя попала на поезд).

Yao shi ni bu la zhe wo, wo ke neng jiu cong qiao shang diao dao he li le (Если бы ты не схватил меня за руку, я бы упала с моста в реку).

Xing hao you ni. Duo kui le ni zuo tian zhao kan hai zi. Yao bu ran, wo dou bu zhi dao gai zen me ban le (Рад, что есть ты, рад [букв.: благодаря] тому, что ты вчера приглядывала за детьми, я справилась. Иначе я бы не знала, что делать).

Внимание к собеседнику, демонстрация способности к сопереживанию проявляется в виде пожеланий добра адресату.

В русской коммуникации: **Спасибо! Удачи Вам! Дай бог тебе здоровья, милый человек! Здоровья тебе / Вам!**

На праздновании дня рождения русская хозяйка благодарит гостей:

Спасибо, мои дорогие друзья! Сколько добрых и тёплых слов, искренних и красивых пожеланий я получила! Сердечное спасибо и всего наилучшего!

В китайской коммуникации также выражается забота о партнёре, что создаёт атмосферу близости. Можно привести следующие примеры.

[Родитель ученика – учителю]:

Nin shou lei le, wo nv er gei nin tian le bu shao ma fan. Gan xie nin dui ta de guan zhao

(Вы устали, потому что из-за моей дочери у вас было много хлопот. Благодарю Вас за заботу о ней).

[Муж – жене]:

Zhe dun wan fan zhen hao chi. Ni xin ku le, shou lei le. Zhe 15 nina lai ni wei wo he hai zi zuo le 14000 dun fan. Wo fei chang gao xing neng qi ni wei qi (Этот ужин был очень вкусный. Ты устала, тяжело трудилась. За эти 15 лет ты приготовила еду мне и детям 14000 раз. Я очень рад, что ты моя жена).

[Гости благодарят хозяев]:

Wo men rang nin shou lei le. Nin xin ku le, hao hao xiu xi xiu xi ba (Мы заставили Вас потратить много сил. Вы устали, Вам надо отдохнуть).

3.4. В речевом жанре благодарности могут использоваться **обращения**, которые указывают на принадлежность коммуникантов к одной группе лиц, то есть на их близость. В современном русском общении близких людей показателями близости являются обращения по имени (**Аня, Саша**), в том числе обращения с разного рода уменьшительно-ласкательными суффиксами – такие, как **Анечка, Шурочка, Сашенька** и др. под. В роли обращений к близким у русских используются слова **дружочек, дорогой, дорогуша** и другие оценочные слова.

У китайцев существуют так называемые детские имена, которые употребляются старшими в семейном общении с младшими, а также в семейном общении лиц одной возрастной группы. В общественных местах при чужих лицах детские имена не используются. За пределами семейного общения даже родственники обращаются друг к другу иначе, чем в семейном кругу. Старшие называют младших, прибавляя к фамилии слово **xiao** ‘младший’: **xiao** + фамилия. Подчёркнем, что это ласковое, неофициальное обращение. В публичном общении молодых людей ласковым является обращение с повтором имени (или последнего имени) или добавлением слова **xiao** ‘младший’ перед именем. Как обращения младших к старшим, не имеющим с ними родственных связей, используются

сочетания “фамилия + **ge** ‘старший брат’”, “фамилия + **jie** ‘старшая сестра’”. В молодёжной среде распространены обращения, построенные по модели: «имена + **ge** ‘старший брат’», «имена + **jie** ‘старшая сестра’».

Все эти языковые средства – свидетельства высокой значимости в Китае чёткой групповой организации общества как большой семьи.

4.1. Стратегии дистанцирования или, как минимум, сохранения дистанции при выражении благодарности в русской коммуникации используются редко. По нашим наблюдениям, одна из стратегий дистанцирования – использование **извинения** – возможна в случае отказа от предложения и услуги: в связи с неизбежностью нанесения урона лицу адресата. **Извинение** маскирует утрату, которую понесёт партнёр по коммуникации. Например, в ответ на приглашение в кино возможны реплики: **Спасибо, с тобой я бы с удовольствием, но извини, я уже видел этот фильм.** Подобные благодарности в сочетании с извинением являются косвенными средствами «смягчения» ситуации. Приведём другие примеры.

[В ответ на приглашение на день рождения]:

Спасибо, но извини, не смогу быть у тебя в этот день.

[В ответ на один из вопросов интервьюера]:

Спасибо за вопрос, но ответить на него не могу, извините.

В китайском языке достаточно широко используется, вслед за выражением благодарности, извинение как показатель дистанцирования, однако оно обычно мотивируется необходимостью подчеркнуть трудность совершённого адресатом доброго действия. При этом извинение сопровождается описанием его повода. Приведу примеры.

[Вы отпрашиваетесь с работы домой, начальник разрешает. Вы благодарите его]:

Fei chang gan xie. Bu hao yi si, wo gei ni tian ta fan le (Спасибо большое. Извини, что я причинил тебе неприятности).

[Гость благодарит хозяйку]:

Xie xie nin. Bu hao yi si, rang nin fei xin le (Благодарю Вас. Простите, что я создаю вам столько хлопот).

[Руководитель сообщает своему подчинённому о получении разрешения на выезд для обучения за границей]:

Tai gan xie nin le. Bu hao yi si, wo gei nin mei shao tian ta fan a (Очень благодарен Вам. Простите, что я источник многих Ваших неприятностей).

В данных ситуациях говорящий исходит из того, что его действие было покушением на независимость адресата или просто чем-то нежелательным. Чтобы сохранить лицо, он должен принести извинение партнёру. Данная стратегия в конечном счёте нацелена на то, чтобы сохранить дистанцию.

4.2. В роли показателей уважительного отношения к старшим или высшим (отношения, предполагающего наличие заданной дистанции) в рассматриваемом речевом жанре¹ в официальном стиле сопоставляемых языков возможны **обращения**, выражаемые так называемыми полными именами или сочетаниями, в состав которых могут входить, кроме полного имени, отчество (такие обращения используются в русском языке), или несколькими именами в сочетании с обозначениями социального или профессионального статуса соответствующего лица (такой тип обращения характерен для китайского языка).

Специалисты, изучающие актуальные процессы современного русского языка, отмечают, что в последнее время резко сократилось употребление имён-отчеств [4, с. 228]. Имена с отчествами теперь не употребляются в тех сферах русского общения, которые связаны с международными контактами, например в бизнесе. Это влияние проявляется даже в сфере политической жизни (наряду с частичным сохранением в этой сфере прежнего этикета).

Для китайского языка, напротив, по-прежнему характерно следование традиционным нормам употребления указанных единиц.

¹Как и в ряде других, например извинений, просьб, поздравлений и т. п.

4.3. В китайской коммуникации достаточно регулярно используется стратегия **упрёка** адресату, который должен удостовериться в том, что партнёр чувствует свою вину перед адресатом, одарившим его чем-либо, и соблюдает необходимую дистанцию.

Так, у китайцев принято при получении подарка делать вежливый упрек дарителю или говорить о чувстве стыда, которое у получателя дара возникает в данной ситуации.

Типичны следующие высказывания:

Ni kan ni mai zhe xie gan shen me? Zhen jiao ni po fei le, yi hou ke bie mai dong xi le (Ну что ты, зачем надо было так тратиться? Больше [букв.: В будущем] не надо).

Ni hua zhe me xie qian. Ni gei wo mai li wu zhen shi rang ni po fei le (Ты так много потратил. Я тебя разорил на подарки).

Zhen shi bu hao yi si, rang ni po fei le (Очень неловко, что я ввёл тебя в расходы).

Подобная стратегия в русской коммуникации также возможна, однако, по нашим наблюдениям, используется редко.

Подводя итоги, отметим следующие различия русских и китайских стратегий выражения благодарности:

1) русские в целом благодарят чаще, чем китайцы; китайцы не считают обязательными благодарности для членов групп, связанных родственными отношениями, а также в сфере бытового обслуживания. Однако в других сферах благодарственные реплики китайцев могут быть длиннее русских, они чаще, чем русские благодарности, сопровождаются косвенными благодарностями;

2) и для русских, и для китайцев характерно использование интенсификаторов. Различие связано не с количеством интенсификаторов, а с частотой их употребления (в русском языке они используются чаще);

3) в официальных ситуациях благодарности обычно состоят из нескольких реплик. Русские нередко вслед за благодарностью или вместо неё используют комплименты, для китайской коммуникации использование комплиментов менее характерно;

4) в китайском коммуникативном поведении распространено использование извинения и своего рода порицания вслед за благодарностью – оно свидетельствует о том, что говорящий учитывает интересы партнёра и выражает ему уважение;

5) и в русской, и в китайской коммуникации при выражении благодарности используется стратегия обращения по имени. Современные русские обращения характеризуются тенденцией к изменению, при этом понижается уровень формальности в общении, тогда как отличительной особенностью китайских обращений по-прежнему остаётся сохранение традиционных норм употребления.

Предлагая в качестве заслуживающего внимания опыт описания коммуникативных стратегий, используемых в речевом жанре благодарности носителями двух языков – русского и китайского, мы исходим из того, что «новая реальность» данного типа [3, с. 372] может быть предметом изучения и освоения в процессе преподавания соответствующих языков. Нам представляется, что в основу методики обучения речевым стратегиям, которыми пользуются носители языков и которыми должны владеть лица, изучающие соответствующие языки, могут быть положены модели речевых жанров с их различными постоянными и переменными признаками и типичными коммуникативными стратегиями.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: www.ruscorpora.ru

Электронный корпус текстов центра китайского языка при Пекинском университете [Электронный ресурс]. – URL: <http://ccl.pku.edu.cn/corpus.asp>

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – 543 с.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 217-237.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2012. – 304 с.
4. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2012. – 250 с.

5. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М., 2009. – 508 с.
6. Ли Сюеянь. Межкультурная коммуникация: благодарность и извинение в русском и китайском речевом поведении и языковых картинах мира. – М., 2006. – 238 с.
7. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88-97.
8. Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (eds). Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies. Norwood; NJ: Ablex, 1989. – 300 p.
9. Brown P., Levinson S.D. Universals in language usage: politeness phenomena // E. Goody (ed.). Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. N. Y., 1978. – P. 56-289.
10. Brown P., Levinson S.D. Politeness: Some Universals in language Usage. Cambridge, 1987. – 114 p.
11. Ji S.J. “Face” and polite verbal behaviors in Chinese culture // Journal of Pragmatics 32 (7). 2000. – P. 1059-1062.
12. Mao Lu Ming R. Beyond politeness theory: ‘Face’ revisited and renewed // Journal of Pragmatics 21. 1994. – P. 451-486.

ЛИТЕРАТУРА

УДК 82.091

Панова О.Ю.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

К ИСТОРИИ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ: ЖАНР ПРИЗНАНИЙ ПРЕСТУПНИКОВ В 18 ВЕКЕ И СКЛАДЫВАНИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА

О. Panova

Lomonosov Moscow State University

ON THE BEGINNINGS OF THE AFRICAN AMERICAN LITERARY TRADITION: CRIMINAL CONFESSIONS OF THE 18th CENTURY AND THE MAKING OF BLACK AMERICAN AUTOBIOGRAPHY

Аннотация. История американской негритянской словесности начинается с автобиографических повествований – травелогов, повествований о пленении, духовных автобиографий, признаний преступников. Предсмертные признания, записывавшиеся со слов рассказчика белым стенографом-редактором, сложились как жанр в XVIII в. и логически дополняли духовные автобиографии. Вершиной жанра стали признания Ната Тёрнера (1831), составившие основу романа У. Стайрона «Признания Ната Тёрнера» (1967) и через него заметно повлиявшие на современную афроамериканскую прозу.

Ключевые слова: афроамериканская литература, автобиографические повествования, признания преступников, духовная автобиография, жанр, Нат Тёрнер, У. Стайрон.

Abstract. Black American literary history begins with the autobiographical narratives - travel narratives, stories about captivity, spiritual autobiographies, criminal confessions. Dying criminal confessions written down by white amanuenses, became a subgenre in the 18th century being a part of the spiritual autobiographies. The confessions of Nat Turner (1831) became the best known example of the genre and the source of inspiration for W. Styron's masterpiece *The Confessions of Nat Turner* (1967) which influenced significantly contemporary African American prose.

Keywords: African American literature, autobiographical narrative, criminal confessions, spiritual autobiographies, genre, Nat Turner, William Styron.

История американской негритянской словесности начинается в конце колониального периода с автобиографических повествований. До 1980-х гг. к первым памятникам негритянской словесности США обращались в основном не литературоведы, а историки, специалисты по африканско-американским связям, работорговле и аболиционизму и американским автобиографиям XVII–XVIII вв. [4; 6; 8]. Со второй половины 1990-х с расцветом современ-

ной афроамериканистики, первые опыты негритянской словесности XVIII в. начали привлекать пристальное внимание литературоведов [5]. В негритянской прозе XVIII–XIX вв. представлены распространённые как в метрополии, так и в колониях виды автобиографического жанра: светская и духовная автобиография (*spiritual autobiography*), травелог, повествования об индейском пленении (*captivity narrative*), признания преступников (*criminal confessions*).

Признания преступников и духовные автобиографии [1, с. 119–123] соотносятся как позитив и негатив одного и того же снимка. Признания также носят назидательный характер (хотя здесь присутствует больший элемент сенсационности), представляя собой «жития великих грешников». Признания записывались со слов осуждённых на смерть преступников и подвергались литературной обработке. К исходу XVIII в. складывается жанровый канон признаний. Вначале рассказчик сообщает краткие сведения о себе: о своём рождении, семье, хозяевах, воспитании, о первых проступках и начале порочного пути. Обычно эта часть встречается в двух вариантах. В первом случае повествуется о добрых заботливых хозяевах, верующей добродетельной семье; преступник отмечает, что с детства находился в благоприятных условиях, но при этом не пожелал воспользоваться этими преимуществами и избрал порочную жизнь. Именно так начинаются признания «Жизнь, последние слова и предсмертная речь чернокожего Стивена Смита...» (1797) [14] и «Очерки жизни негра Джозефа Маунтина...» (1790) [16]. Стивен Смит сообщает, что его отец был верующим и всегда давал сыну добрые советы, а Джозеф Маунтин подчёркивает, что хозяин, заметив его способности и живой ум, воспитывал его в пресвитерианской вере, учил чтению и письму; однако оба они отвергают все благодеяния и становятся на преступный путь. Таким образом, вся моральная ответственность ложится здесь на самого рассказчика, который, обладая свободой выбора, предпочитает зло добру.

Во втором варианте упоминается о жестокости хозяев, которая подтолкнула рассказчика к выбору преступного пути. В «Предсмертном признании негра Помпа...» (1795) рассказчик сообщает, что хозяин часто сёк его, не разрешал посещать воскресные службы, заставлял трудиться по воскресеньям [10]. Негр Артур («Жизнь и предсмертная речь негра Артура...», 1768) [13] вначале говорит о доброте своих хозяев, но потом заявляет, что он стал на путь преступлений из-за того, что его невзлюбила хозяйка, и ему пришлось бежать из дома.

Далее следует рассказ о пороках и первых преступлениях. Это стандартный набор: воровство, дерзость и непослушание (своеволие), блуд, пьянство, игра. Здесь используются готовые формулы, например: «Моя жизнь стала ужасна: пьянство, воровство, игра» [12, с. 5] или «Я связался со скверными женщинами, которые во многом содействовали моему позорному концу. Я не чтил воскресный день, не посещал богослужений. Такова была моя порочная жизнь» [14].

Кражи в повествованиях преступников-негров всегда оказываются первым шагом по пути порока. Это отличительная особенность негритянской разновидности жанра, так как воровство у хозяев было распространённым явлением в условиях рабства. Эдмунд Фортис признаётся, что начал красть с раннего детства, и мать поощряла его; он упорствовал в своих наклонностях, хотя неоднократно получал порку от хозяина за воровство. Вслед за воровством идёт своеволие: раб тем или иным способом покидает хозяев, что всегда оказывается пагубным решением. Негр Артур с разрешения хозяина, отчаявшегося перевоспитать его, уезжает в Англию, где связывается с шайкой грабителей. Но чаще рабы совершают побег. Эдмунд Фортис бежит от своего хозяина и устраивается работать у другого фермера, где продолжает воровать и блудить; негр Помп, не выдержав жестокого обращения, также становится беглым: «Я убежал, но по прошествии трёх недель я был возвращён хозяину,

который снял с меня одежду, связал мне руки и безжалостно высек меня» [10]. Рассказ Стивена Смита о побеге достаточно подробен и предвосхищает «повествования беглых рабов» – жанр, получивший огромную популярность в 1820-50-е гг., перед гражданской войной. Стивен Смит, сбежав от хозяина, меняет себе фамилию (хозяйскую «Аллен» на «Смит»), чтобы легче было скрываться; затем следует рассказ о его долгом пути по лесу, об облавах и опасностях (охотники на негров стреляли по нему и ранили в ногу), о том, как он ориентировался и отыскивал дорогу, как прятался, как едва не умер от голода, как крал в ближайших домах одежду и еду.

Примечательно, что бегство от хозяев в повествованиях беглых рабов и в «признаниях» получает противоположную оценку. В «признаниях», в соответствии с задачами морально-назидательного жанра, это оценивается как греховное своеволие, непослушание. Разнится и понимание рабства. Если в повествованиях беглых рабов и всей аболиционистской литературе XIX в. источником всех зол считается рабство, то в признаниях корень зла находится в человеческой душе и предпочтении человеком зла и порока. Рабство отнюдь не идеализируется в признаниях и часто играет немалую роль в том, что чёрный раб встаёт на преступный путь. Однако для христианского моралиста рабство, как и свобода, бедность, как и богатство, являются данностью, в контексте которой возможен разный и свободный выбор, поскольку внутреннюю духовную свободу сохраняет и внешне несвободный раб. Из рабов выходят как преступники, описанные в жанре признаний, так и праведники, оставившие духовные автобиографии. Зло в признаниях понимается исключительно в моральном аспекте, как греховность, порочность, внешним выражением чего становится преступление.

Наряду с зачином наиболее формульной частью признаний является заключение. Завершая своё повествование, преступник признаёт себя великим грешником, выража-

ет благодарность всем, кто пытался направить его на истинный путь: благодетелям, хозяевам, священникам – всем, молившимся о нём. Он испрашивает у всех прощения и прощает всех, чтобы умереть с миром; затем, он просит молиться о спасении его души, говорит об уповании на милосердие Божие и выражает надежду на то, что его страшный пример послужит предостережением и назиданием. Вполне каноническим является, например, заключение признаний Стивена Смита:

«Такова была моя порочная жизнь. Я прошу прощения у всех, кому причинил вред. Великий грешник, я всё же надеюсь, что Бог простит меня ради Иисуса Христа: на Него возлагаю надежду на своё спасение <...> Сам я прощаю всех и, умирая, уповаю на милосердие Божие. 28 лет от роду я предаю дух свой в руки милосердного и справедливого Бога... Я умираю в мире со всеми людьми и надеюсь, что мой страшный конец послужит предостережением для всех» [14].

Наибольшим индивидуальным своеобразием отличается средняя часть повествования, содержащая рассказ о событиях жизни автора, о преступлении, за которое его осудили на смертную казнь (кульминация признания), суде и тюремном заключении. Здесь наблюдается значительное стилевое разнообразие; именно по этой части можно составить представление о личности рассказчика. Например, признания негра Помпа, записанные судьёй Джонатаном Пламмером, передают бедную, порой полубессвязную и маловразумительную речь неграмотного и к тому же нервноболезного рассказчика. Рассказ образованного и самоуверенного Джозефа Маунтина, не без остроумия и блеска повествующего о дерзких ограблениях разных людей (от бедного квакера до знатного лорда) в Америке и разных странах Европы, свидетельствует о его немалом самомнении, о том, что преступник явно гордился своими «подвигами», был склонен к рисовке. Его признания тяготеют к авантюристскому жанру и напоминают ряд новелл – не случайно запи-

савший его признания судья Дэвид Даггетт озаглавил их «Очерки» или «зарисовки» из жизни негра Джозефа Маунтина. Самолюбование, склонность к позёрству и похвальбе заметны и в признаниях негра Артура. Книжные обороты и принятые формулы сочетаются в этих двух повествованиях с живой разговорной речью и арго.

Жаргонные словечки и обороты (нередко они в тексте выделяются подчёркиванием или кавычками) придают особый колорит повествованиям преступников. Рассказ о главном преступлении обычно призван внушить читателю ужас, трепет; грабёж, убийство и/или изнасилование, за которое повествователь осуждён на смертную казнь, описывается с применением готовых формул, как «варварское», «чудовищное» деяние, исполненное «беспримерной жестокости» и проч.; обычно добавляется, что это преступление переполнило чашу терпения и истощило Божие милосердие. Порой преступление объясняется прямым воздействием дьявола, как в признании негра Артура: «Дьявол внушил мне мысль отправиться к Деборе Меткаф, над которой я надругался самым бесчеловечным образом» [13].

Общение с силами света и тьмы, как и описание душевного состояния преступника, часто занимает в «признаниях» немалое место. Эдмунд Фортис подробно описывает свои чувства после содеянного – страх, подавленность, непреодолимая тяга вернуться на место преступления. В тюрьме он тщетно пытается молиться, переживает ужас богооставленности; его посещают видения, он слышит ангельские и бесовские голоса:

«Я думал, что Господь оставил меня, что для меня, который так виноват, нет прощения. Потом, кажется, я впал в забытё, и дыхание было взято от меня, и когда я пришёл в себя, казалось, что моя душа отлетела, и возле меня был дьявол, который сказал: «Если бы ты убил жену, я бы забрал тебя». Я ответил: «Нет!». Потом я услышал голос, говоривший «Господь милостив». Я попытался молиться, но от этого мне стало не

лучше, а ещё хуже... Утром в воскресенье у меня появилось желание молиться. Сердце моё немного смягчилось, появилась надежда. Я услышал голос, сказавший: «Истинно, истинно, дам ему новое сердце», – и мне показалось, что кто-то трудится внутри меня, очищая и просветляя моё сердце. Я подумал, что теперь я могу направить сердечное воздыхание к Господу, и я увидел небесный свет, белее снега, и в этом свете, казалось, великое множество поющих ангелов, в их пении тонули мои стоны и молитвы; и я закричал: «Господи!» – и взглянул наверх, и заметил в углу темницы что-то красное, словно огонь, и подумал, что это диавол... Я почувствовал облегчение; но всё же сомневался, может ли Господь и в самом деле помиловать меня, и я хотел снова увидеть свет» [12, с. 8-10].

«Метафизическая составляющая» признаний лишний раз свидетельствует об их тесной взаимосвязи с духовными автобиографиями. Если во втором случае перипетии судьбы рассказчика ведут от гибели к спасению, то в первом – наоборот. Таким образом, перед нами возникают две версии единого метафизического сюжета о борьбе добра и зла в человеческой душе. Может быть, наиболее явно это демонстрирует признание негра Помпа. Болезнь Помпа, который был подвержен судорожным «припадкам» (видимо, эпилептическим) является доказательством его открытости внушениям как ангельских, так бесовских сил. Он убивает своего хозяина Фэрбуша топором, послушавшись соблазняющего голоса, нащёптывающего: «Вот подходящий момент! Убей его сейчас! Сейчас – или никогда!» [10]. Пламмер подчёркивает религиозность Помпа, который постоянно молится, чтит заповеди. Сидя в тюрьме, он считает, что стал священником – не хуже тех, что навещают его в заключении: «Когда я только попал сюда, я был чёрен, как любой негр, но сейчас во мне едва ли осталась даже капля негритянской крови. Моя кровь стала кровью священника, и я почти такой же белый, как мулат» [10]. Примечательно, что чернота символически связывается Помпом

с греховностью, и духовное очищение приобретает такой же буквальный смысл, как «отбеливание кожи». Полубесвязный рассказ психически неуравновешенного Помпа тем не менее воспроизводит сложившиеся в культуре расовые стереотипы.

«Признания», как и духовные автобиографии, доживают в негритянской литературе США до эры аболиционизма. Ярчайшим образчиком жанра в 1830-е г. стали «Признания Ната Тёрнера» (1831) [7] – наиболее известный образец жанра, который составил основу знаменитого романа У.Стайрона «Признания Ната Тёрнера» (1967) [17]. Этот роман, вызвавший бурную реакцию черных радикалов-шестидесятников, а также дискуссию об исторической достоверности [18; 11; 9], привлёк внимание к признаниям Ната Тёрнера новой генерации афроамериканских писателей и спровоцировал взрыв интереса к невольничьим повествованиям. Если до 1967 г. были написаны всего два негритянских романа на эту тему – «Чёрный гром» Арны Бонтана (1936) и «Юбилей» Маргарет Уокер (1966), то после романа Стайрона их появилось множество, включая произведения Дж. Оливера Килленса, Эрнста Гейнса, Чарльза Джонсона, Тони Моррисон, Ишмаэля Рида, Ширли Энн Джонсон, Барбары Чейз-Рибу – феномен, привлёкший внимание и отечественной американистики [2; 3]. «Хотя эти романы не являются прямым ответом Стайрону, но они стали возможны благодаря тому набору интеллектуальных и социальных условий, который сложился в результате полемики вокруг стайроновского романа», – отмечает А. Рушди [15, с. 66]. Возрождение в афроамериканской литературе полузабытого жанра, возникшего на заре культурной истории американских негров, – свидетельство непрерывности и преемственности литературной традиции и достигнутых во второй половине XX в. зрелости и высокой степени саморефлексии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Панова О.Ю. «Я восславил Господа»: Джон Маррант и Первое религиозное пробуждение в Америке. Джон Маррант. Повествование о чудесах, содеянных Господом с Джоном Маррантом, чернокожим. Пер. с англ., примеч. О.Ю.Пановой // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. – Серия III «Филология». – 2012. – № 2. – С. 119-134.
2. Стулов Ю.В. «Невольничье повествование» и современный афроамериканский исторический роман // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 4 (24). – С. 151-160.
3. Стулов Ю.В. Эволюция «невольничьего повествования» в творчестве Чарльза Джонсона // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика» – 2010. – Вып. 1. – С. 56-61.
4. Africa Remembered: Narratives of West Africans from the Era of Slave Trade. Ed. by Curtin, Philip D. Madison. – Madison, WI; Milwaukee, MT: University of Madison-Wisconsin Press, 1968. – 363 p.
5. Andrews Williams L. To Tell a Free Story: The First Century of Afro-American Autobiography, 1760-1865. – Urbana; Chicago, IL: University of Illinois Press, 1986. – 353 p.
6. Barton, Rebecca Charmers. Witnesses for Freedom: Negro American Autobiography. – N.Y.; London: Harper Press, 1948. – 62 p.
7. The Confessions of Nat Turner, the Leader of the Late Insurrection in South Hampton, Va. as fully and voluntarily made to Thomas R. Gray in the prison where he was confined. Baltimore: Published By Thomas R. Gray, 1831 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/turner/turner.html> (дата обращения: 15.10.2013).
8. Davis, David B. The Problem of Slavery in the Age of Revolution, 1770-1823. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1975. – 576 p.
9. An Exchange on “Nat Turner”. Anna Mary Wells, Vincent Harding, and Mike Thelwell in Response to Eugene D. Genovese The Nat Turner Case // New York Review of Books. – 1968. – 7 Nov.
10. Dying Confession of Pomp, A Negro Man, who was Executed at Ipswich, on the 6th August, 1795, for Murdering Capt. Charles Furbush, of Andover, Taken from the Mouth of the Prisoner, Penned by Jonathan Plummer [Электронный ресурс]. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/pomp/pomp.html> (дата обращения 15.10.2013).
11. Genovese, Eugene D. The Nat Turner Case // The New York Review of Books. – 1968. – 12 Sept.
12. The Last Words and Dying Speech of Edmund Fortis, A Negro Man, Who appeared to be between thirty and forty years of age, but very ignorant. He was executed at Dresden, on Kennebeck River, on Thursday the twenty-fifth day of September, 1794,

- for a Rape and Murder, committed on the body of Pamela Tilton, a young girl of about fourteen years of age, daughter of Mr. Tilton of Vassalborough, in the County of Lincoln [Электронный ресурс]. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/fortis/fortis.html> (дата обращения: 14.10.2013).
13. The Life, and Dying Speech of Arthur, a Negro Man Who Was Executed at Worcester, October 20, 1768 for a Rape Committed on the Body of One Deborah Metcalfe [Электронный ресурс]. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/arthur/arthur.html> (дата обращения: 12.10.2013)
14. Life, Last Words and Dying Speech of Stephen Smith, A Black Man, who was Executed at Boston this Day being Thursday, October 12, 1797 for Burglary [Электронный ресурс]. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/smithste/smithste.html> (дата обращения: 12.10.2013).
15. Rushdi, Ashraf H.A. Reading Black, White and Grey in 1968// Criticism and the Color Line: Desegregating American Literary Studies. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1996. – P. 63-94.
16. Sketches of the Life of Joseph Mountain, a Negro, Who was Executed at New-Haven on the 20th Day of October, 1790, For a Rape, Committed on the 26th Day of May Last [Электронный ресурс]. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/mountain/mountain.html> (дата обращения: 12.10.2013).
17. Styron, William. The Confessions of Nat Turner. – N.Y.: Random House, 1967. – 428 p.
18. William Styron's Nat Turner: Ten Black Writers Respond. Ed. by John H. Clarke. – Boston: Beacon Press, 1968. – 130 p.

УДК 82.0:801.6; 82-1/-9

Черная Т.К.

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

**ПОЭТИКА КАВКАЗСКОГО МИФА В СТИХОТВРЕНИИ
«ДАРЫ ТЕРЕКА» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

T. Chernaya

North-Caucasian Federal University (Stavropol)

**POETICS OF CAUCASIAN MYTH IN POEM OF M. LERMONTOV
“THE GIFTS OF TEREK”**

Аннотация. В статье анализируется поэтическая система стихотворения «Дары Терека», раскрывающая погружение авторского эстетического сознания в архаику древнего мифа и создающая авторский вариант кавказского миротворения, где гармония стихий, идеальный природный покой окупается конфликтами и жертвами людей. Исследование обращено к эстетическим компонентам художественной системы: форме лирического высказывания, персонажам, способам авторского вхождения в текст, сюжетостроению, лиро-эпическому хронотопу, звукообразу, композиции, жанровым и родовым признакам. Подчёркнуто телеологическое художественное единство всех компонентов произведения. Статья обращает внимание не столько на использование Лермонтовым кавказского и казачьего фольклора, как это обычно делается вслед за Н.М. Мендельсоном и Б.М. Эйхенбаумом, сколько на цельность мифологического контекста «Даров Терека» как характерную черту индивидуального авторского мышления в целом.

Ключевые слова: художественная система, мифологическое сознание, кавказский миф, форма лирического высказывания, образная система, сюжет, хронотоп, звукопись, композиция.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the poetic system of poem “The gifts of Terek”, that reveals the author’s aesthetical consciousness that sinks into antiquity of ancient myth and creates the author’s version of the Caucasian universe, where the ideal natural harmony is redeemed by conflicts and victims of people. A study is directed to the aesthetical components of the artistic system: to the form of lyric statement, to characters, to the methods of author’s entry into the text, to the structure of the story, to the lyrical and epic chronotop, to sound image, composition, to genre and generic characteristics. The teleological artistic unity of all components of poem is emphasized. The article does not focus as much on the Lermontov’s use of Caucasian and Cossack folklore, as it is usually done following N. Mendelson and B. Eykhenbaum, but studies the integrity of the mythological context of “The gifts of Terek” as the characteristic feature of individual author’s thinking as a whole.

Keywords: artistic system, mythological consciousness, Caucasian myth, the form of lyric statement, descriptive system, subject, the chronotop, sound image, composition.

Лирическое произведение может восприниматься как минимум на двух уровнях. Первый – восприятие интуитивное, эмоциональное. На этом уровне возникают самые разные суждения «по поводу», размышления, интерпретации, порой блистательные и чрезвычайно интересные. И мы совершенно искренне думаем, что поняли произведение, хотя на самом деле понимаем переживание, т. е. субъективный элемент. Второй тип восприятия, непригодный, очевидно, для творчества, но абсолютно необходимый для его понимания – то, о

чем Сальери у Пушкина сказал: «Поверил я алгеброй гармонию». Беда Сальери, однако, не в том, что он «музыку... разъял, как труп», а в том, что, совершая этот аналитический процесс, он умертвил искусство, поставил акцент на слове «труп». Разглядев части, не увидел целого. Усвоив механизм творчества, не добрался до тайны единства, живоносного корня, великой идеи искусства. С нашей точки зрения, постоянное и планомерное погружение в каждую структурную единицу поэтического произведения – единственно правильный и аргументированный путь понимания его смысла и эстетики, путь герменевтического исследования.

В представляемой работе мы рассматриваем с предложенных позиций стихотворение М.Ю. Лермонтова «Дары Терека».

Системные компоненты произведения, которые приняты в качестве опорных в данной работе, – образная, в том числе персонажная, система произведения, звукообраз, композиция и сюжетостроение, способы и приёмы авторского вхождения в текст произведения и выражения авторской позиции, хронотоп, конфликт, диалог как образно-речевое формирование, динамика жанровой системы, родовые литературные признаки (лирика, эпос, драма). Разумеется, это не все системные компоненты произведения, но для одной статьи они достаточны. Соотношение этих компонентов подчиняется внутренней логике произведения в целом, т. е. художественной философии [Подробнее об этом [20, с. 49 - 68].

«Дары Терека» отличаются прежде всего формой лирического высказывания. Она определяется погружённостью автора в иное, по сравнению с авторским, сознание, в иное мышление – то, которое возникло в архаические времена. Лермонтов как автор полностью растворён в том мифологическом мироздании, которое он воспринимает из источников кавказского фольклора и которое сам создаёт на этом фоне. Лермонтов в «Дарах Терека» онтологичен язычески. Ряд: облака – река – море, означающий постоян-

ное взаимодействие природных сил, – олицетворяется и одухотворяется, как положено в мифе. Авторский художественный мир выстроен по всем правилам мифотворчества: субъект рассказа отсутствует, время и место действия не имеют границ, речевая картина мира принадлежит только персонажу. Географические названия не маркируют пространство, а являются лишь именами, определяющими суть сюжетного действия. В основе лирического переживания лежит мифологический сюжет, придающий стихотворению эпические качества. Итак, форма лирического высказывания – сюжетно-мифологическая, развивающаяся в традиционном фольклорном мироощущении. Эстетически это осуществляется с помощью фольклорного приёма психологического параллелизма.

Стихотворение Лермонтова соткано из кавказских легенд, образная система его экзотически колоритна, её «топос» чрезвычайно локален: Терек, Дарьял, Каспий, гребенское казачество. Здесь укоренены лирические персонажи стихотворения, Терек и Каспий. Образная система создается в результате авторской рефлексии на мир. При этом уровни рефлексии чрезвычайно разнообразны, как и сам процесс художественного мирозидания. Включаются возможности, заданные способностями, в том числе и диалоговыми, человеческого мышления и переживания: конкретное, индивидуальное, частное восприятие, активизирующее запасы *antropos'a*; общее, созданное опытом окружающей среды, ходом истории, национальными особенностями, социальными, культурными факторами, т. е. социумом, что объективно и неизбежно присуще всякой личности; наконец, инстинктивная древняя память, включившая в себя все исторические формы эмоционального и рационального бытия человеческого рода в целом (создаётся архетип). Это то, о чём в XIX в. говорили «бесцельно с целью». Вопрос заключается в том, как, каким способом погрузиться в текст, чтобы понять его как произведение.

Мифологический сюжет стихотворения выстраивается как диалог двух олицетворённых стихий, внутри которого существуют ещё три сюжета, усиливающие друг друга, адресующие в конкретный мир людей, в эпизод-фрагмент с символическим наполнением, подчёркивающим абсурдность человеческой жизни. Так создаётся обширная область мирового пространства, раскинувшаяся ввысь, в глубину и вширь, захватившая сферы неба, бездонные сферы морских глубин и расширяющиеся сферы человеческого существования. Эта бескрайность пространства подтверждается образами концептуального характера: Терек родился у Казбека, «вскормлен грудью облаков», он гуляет «на просторе», «меж утёсистых громад», разбегается по степи, а свой лучший жертвенный дар хранит «от всей вселенной». Характеристике этого пространства служат также мощные чувства персонажей, способные разыгрываться лишь в безграничной сфере космоса. Терек «дик и злобен», плач его подобен буре – тем яснее становится его коварное притворство ради конечной цели «отдохнуть», когда он приветливо ласкается или «журчит». Море Каспий встаёт «во блеске власти», «могучий, как гроза», а его «ропот любви», полный веселья, соединившись с сущностью властителя, по силе и грандиозности переживания вполне уравнивает дику и лукавую враждебность Терека. Строение поэтического мира стихотворения ориентировано на категории безграничной абсолютности. Терек (элемент персонажной системы), не имеет ни начала, ни конца в пространстве: начало в подвижных небесах, конец же определяется в волнах моря, т. е. в подвижных глубинах. Терек злобен, лукав, враждебен человеку. Но это истинно лермонтовский демонический дух, потому что он плачет громадными слезами потока, его состояние трагично, и стремится он к отдыху, к приюту, к слиянию с миром, что не свойственно европейским сатанинским типам. Терек в диалоге с Каспием создаёт бесконечный мировой хронотоп. И в каждой части стихотворения есть аллюзии

этого хронотопа. Мёртвый кабардинец носит на своих налокотниках «из Корана стих священный», т. е. обращён к высотам религии, а следовательно, к высшим, надчеловеческим категориям жизни. Погибшая молодая казачка – такой дорогой подарок, что его уравновесить может только «вся вселенная» («его от всей вселенной я хранил до сей поры»). Но на протяжении всего стихотворения крайние хронотопические точки полярны, изолированы друг от друга и являются не знаком единства мира, а знаком его разъятости, противоречивости, которая рождает «буйство», «злобу», слёзы». До последних строк, где ситуация меняется.

Художественное время этой баллады-легенды в жанровом отношении идентично: с одной стороны, уже было, произошло, как в древнем эпосе, а с другой – содержит в себе прочный потенциал повторяемости, постоянства, вечного настоящего. Завершение-каданс обладает статусом свершившегося события мирового масштаба, события согласования, объединения стихийных природных сил, способных своей мощью подавить и подчинить себе все человеческие дела и трагедии.

Эмоции, вызванные этим балладно-мифологическим повествованием, соответственно создаются крупные, размашистые, захватывающие своей таинственностью и одновременно мистическим ужасом. Хотя, конечно, это не мистика монотеистической религиозности с её идеями гибели или спасения души, а мистика языческого мифа, с его укрупнённым планом беспощадного фантастического чувства.

Местонахождение автора по отношению к созданному в стихотворении миру определяется тем, что у Бахтина называется «по касательной». Автор находится вне этого мира, но он его создаёт – признак эпики, что характерно для Лермонтова. Архетип такого мышления обнаруживает свои корни ещё в эпохе синкретизма, в период формирования мифологического сознания. В эпоху авторского индивидуального творчества работает

эстетическая память мифа, способствующая созданию идеи постоянства, бесконечности и вечности хронотопа, идее цельности и связи миров. Как отмечено в работе Л.А. Ходанен, «фантастика лермонтовских баллад приобретает черты космологические, мироустроительные» [18, с. 99].

Циклический хронотоп созданного Лермонтовым мифа включён поэтом в систему призматического преломления. Волевым действием реки введено в ритуальное действие пожертвования, преподнесения даров, что приводит к восстановлению вечного, вневременного единства. Но внутри этого сюжета содержатся ещё три, постепенно усиливающие эмоциональную напряженность и содержательность картины мира.

Первый сюжет – разорение Дарьяльского ущелья. Валуны – игровые камни, они – первый ритуальный дар мировому единству. Это дар, который можно определить как этнический, бытовой. Поэтому ритуальный дар ещё не жертва. Языческий бог его не принимает. Второй сюжет – религиозная вражда. Преподнося этот дар, Терек ещё ласкается, но уже приветливости нет. Напряжённость этой части усилена ровно на четыре строчки эмоционального «разбега» Терека. Теперь его обращение к морю содержит, вместо первых двенадцати, шестнадцать строк стиха. Мифологический уровень лишь намечен в сюжете служения богу, самоотдачи в этом служении, но до жертвенности этот сюжет не доводит – нельзя быть жертвой в сознательной войне. Каспий отвергает этот дар. Новый разбег Терека – ещё четыре строчки. И ровно на столько больше длится речь, заклинание – часть усиливающегося ритуального действия, сопровождающее новый дар, – двадцать строк. Итак, третий сюжет – дар любви. Истинная любовь самоотверженна и беззаветна. Но благодаря этим качествам она и приводит к гибели. Так устроен мир людей, царица которого Тамара в другом стихотворении Лермонтова реализует сущность человеческих отношений в любви, ритуально завершая любовный акт смертью-казнью. Любовный

сюжет в «Дарах Терека» не развернут. В толкованиях говорится о «затемнённости», недосказанности стихотворения в этой его части. Как и в предыдущих сюжетах, задействован конкретно-этнический, даже в определённой степени конкретно-исторический хронотоп: гребенской казачина, злой чеченец, станица. Тем не менее смысл события – общечеловеческий. Не имеет существенного значения, как и по какой причине произошло убийство казачки. Главное, что любовь увенчана смертью, и очевидно, не последней. Любовь в этом стихотворении – причина раздоров, ведущих к смерти, и за это следует наказание, у людского мира отбирается погибшее тело, либо любовь здесь возводится в высшую ценность, ради которой не жаль самой жизни. Но не жизнь является мерилем любви, а смерть – и в этом трагизм мировой ситуации, несправедливость мирового устройства и нарушение мировой гармонии.

Сюжеты нартского эпоса, так же, как смысл и сюжетология кавказских народных песен и преданий преобразованы Лермонтовым под воздействием новой авторской мифологической концепции [19, с. 314 - 315].

Природа и человек в ритуальном действии здесь поменялись местами. В фольклорной фантастике девушка-утопленница превращается в русалку, вживаясь в природную водную стихию, породняясь с ней в чувстве общей гармонии. После этого она получает способность выходить в человеческий мир, чтобы в нём действовать таинственными чарами. Но в «Дарах...» утопленница остаётся мёртвой, ей отводится другая миротворческая функция. Этот образ приобретает черты иконной святости – «грустен лик её» (не «лицо»), что определённым образом связано с мотивом жертвы, отражённо внося в концепцию мифа и ритуального действия содержательные позиции новой культурной эпохи. Труп казачки стал ритуальным даром высшему природному существу – морю, имеющему и в традициях мифологии, и в творчестве Лермонтова право суда и приговора. Море в поэзии Лермонтова – мощная

корректирующая сила, способная восстановить гармонию справедливости, хотя это случается порой в трагическом для людей исходном варианте [19, с. 67-69]. В «Дарах Терека» автор отдал морю свой хронотоп, недаром Белинский относил это стихотворение к числу «объективных» у Лермонтова [2, т. 4, с. 534-535]. Происходит торжество природы, стихии над человеческой жизнью, полной вражды. Любовь, погубившая казачку в мире людей (превратила жизнь в смерть), оживляет сонное море, пробуждает его мятежную красоту, т. е. действует жизнотворчески. Две мощные стихии: вода, направленная в сильном волевом действии (Терек), и вода бездонная, символ глубинной бесконечности, – соединяются. Полярные точки мирового хронотопа оказались теперь крайними позициями общего мира, свидетельством возможности его объединения после многих (тремякратно воплощённых) потрясений. Ритуальный характер общения Терека с Каспием перевёл одноразовое действие в область бесконечного хронотопа, т. е. сблизил объективно изображённый мир с авторской философской позицией.

Особого рассмотрения заслуживает звукопись стихотворения. На неё обращал внимание ещё Белинский, позже В. Соловьев, И. Анненский, Эйхенбаум и др. В «Дарах...» звукопись чётко соответствует общему композиционному принципу. Её усиление, музыкальная мощь нарастает, способствуя разрастанию эмоционального образа, а вместе с ним расширению художественного пространства. Звуковой образ Терека обозначен уже вначале: «**Буре** плач его подобен, слёзы брызгами летят» (плач – слёзы – **буря** – **брызги**), в нём и скрытая угроза, и усталость, заставляющая лукавить и ласкаться, вопреки натуре: «**Приветливо ласкаясь...** – журчит» – «р» сохраняется, но подавляется певучими «ве», «л», «а», а также семантикой слов. Такая противоречивость сохраняется на протяжении всего стихотворения, завершаясь всё же нотой твёрдости, потому что Терек, видимо, уверен, что Каспий не устоит

против последнего «дара бесценного»: «**Замолчал поток сердитый**» – звуковая логика образа сохранена. Лермонтов не только сохраняет звуковую линию Терека, но и прорисовывает психологическую динамику: воет, злобен, плачет, лукавый, ласкается, журчит, волнуется, сердится. На фоне эпизодов, описывающих происхождение «даров», характер Терека предстаёт действительно угрожающе опасным. Уравновесить его может только другой, более могучий. Таким является в стихотворении Каспий. Долгое молчание моря на протяжении всего стихотворения набирает силу и в лексике, и в звукописи: «Склонясь на **мягкий** берег, **Каспий стихнул**, будто **спит**» – звук «с», знаковый для имени «Каспий», обрисовывает сон моря: «**склонясь** – Каспий» – «**стихнул**» – «**спит**». Но дальше «дремлет и молчит» – меняется звуковой набор, как будто Каспий уже проснулся, но ещё не хочет реагировать (заметим, что ведущие звуки «м», «л» были и раньше, но как будто прятались за другими, «сонными»). Терек всё понимает, предлагая свой последний дар. В конце стихотворения Каспий уже не Каспий, а «старик во **блеске власти**» – по звуковой музыкальной насыщенности строчка совершенно гениальная. Постоянно перекликаются «ст» – «ск» – «ст»; сочетание «р-л» озвучивает образ глубоким рокотом волн, и дальше «в-в», «бл-вл», «а-а» усиливает торжественную музыку открытых объятий водной стихии, продолженную всеми последними строчками. Последние четверостишия разворачивают перезвоны и эхо звуко сочетаний, подчёркивающих власть и грозную силу Каспия-судьи, гораздо более серьёзную, чем власть гуляки Терека.

И старик во **блеске власти**

Встал, могучий, как **гроза**,

И оделись **влагой страсти**

Тёмно-**синие глаза**.

Он **взыграл**, **веселья** полный —

И в объятия свои

Набегающие **волны**

Принял с **ропотом любви** [9, с. 460].

Новая окраска звукового рисунка создается введением протяжённо звучащего «и»: «старик – тёмно-**синие**» – «**свои**» – «**принял**» – «**любви**», спокойного и примиряющего, но не оставляющего своего фона из прежних звуков («а», «р», «б», «в», «л», «т», «ст», «сп» и др.). Это кодовый, т. е. заключительный, звук стихотворения. И насколько мощно развернуто звучание «ла», «ал», «ла-а», «а» (заметим ещё, что это созвучие «Дарьяла»), с которым в современных научных психологических экспериментах связано значение силы, могучести, подвижности, активности, храбрости, достоинства, как звук объединяющего колокола, – настолько же наступательно и победно реализуется звук имени Каспий «и», психологически ассоциирующийся с синевой, тишиной, глубиной, радостью, весельем [см., например, 8, с. 105 - 106 и далее]. Может быть, именно Лермонтов является уникальным классическим образцом для изучения таких поэтических образований, в которых, по современной терминологии, предложенной Г.В. Векшиным [4], традиционная эксифония многократно перебита и усложнена психологической семантикой метафонии.

Как древний эпический персонаж, лермонтовский поэтический образ во всём соответствует своему имени. Поэтическая архетипия стихотворения осуществляется не только в значении стихии воды, но и в звукообразе как выражении интуиции, гениального «сверхсознания» поэта, проникнувшего в генетическую память звукового изображения, свойственного ритуальному действию. И картина авторского мифологического миротворения в её подвижности замечательно подтверждается фонетической мотивированностью изобразительных средств. Подсознательный творческий характер процесса создания такого стиха едва ли не сильнее действует на воспринимающее сознание, чем само мифологически-фантастическое повествование, вызывая прежде всего психологическую рефлексю, которая одновременно побуждает и к размышлению.

Общий композиционный принцип сти-

хотворения подчиняется драматическому закону диалога, который выстраивается как речевое давление Терека и молчаливое суждение Каспия. Терек – аналог демонического героя, участника гибельных, катастрофических событий, характерных для людского сообщества: разорение, вражда, катастрофа в любви. Море, Каспий тоже сильная личность, но его сила не в удалом разгуле и не в покорении людей. Это мощная сила творящей стихии, оценивающей значимость той цены, которую надо заплатить за единение. Любовь, разрушившая жизни в людском мире, переходит в мир этой могучей стихии, оказывается для неё необходимой, создаёт атмосферу веселья: «Он взыграл, веселья полный...» [10, 460. Все текстовые цитаты приводятся по 10]. Трагедия – цена веселья, цена мирового единства, катарсис творения. Любовь и казачка переходят границы миров и там обретают покой. Каспий свидетельствует о преобразении законов бытия, восстановлении порядка.

Композиционная ритмика лермонтовского стиха точно воспроизводит волнообразное движение водяной стихии. Форма стиха указывает на развитие конфликта, специфику всего художественного мира с его встречным стремлением стихий, превращающимся в нравственную силу. Дальше начинаются стансы, ритмика которых своим постоянством говорит о закреплённости последней позиции в содержании всей концепции стиха. При этом общая гармония стихотворения отличается удивительной соразмерностью. В «Дарах Терека» Лермонтов воплощает свой кавказский миф космического упорядочения мира, преломлённый сквозь кавказские легенды, песни и сказания. [Об использовании кавказского фольклора Лермонтовым см., напр., 1, 12, 15, 16, 20]. Произошло восстановление природной гармонии, море приняло воды реки. В пересечении стихий обретается покой (поиски «паруса»). Сюжетное двоемирие ликвидировано, хотя на персонажном уровне оно сохраняется. Стихия – знак одного мира. Человек, его власть,

его вражда, его любовь, кабардинец, казачка – знак другого мира. Мифологический сюжет миротворения прошел по кругам своего разрушения: игровое действие, религиозное действие, война, разлагающее, безнравственное действие – гибель любви. Каждый этап даёт свой результат, требующий жертвования. Но только последняя жертва, включив, разумеется, в ритуал все предшествующие дары, имеет возрождающую силу. Новый миф творения обогащается опытом прежнего. «Мифическое прошлое, – как пишет Е.М. Мелетинский, – не только источник первообразов, но и магических и духовных сил, которые продолжают поддерживать установленный порядок в природе и обществе с помощью ритуалов, инсценирующих события мифической эпохи и включающих рецитацию мифов творения» [13, с. 173-174].

В то же время совершенно справедливо «Дары Терека» воспринимаются и читателем, и в лермонтоведческой науке как «поэтическая апофеоза Кавказа» [4, т. IV, с. 535].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андроников И.Л. Поэтическая апофеоза Кавказа // Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 4. – М.: Худ. лит., 1977. – 607 с.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в XIII т. – М.: АН СССР, 1953 – 1956.
3. Боров Ю.Б. Художественное общение и его язык. Теоретико-коммуникативные и семиотические проблемы художественной культуры // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественная коммуникация и семиотика / под ред. Ю.Б. Борева. – М.: Наука, 1986. – С. 5-44.
4. Векшин Г.В. Фоностилистика текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования: дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 507 с.
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.
6. Гаспаров М.Л. Избранные труды. – Т. II: О стихах. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 504 с.
7. Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л., 1974. – 171 с.
8. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974. 159 с.;
9. Журавлёв А. П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
10. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 томах / под ред. Б.В. Томашевского, Б. П. Горюхи, Б.М. Эйхенбаума. – М.; Л.: АН СССР, 1958 – 1959.
11. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Ю. М. Лотман. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста / Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство, 1996. – 848 с.
12. Матвеев О.В. Лермонтов и казачество // Родная Кубань. – 2001. – №3. – С. 25-33.
13. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
14. Мелетинский Е.М. Трансформация архетипов в русской классической литературе... // Литературные архетипы и универсалии / Сб. науч. трудов под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: РГГУ, 2001. – 433 с.
15. Мендельсон Н.М.. Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. – М.; Пг.: Изд. т-ва "В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых", 1914. – С. 165-195;
16. Семёнов Л.П. Лермонтов на Кавказе. – Пятигорск, 1939. – С. 79-80;
17. Семёнов Л.П. Лермонтов и Л. Толстой. – М., 1914. – 425 с.
18. Ходанен Л.А. Миф в художественном мире Лермонтова. – Кемерово: Изд. Кемеровского ун-та, 2008. – 104 с.
19. Чёрная Т.К. Он двух стихий жилец угрюмый» (о духовном пространстве лермонтовского лирического героя) // М.Ю. Лермонтов. Проблемы изучения и преподавания: Межвузовский сборник научных трудов. – Ставрополь, 1996. – С. 54-74.
20. Чёрная Т.К. Русская литература XIX века (часть первая). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. – Ставрополь: СГУ, 2004. – 623 с.
21. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – 372 с.

Публикации аспирантов

УДК 821.161.1

Горемыкина М.В.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

О МИРОВОЗЗРЕНИИ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА РАННЕГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА

M. Goremykina

S. Yesenin Ryazan State University

ON THE OUTLOOK OF WILHELM KUCHELBECKER IN HIS EARLY WORKS

Аннотация. В статье рассмотрены мировоззренческие позиции В.К. Кюхельбекера раннего периода творчества (1815–1825 гг.). Анализируется процесс становления его философских взглядов. Выявляется увлечение идеями Просвещения и их последующая реализация в его литературном наследии. Отдельное внимание уделено духовной составляющей как основе его мировосприятия. Обнаруживается преемственность относительно идей Г.Р. Державина, критическое отношение к морали европейского Просвещения. Исследуется своеобразие мировоззренческой позиции автора и особенности её реализации в литературном творчестве. Проанализированы произведения различных жанров, особое внимание уделено утопии «Европейские письма».

Ключевые слова: поэзия и проза В.К. Кюхельбекера, ранний период творчества, просветительские идеи, гражданственность, духовные ценности.

Abstract. The article covers the peculiarities of Kuchelbecker's worldview in his early works (1815–1825). We analyze the formation of his philosophical views, and the interest in the ideas of the Enlightenment and its later implementation in his literary legacy. Special attention is paid to the spiritual side of Kuechelbeker's outlook. We notice continuity of G. Derzhavin's ideas, critical position towards European Enlightenment morality. We study the peculiarity of the author's ideological position and specific features of its implementation in his literary work, analyze pieces of literature of various genres, special attention is paid to utopia "European letters".

Keywords: poetry and prose by W. Kuchelbecker, early literary works, the ideas of the Enlightenment, civil consciousness, spiritual values.

В.К. Кюхельбекер – яркий представитель литературной эпохи первой половины XIX в. Несмотря на то что после событий 14 декабря 1825 г. он вовсе не появлялся в печати, его творческое наследие довольно велико и охватывает три десятилетия – с 1815 по 1846 год. Это лирические, прозаические, драматические произведения, а также переводы, дневники и критические статьи. Ранний период творчества определяется первыми десятью годами его литературной деятельности вплоть до событий на Сенатской площади, а именно с 1815 по 1825

годы. Такой периодизации придерживаются исследователи творчества Кюхельбекера как прежних лет, так и современные, Ю.Н. Тынянов, Н.В. Королёва, В.Д. Рак и другие.

Несмотря на то что некоторые аспекты творчества В.К. Кюхельбекера изучены достаточно основательно, исследований, посвящённых именно раннему периоду его творчества, мало. Наиболее фундаментальными являются работы Ю.Н. Тынянова, написанные в 1830-х гг. В статьях «Пушкин и Кюхельбекер» (1934) и «Французские отношения Кюхельбекера» (1939) подробно рассматриваются условия его творческого становления. В исследовании Н.В. Королёвой и В.Д. Рака «Личность и литературная позиция Кюхельбекера» (1979) речь идёт о всей жизни писателя и его трудах. Творчество Кюхельбекера как декабриста рассматривали А.В. Архипова (Литературное дело декабристов, 1987), В.Г. Базанов (Поэты-декабристы, 1950), Л.Г. Фризман (Поэзия декабристов, 1974), В.Н. Касаткина (Поэзия гражданского подвига, 1987).

Между тем в современной науке о литературе отмечается повышенное внимание к личности автора. Т.А. Алпатова справедливо замечает: чтобы лучше понять автора и его произведения, необходимо «воспринять его как целое, вступить с ним в живой творческий диалог» [1, с. 43].

Целью настоящего исследования является прояснение мировоззренческой позиции В.К. Кюхельбекера раннего периода творчества в отношении к просветительской идеологии и морали, к традиционной христианской духовности.

Становление мировоззрения Кюхельбекера происходило уже во время обучения в Царскосельском лицее. Тогда начинают формироваться его политические, а также литературные взгляды. Прогрессивные взгляды преподавателей способствовали созданию атмосферы доброжелательности и свободомыслия, в которой формировалась индивидуальность каждого ученика, его самостоятельное философское и критическое мышление.

Мать Кюхельбекера, Юстина Яковлевна, регулярно отправляла сыну книги в лицей. Это были и произведения древних греческих и современных авторов, идиллии С. Геснера, труды Ф. Шиллера, О. Голдсмита, Ф.Г. Клопштока, Ж.Б.Л. Грессе, а также журнал «Амфион». В письмах матери выражалась забота о будущем сына. Она внушала мысли о достойном служении отечеству и не поощряла занятия поэзией. Г.А. Глинка, муж старшей сестры Кюхельбекера Юстины Карловны, посвящает своего родственника в сочинения И.И. Дмитриева, Ф.Р. Вейсса и Ж.Ж. Руссо. Все эти книги оказали несомненное влияние на мировоззрение будущего поэта, но особое место занимают сочинения Вейсса и Руссо, которые, по словам Тынянова, стали для него в лицее «настолярными книгами» [6, с. 247]. Именно под их влиянием Кюхельбекер составлял свой «Словарь» (1815–1817), в котором определялись его философские, моральные, политические, а также литературные позиции.

Содержание статей словаря убеждает в том, что Кюхельбекеру-лицейцу были близки идеалы европейского Просвещения. В тексте представлены цитаты и выписки из трудов Руссо, Вейсса, Шиллера, Ричардсона, Стерна, Ж. де Сталь, Лессинга, Мармонтеля, а также из произведений древних авторов: Лонгина, Сенеки, Саади, Заратусты. Из своих соотечественников Кюхельбекер цитирует Ф.Н. Глинку, К.Н. Батюшкова, В.Л. Пушкина и П.И. Шаликова. Отдельное внимание, как заметил Ю.Н. Тынянов, было уделено публикациям журналов «Сын Отечества» 1815, 1816 годов, «Conservateur impartial» 1815 года, «Северная почта» 1815 года.

Одна из статей «Словаря» прямо определяет обязанности гражданина-писателя. В ней цитируется Ф. Вейсс: «Если имеешь несчастье жить под худым правлением и если у тебя довольно сведений, чтобы видеть все злоупотребления, тебе позволено, хотя и с малой надеждой успеха, стараться уведомить тех, чьи сан и влияние могут поправить зло. Но будь великодушен, не распространяй сих

печальных истин между простым народом» [6, с. 249]. Как видим, для Кюхельбекера привлекательна идея служения поэта добру и своему народу. Так, лицеист Кюхельбекер осмысляет общественную позицию автора. Выделяя необходимость противостоять злу и проявлять социальную активность, он предупреждает об опасности возбуждения недовольства властями в народной среде.

По окончании Лицея в 1817 г. В.К. Кюхельбекер ведёт активную просветительскую и литературную деятельность. В 1820—1821 гг. Кюхельбекер провел несколько месяцев за границей, посетил Германию, Францию и Италию, познакомился с выдающимися людьми Запада, а также пытался привлечь их внимание к новой русской литературе. В Париже в 1821 г. он читал лекции в антимонархическом обществе «Атеней» о русском языке и литературе. Идеи Просвещения звучат там довольно откровенно, он причисляет себя к людям, которые «предпочитают свободу – рабству, просвещение – мраку невежества, законы и гарантии – произволу и анархии» [5, с. 374]. Власти обратили внимание на эти выступления, и А.Л. Нарышкин, у которого Кюхельбекер служил секретарём, отказался от его услуг.

После неполных двух лет, проведённых на Кавказе и у сестры в Смоленской губернии, летом 1823 г. Кюхельбекер вернулся в Москву, где вместе с В.Ф. Одоевским принимал участие в издании альманаха «Мнемозина» при активной поддержке П.А. Вяземского и А.С. Грибоедова. В 1825 г. он отправился в Петербург. За несколько дней до событий на Сенатской площади он был принят в «Северное общество» К.Ф. Рылевым, а 14 декабря 1825 г. стал участником восстания декабристов.

Литературное творчество раннего периода В.К. Кюхельбекера буквально пропитано идеями свободы, равенства, братства, гуманизма, а также идеей о просвещённом монархе. Активна его гражданственная позиция, чему в немалой степени способствовало увлечение идеями декабризма, а сам автор

находился на волне чрезвычайного творческого подъёма.

В связи с рассматриваемой темой несомненный интерес вызывает трагедия «Аргивяне» (1823), которая была написана на античный сюжет. В основе сюжета трагедии лежит противостояние двух братьев – республиканца Тимолеона и деспота Тимофана. Последний захватил власть в Коринфе. Тимолеон выступает на стороне оппозиции и участвует в убийстве своего брата, хоть и опосредованно. Основная тема трагедии – освобождение страны от тирании и обретение народом свободы. Тиранин не может найти народной поддержки, так как истинные патриоты яростно его ненавидят. Таким образом, сюжет трагедии ориентирован на идею справедливой и законной власти.

Примечательно, что в сознании Кюхельбекера с идеями французского Просвещения (хотя немецкие авторы, безусловно, были более близки ему) совмещается вера в Бога. Анализируя мировоззрение русских декабристов, А.В. Щеглов замечает, что они «жили в эпоху, общим представлением которой было представление о Боге, божественном Промысле как о движущей силе исторического процесса» [8, с. 26]. Бог – это высшая сила, а поэт – проводник, посредник между людьми и этой силой. Именно воля Бога является причиной тех или иных явлений, которые происходят с обществом или с отдельной личностью, и этой позиции придерживался Кюхельбекер.

Кюхельбекер разделял взгляды Г.Р. Державина относительно просвещения истинного и ложного. Т.В. Федосеева пишет: «Подлинное счастье человека поэт [Державин. – М.Г.] ставит в прямую зависимость от единственно неизменного Божественного знания» [7, с. 236], – так представляется истинное просвещение. О европейском, «людском» просвещении говорится: «...ориентированное на личность, оно привело к тому, что в погоне за “счастьем” забыты не только национальные традиции, но и здравый смысл» [7, с. 234].

Противопоставление истинного и ложного просвещения обнаруживается в «Европейских письмах» В.К. Кюхельбекера, написанных в 1820 г. Это «воображаемое» путешествие американца по одичавшей Европе будущего, а именно XXVI в. Процветавшая шесть веков назад Европа представляет жалкое зрелище – таких городов, как Париж и Лондон, больше не существует на земле, Рим стоит в развалинах.

Произведение состоит из двенадцати писем, которые главный герой адресует своему товарищу. Из уст вымышленного рассказчика звучит голос самого Кюхельбекера. Например, акцентируется внимание на том, что всё происходившее в Европе в средние века было ужасным, более того, инквизиция, пытки, гонения на людей мыслящих кажутся ему неправдоподобными. Сам он живёт в прекрасное время в прекрасной Америке, «когда политика и нравственность одно и то же, когда правительства и народы общими силами стремятся к одной цели» [3, с.107]. Именно Америка у Кюхельбекера олицетворяет будущую Россию, она весьма молода и только развивается, в сравнении с ней «Европа обветшала» [6, с. 298].

Не случайно идеальный человек, обнаруженный рассказчиком в Европе, именно русский человек. Кюхельбекер верил в глубину основанного на христианской добродетели нравственного чувства русского человека. В XI письме автор знакомит путешественника с русским человеком будущего – Добровым, он старшина колонии в Калабрии. Самое большое впечатление на американца произвело отношение этого господина к слугам. Обращается с ними он очень ласково, старается заставить их забыть, что они «пожертвовали частью личной свободы для насущного хлеба» [3, с. 118]. Он не делает слугам подарков, но это вовсе не из-за его жадности и скупости, а потому, что подарки являются причиной зависти и неудовольствия. Этот замечательный человек поощряет слуг приветливым словом и даже шуткою, что заставляет их забыть о неравенстве хотя бы на миг.

Как правитель народа, Добров абсолютно уверен, что главное достоинство человека – его патриотизм и гражданские чувства. Он представляет собой идеал российского дворянина, истинного человека. Путешественник, имея в виду свою благополучную родину, замечает: «В нашем счастливом отечестве много людей, похожих на Доброва» [3, с. 120]. Из его слов следует, что в XIX в. личность, подобная такому прекрасному человеку, считалась настоящей утопией. В это время даже отличнейшие и превосходнейшие умы имели лишь смутное представление об истинном достоинстве человека, – так считает герой, наверное, и сам автор.

Изображенная в «Европейских письмах» заново начинает своё развитие. Цель этого развития – торжество просвещения и абсолютное совершенство, ведь, как указывает Кюхельбекер, «усовершенствование – цель человечества» [3, с. 113]. По мысли Кюхельбекера, просвещение в России истинное, оно основано на христианских ценностях и морали, а в Европе – ложное, оно стоит на атеизме и отказе от Бога. Именно в этом и состоит причина краха, который потерпела европейская цивилизация.

Наиболее ярко идеал поэта раннего периода творчества выражен в ряде лирических произведениях Кюхельбекера: «Поэты» (1820), «Прощание» (1820), «Греческая песнь» (1821), «Участь поэтов» (1823), «Вяземскому» (1823), «К Богу» (1824), «Смерть Байрона» (1824), «На смерть Чернова» (1825). В этих стихотворениях подчёркнута Божественная власть, которую сознает поэт.

В стихотворении «Пророчество» (1822) он пишет:

А я – и в ссылке, и в темнице
Глагол Господень возведу:
О Боже, я в твоей деснице!
Я слов Твоих не умолчу! [4, с. 160-161].

В следующем году в стихотворении «Упование на Бога» (1823) поэт утверждает:

Глагол, с небес в меня вложенный,
Как гром, промчится в времена, –
Дивясь, умолкнут племена;

Свой слух преклонят изумлённый
Моря, и дол, и вышина [4, с. 165].

Благодаря Божественной силе поэт способен творить. Вера занимает доминирующее место в мировоззрении автора.

Литературная позиция В.К. Кюхельбекера всегда была чрезвычайно современной. В ранний период в его творчестве отчётливо звучат просветительские идеи об усовершенствовании мира. Однако очевидным для нас является и то, что европейское просвещение он не считал истинным. Все мечты и надежды Кюхельбекера были устремлены в будущее, которое он связывал с духовно зрелым и нравственно совершенным человеком.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. История литературоведения и проблемы изучения личности писателя // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2012. – № 6. – С. 39–44.
2. Королёва Н.В., Рак В.Д. Личность и литературная позиция Кюхельбекера // В.К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л.: Наука, 1979. – С. 571–645.
3. Кюхельбекер В.К. Европейские письма // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / Сост. В. Гуминский. – М.: Молодая гвардия, 1977. – С. 100–122.
4. Кюхельбекер В.К. Избранные произведения в двух томах. Т. 1 – М. – Л.: Советский писатель, 1967. – 666 с.
5. Кюхельбекер В.К. Лекция Кюхельбекера о русской литературе и языке, прочитанная в Париже в июне 1821 года // Литературное наследство, Т. 59. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 366–380.
6. Тынянов Ю.Н. Пушкин и Кюхельбекер // Пушкин и его современники: сб. ст. – М.: Наука, 1969. – С. 233–294.
7. Федосеева Т.В. Развитие сюжета о поисках счастья в творчестве Г.Р. Державина 1780–1790-х годов // Духовный потенциал русской классической литературы: сб. науч. ст. – М.: Русский мир, 2007. – С. 233–244.
8. Щеглов А.В. Роман В.К. Кюхельбекера «Последний Колонна» в контексте литературных традиций: дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 2011. – 229 с.

УДК 82.09

Кирпичникова А.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРЕДКЛАССИЦИЗМ: ДИНАМИКА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

A. Kirpichnikova

Kazan (Volga region) Federal University

PRE-CLASSICISM: DYNAMICS OF INTERPRETATIONS

Аннотация: В статье рассматриваются ведущие концепции отечественных учёных в связи с актуальной исследовательской проблемой генезиса и эволюции предклассицизма. Большое внимание уделяется вопросам о соотношении в русской культуре на рубеже XVII-XVIII вв. барокко и классицизма, о хронологических границах предклассицизма и т. д. Так, необходимое условие возникновения предклассицизма – взаимодействие классицизма и барокко; а идеи, которые развивали русские писатели и поэты на рубеже XVII-XVIII вв., свидетельствуют о переходности литературы данного периода.

Ключевые слова: предклассицизм, барокко, переходность, литературное направление, российское литературоведение.

Abstract. The article deals with different concepts of Russian scientists, who spoke about genesis and evolution of Pre-classicism; and basing on this material author makes conclusions about main features of Pre-classicism. The author focuses on questions of relation between the Baroque and Classicism in the Russian culture in the late 17th – early 18th century, of chronological boundaries of Pre-classicism etc. For example, the main condition for appearance of Pre-classicism is an interaction of the Baroque and Classicism; and ideas, which were developed by Russian writers and poets in the late 17th – early 18th century, attest about transitivity of Russian literature of this period.

Keywords: Pre-classicism, Baroque, transitivity, literary trend, Russian literary criticism.

В последнее время, в том числе и в системе гуманитарных наук, всё больше внимания уделяется проблеме переходности, в свою очередь неразрывно связанной с изучением типологии и динамики разных стадий историко-культурного процесса. Среди учёных, посвятивших свои исследования данному вопросу, Н.А. Хренов и Р. Лахманн. Например, Н.А. Хренов говорит о циклическом развитии русской культуры, и переходные периоды, по его мнению, возникают именно при смене циклов [17, с. 19].

Одной из наиболее значимых переходных эпох в истории русской культуры в новое время по праву считается рубеж XVII-XVIII вв. В этот период черты угасающего барокко переплетаются с особенностями развивающегося классицизма, и многие исследователи говорят об особой художественно-эстетической системе предклассицизма.

Впервые предложил и обосновал использование термина «предклассицизм» в отношении эпохи рубежа XVII-XVIII вв. известный ленинградский литературовед П.Н. Берков в докладе, представленном в 1958 г. на IV Международном съезде славистов: «То, в чём предлагают видеть “русское барокко”, правильнее понимать как переход ... к классицизму XVIII века, вместо неопределённого по своему содержанию термина “барокко” проще назвать это явление “предклассицизмом”» [10, с. 84].

Если говорить о зарубежных исследователях, то они по-разному относятся к терминам «предклассицизм» и «барокко». Так, Р. Стейси, характеризуя русскую литературу рубежа веков, использует термин «pre-classicism», а также отмечает, как и Р. Веллек [21, с. 97], ограниченность термина «барокко» [20, с.18]. Французский же исследователь А. Пейр считает, что термин «предклассицизм» (как и термин «предромантизм») неудачен: создаётся видимость существования некоего движения с едиными взглядами, единой программой, хотя речь идёт об отдельных писателях, не связанных друг с другом, порой являющихся противниками [19, с. 18]. Об интересе зарубежных исследователей к проблеме барокко в России свидетельствует и статья Дж. Кракрафта «Маска культуры: искусство барокко в России и на Украине, 1600–1750» [18].

Среди отечественных исследователей, участвовавших во второй половине XX – начале XXI вв., поэтику и теорию предклассицизма – А.А. Смирнов, Г.Н. Моисеева, В.И. Федоров, О.М. Буранок и другие. При рассмотрении вопроса о предклассицизме учёные, как правило, выделяют следующие проблемы: предклассицизм в системе литературных направлений, хронологические границы предклассицизма, предклассицизм как переходная эпоха и др.

Важно, во-первых, что далеко не все из названных учёных прямо используют в своих работах термин «предклассицизм». И, во-вторых, в связи с самой историко-литературной ситуацией, для исследователей центральной остаётся проблема соотношения / диалога предклассицизма и барокко. Целый ряд важных суждений о специфике литературного процесса, подготавливающего предклассицизм, высказывается при всём этом и теми филологами, кто не считает возможным выделять самостоятельное явление предклассицизма. В последнем случае очень показательны труды авторитетного современного исследователя русского и мирового барокко Л.И. Сазоновой [9].

Г.Н. Моисеева при характеристике периода рубежа XVII-XVIII вв. также не обращается к термину «предклассицизм», однако отмечает взаимодействие на русской почве в указанный период барокко и классицизма: «Если в конце XVII в. барокко имело преобладающее влияние при наличии некоторых черт классицизма в творчестве С. Полоцкого, К. Истомина и др., с 30-х гг. XVIII в. классицизм стал ведущим направлением, определившим стиль эпохи» [7, с. 30]. Итак, Г.Н. Моисеева подчёркивает такую важную особенность предклассицизма, как взаимодействие двух равноправных направлений – барокко и классицизма.

Однако не все исследователи придерживаются точки зрения о равноправии барокко и классицизма. В.И. Федоров, например, отмечает, что барокко в России не получило распространения и, характеризуя литературную ситуацию данного периода, говорит о зарождающемся классицизме (предклассицизме) и барочных тенденциях. «...Само искусство барокко в какой-то мере брало на себя функции Возрождения в тех странах, где по разным причинам Ренессанс не сложился в целостную историко-культурную систему.... Лишённое социальных корней, барокко не могло сложиться в оформленное, а тем более господствующее литературное направление» [16, с. 6-7], – отмечает исследователь.

Поддерживает, углубляет и развивает эту идею и О.М. Буранок: «В литературной культуре Петровской эпохи предклассицизм возник как некая оппозиция барокко, унаследовав от последнего некоторые особенности его поэтики» [2, с. 82]. Как и В.И. Федоров, О.М. Буранок стремится обосновать появление предклассицизма и обращается при этом к пониманию основополагающих терминов «метод», «направление». Для него при определении данных понятий оказываются важными прежде всего те явления, которые оформляют направление и метод, а «отсутствие манифеста, программы или личных связей художников вовсе не означает отрицания некоего эстетического и идейно-

го консенсуса» [2, с. 87], тем более учёный не ставит под сомнение существование самого направления.

По мнению авторов учебника «История русской литературы XVII-XVIII вв.» (авт. А.С. Елеонская, О.В. Орлов, Ю.Н. Сидоров и др.), специфика перехода XVII-XVIII вв. состоит в том, что в начале XVIII в. русская литература была, с одной стороны, очень близка литературе Древней Руси, а с другой – приобрела самобытные черты. Эти черты не привели к образованию целостного литературного направления, а лишь подготовили развитие классицизма: «...Литературные явления, характерные для начала века, можно объединить общим условным названием русский предклассицизм» [4, с. 250].

Стремясь объяснить появление предклассицизма, учёные обращаются и к самой исторической ситуации рубежа XVII-XVIII вв. Так, в учебнике П.А. Орлова «История русской литературы XVIII века», где все литературные явления периода правления Петра I также объединены общим названием «предклассицизм», зарождение классицизма напрямую связано с реформами Петра I. Говоря о литературе первой трети XVIII в., автор отмечает, что с древнерусской литературой её связывают рукописный способ распространения и анонимный характер большинства произведений, силлабическая система стихосложения, некоторые традиционные жанры, но при этом формируются идеологические и художественные явления, подготавливающие русский классицизм, среди которых – государственный пафос многих произведений [8, с. 10].

Если говорить о хронологических границах предклассицизма, то все исследователи называют период с конца XVII и до 30-40-х гг. XVIII в. О.М. Буранок идёт дальше и, систематизируя данную картину по хронологии, выделяет три основных этапа развития предклассицизма. Данное направление, по словам исследователя, возникло под влиянием поэтики барокко в самом начале XVIII столетия, в 10-20-е гг. XVIII в. проявились его

основные черты, а в начале 1730-х гг. предклассицизм стал сливаться с классицизмом.

Характеризуя эпоху предклассицизма в целом, учёные акцентируют внимание на двух моментах. Во-первых, данный период по праву можно назвать переходным. Так, О.М. Буранок отмечает, что предклассицизм появляется в переходную эпоху и это, безусловно, сыграло важную роль в генезисе его поэтики: «Неопределённость, переходность, текучесть и даже аморфность жанров, языка, стилей стали основной характерологической чертой искусства слова Петровской эпохи» [2, с. 82].

Во-вторых, исследователи подчёркивают, что это переход, в том числе, и от древнерусской литературы к новой, а также говорят о сильном влиянии на рубеже XVII-XVIII вв. традиций древнерусской литературы. «В создании нового жанра – героической поэмы <прежде всего – это: «Епигонион» в сборнике «Панегирикос» – А. К.> на историческую тему — Феофан Прокопович исходил из опыта древнерусской литературы...», [6, с. 191] – пишет Г.Н.Моисеева в книге «Ломоносов и древнерусская литература». Более того, классицизм трактуется ею как преемник древнерусской литературы. Патриотический пафос, высокие государственные идеи, прославление государственных деятелей – вот черты, которые, по мнению исследовательницы, роднят литературные памятники эпохи Древней Руси и художественные произведения эпохи классицизма. В свете традиций древнерусской литературы рассматриваются в книге филолога классицистические жанры – трагедия и героическая поэма. Элементы барокко, на её взгляд, ничуть не мешали развитию русского классицизма и даже расширили возможности художественного отражения действительности.

Авторы «Истории русской литературы XVII-XVIII вв.» считают, что литературу начала XVIII в. и литературу Древней Руси роднят рукописный характер, анонимность, традиционность. Среди новых явлений, характерных для предклассицизма, они вы-

деляют интерес к некоторым жанрам, лишь частично использовавшимся в литературном творчестве XVII столетия, например, элегиям; бытовизм; стремление раскрыть внутренний мир людей с позиций диалектики рассудка / долга и чувства / творческой свободы (синкретичное преддверие очень известной в недалеком будущем полемики эмоционально-риторического и рационально-логического русла в русском классицизме). Исследователи отмечают также, что в отношении русской литературы правильно говорить лишь о барочных тенденциях, среди которых тяготение к красноречивости, экзотичность ситуаций и др. [4, с. 250-251].

Одной из ключевых фигур предклассицизма и первым теоретиком классицизма ученые однозначно называют Феофана Прокоповича. Г.Н. Моисеева, рассматривая его трактат «De arte poetica» («Поэтика»), отмечает, что к теории классицизма близка представленная здесь характеристика жанров, родов литературы и их стилистического воплощения; не менее значим с точки зрения классицизма и разработанный в «Поэтике» вопрос о вымысле как способе обобщения действительности. Кроме того, исследовательница акцентирует внимание на двух особенностях трактата: во-первых, Ф. Прокопович поставил вопрос о роли поэзии в общественной жизни, а во-вторых, говорил о поэтическом вымысле как о признаке, который отличает художественное произведение от исторического сочинения.

В качестве наиболее значимой для классицизма рассматривает теорию Ф. Прокоповича о подражании и вымысле и А.А. Смирнов. «В проблеме подражания природе Ф. Прокопович по существу очень близко подходит к классицистическому пониманию поэзии, ее видового своеобразия» [12, с. 11], – подчёркивает исследователь в работе «Литературная теория русского классицизма». Он выделяет следующие положения поэтики Прокоповича, предвещающие теорию классицизма: дидактическая направленность творчества, разумность в наслаждении по-

эзией, понимание decorum'a как «пристойного» изображения характера и поведения того или иного персонажа согласно его положению в общественной иерархии, требование правил и образцов, призыв изображать «общие добродетели и пороки» персонажей.

В.И. Фёдоров переносит внимание на нравственно-философскую сторону вопроса, на то, что Ф. Прокопович требует от поэзии серьезной проблематики, высокой нравственности, причем, по мысли этого писателя, поучать поэзия должна не только рядовых граждан, но и высоких государственных деятелей. Анализируя теорию о вымысле и подражании, учёный пишет, что, обращаясь к этим эстетическим категориям, Феофан «вплотную подходит к пониманию сущности художественного образа как выражения обобщенного, типического через конкретное, индивидуальное» [16, с. 11].

Как отмечает О.М. Буранок, зарождение литературной критики – вообще, одна из основных особенностей предклассицизма, и центральную роль здесь потому и сыграл Ф. Прокопович. Рассматривая «Поэтику» и «Риторику», исследователь останавливается на тех примерах, которые доказывают, что Феофан является типичным представителем предклассицизма. Во-первых, Феофан «с резкой критикой обрушивается на „срамные стихи“» [2, с. 91], во-вторых, видит образцы для подражания прежде всего в античной поэзии и среди тех, кому стоит подражать, называет Вергилия, Горация, Овидия.... Однако избыточность в подражании Ф. Прокопович осуждает. И наконец, Прокопович порицает барочных авторов за напыщенность стиля, театральную манеру произношения проповедей. «Именно „Поэтика“ и „Риторика“ Ф. Прокоповича являются ярчайшим подтверждением и доказательством того, что он не приемлет барокко, особенно в русской литературе» [2, с. 93], – подчеркивает О.М. Буранок.

Таким образом, обращаясь к «Поэтике» и «Риторике» Феофана Прокоповича, Г.Н. Моисеева, А.А. Смирнов, В.И. Федоров,

О.М. Буранок видят в них предпосылки теории классицизма, в частности, характерны для классицистов требование серьёзной проблематики и высокой нравственности поэзии, теория вымысла и подражания и другие. Однако при рассмотрении творческого наследия Ф. Прокоповича ученые приходят к разным выводам.

Г.Н. Моисеева в книге «Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века» показывает, как идея Феофана о поэтическом вымысле нашла отражение в его литературном творчестве. Анализируя трагедокомедию Ф. Прокоповича «Владимир», она убедительно доказывает, что в основу данного произведения легли события, описанные в «Повести временных лет», что Феофан был осведомлён в исторических источниках. Но при этом внимание в пьесе, что важно, акцентируется на так называемых «авторских домислах», один из которых – разговор Владимира со своими сыновьями Борисом и Глебом о принятии христианства.

Более того, Г.Н. Моисеева говорит о трагедии и героической поэме, то есть о жанрах, которые стали активно развиваться именно благодаря творчеству Ф. Прокоповича, как о самых классицистических жанрах, и связывает эти жанры с традициями древнерусской литературы: «Из всех жанров драматургии, получивших развитие в России XVIII столетия после утверждения классицизма, наибольшая связь с древнерусскими памятниками имела место в трагедии. Предпосылки к этому можно видеть в «трагедокомедии» Феофана Прокоповича» [5, с. 126]. Иными словами, согласно концепции исследовательницы, первыми произведениями, написанными с учётом теории классицизма, были произведения Ф. Прокоповича, в частности, трагедокомедия «Владимир» и «Епиникион».

Такой точки зрения придерживаются далеко не все. В.И. Фёдоров, например, в работе «Литературные направления в русской литературе XVIII века» подчёркивает, что трагедокомедия, а именно в этом жанре создано

произведение Ф. Прокоповича «Владимир», является барочным жанровым образованием, поскольку включает элемент чудесного, а «вещи смешные и забавные перемешиваются с серьёзными и печальными и лица низкие — с знаменитыми» [16, с. 19]. Но в то же время учёный отмечает, что в данной трагедокомедии соблюдается единство места и времени, а это характерно для произведений, написанных в духе классицизма.

Относительно же произведения «Епиникион» мнения Г.Н. Моисеевой и В.И. Фёдорова совпадают: исследователи прослеживают его связь с традициями русской литературы XI-XVII вв. и говорят о нём как об одном из первых произведений, написанных в духе героической поэмы. Любопытна и позиция Н.Ю. Алексеевой, прослеживающей прямое соотношение «Епиникиона» с жанром торжественной оды, во многом объединившим предклассицизм с собственно классицизмом и обеспечившим гармоничные переходы от первого ко второму [1].

Что касается О.М. Буранка, то он обращается к трагедокомедии Ф. Прокоповича «Владимир» в контексте литературных жанров периода конца XVII – начала XVIII вв. Как ясно из названия, в жанре трагедокомедии присутствуют признаки как трагедии, так и комедии, и такое сочетание казалось бы диаметрально противоположных жанров тоже весьма типично для эпохи предклассицизма – периода переходной культуры. По словам О.М. Буранка, и «жизнь жанров протекала под знаком эстетики перехода» [2, с. 86]. Примером могут служить также «Епиникион» («песнь победная» – гибрид героической поэмы и оды), панегирические действия (смесь драмы и ораторской прозы) и др. Относительно творчества Феофана О.М. Буранок делает однозначный вывод: «Поэтика предклассицизма характерна и для драматургии, и для ораторской прозы, и для стихотворства Феофана Прокоповича» [2, с. 82].

Если говорить о гибридах жанров, то это явление характерно и для барокко, однако здесь оно было на интуитивной основе, раз-

вивалось, поскольку действовал известный принцип «высокого хаоса» – «всё во всём». В период же предклассицизма оно уже строилось на платформе постепенно набирающего силу лидирующего положения рассудочного начала, и таким образом в общей системе того или иного синкретического жанра уже достаточно чётко определяется его доминирующее ядро.

Безусловно, Феофан Прокопович является наиболее типичным предклассицистом, но, как отмечают учёные, далеко не единственным: смешение барокко и классицизма впервые наблюдается ещё в творчестве Симеона Полоцкого. Такой точки зрения придерживаются Г.Н. Моисеева и А.С. Елеонская. Так, характеризуя ораторскую прозу С. Полоцкого, А.С. Елеонская пишет: «Опирающаяся на античные традиции, вобравшая в себя достижения барокко, она готовила вместе с тем появление новых классицистических тенденций, которые проявлялись в ораторских „словах” Симеона как на содержательном уровне, так и на уровне формы» [3, с. 184]. Среди классицистических черт исследовательница называет провозглашение писателем ценности человеческого разума и используемые автором принципы построения характера.

Кроме того, по словам Л.А. Софроновой, взаимодействие барокко и классицизма характерно и для драматургии конца XVII–середины XVIII века. Так, наряду с трагедокомедией Ф. Прокоповича «Владимир», она упоминает «Милость божью» Ф. Трофимовича. Отмечается также, что школьный театр хоть и остаётся по преимуществу барочным, приобретает классицистические черты [14, с. 59].

Таким образом, необходимым условием возникновения предклассицизма можно назвать взаимодействие классицизма и барокко. Иными словами, предклассицизм – переходная эпоха, причём это не просто переход от одного направления к другому, но и от древнерусской литературы к новой. О переходности свидетельствуют и сами идеи предклассицизма. Так, с одной сторо-

ны, требуется ясность языка, презируется напыщенность стиля, но, с другой, как отмечает В.И. Федоров, в самих художественных произведениях допускается смешение смешного и серьёзного [16, с. 19]. Более того, на рубеже веков авторы обращаются к сюжетам на исторические темы, и в этот же момент в трактатах Ф. Прокоповича появляются представления о вымысле. Именно в эпоху предклассицизма появляются наставления как переосмысляемый приём риторической философии. Ф. Прокопович, например, требует от поэзии серьёзной проблематики, высокой нравственности, но при этом именно в тех же трактатах Феофана говорится об опасности чрезмерного следования образцам. Конечно же, наставления были и в Древней Руси, но именно на рубеже XVII-XVIII вв. они выходят в сферу профессионального нового искусства, да и система этикета существенно отходит от религиозной классики. И наконец, особую ценность в эпоху предклассицизма приобретает разум: здесь и требование разумности в наслаждении поэзией, и ценность человеческого разума, вообще.

В целом, предклассицизм возникает как противопоставление барокко, хотя и наследует некоторые его черты. Система же «барокко – предклассицизм – классицизм» кажется вполне логичной, ведь в этом случае не возникает ощущения колоссального разрыва, как между барокко и классицизмом.

В заключении заметим, что на современном этапе предклассицизм может быть интересен исследователям типологии историко-литературного процесса разных эпох, теоретикам литературы и как своеобразный предтеча такого актуального и неоднозначного явления современной культуры, как постмодернизм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Н.Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII-XVIII веках / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – СПб: Наука, 2005. – 369 с.
2. Буранок О.М. Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи пер-

- вой половины XVIII века: дисс... д. филол.н. – Самара, 2013 – 525 с.
3. Елеонская А.С. “Обед душевный” и “Вечеря душевная” Симеона Полоцкого в историко-литературном процессе // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. – М.: Наука, 1989. – С. 170 – 188.
 4. История русской литературы XVII - XVIII веков / под ред. А.С. Елеонской и др. – М.: Высшая школа, 1969 – 365 с.
 5. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – 261 с.
 6. Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. – Л.: Наука, 1971. – 284 с.
 7. Моисеева Г.Н. М.В. Ломоносов и русская литература // Русская литература. – 1986. – № 4. – С. 25-34.
 8. Орлов П.А. История русской литературы XVIII века: Учеб. для ун-тов. – М.: Высшая школа, 1991. – 320 с.
 9. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее новое время. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 896 с.
 10. Сборник ответов на вопросы по литературоведению [Ред.коллегия: Н.К. Гудзий и др.] – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1958. – 295 с.
 11. Смирнов А.А. К проблеме соотношения русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии: Ф. Прокопович и Ю.Ц. Скалигер // Проблемы теории и истории литературы: сб. статей, посвящённый памяти профессора А.Н. Соколова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. – С. 67-73.
 12. Смирнов А.А. Литературная теория русского классицизма: учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов – М.: Высшая школа, 1981. — 135 с.
 13. Смирнов А.А. Проблемы подражания и вымысла в поэтике русского классицизма // Филологические науки. – 1967. – № 6. – С. 16-28.
 14. Софронова Л.А. Славянский театр на пути от барокко к классицизму. (Польша, Украина, Белоруссия, Россия) // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII вв. – М., 1989. – С. 50-71.
 15. Фёдоров В.И. История русской литературы: XVIII век: Учеб. для студ. вузов - М.: Гуманит. издат. центр “ВЛАДОС”, 2003. — 367с.
 16. Фёдоров В.И. Литературные направления в русской литературе XVIII века: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус.яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1979. – 156 с.
 17. Хренов Н.А. Переходность как следствие колебательных процессов между культурой чувственного и культурой идеационального типа // Переходные процессы в русской художественной культуре – М.: Наука, 2003. – С.19-134.
 18. Cracraft J. The Mask of Culture: Baroque Art in Russia and Ukraine, 1600-1750 // *Ukraine and Russia in their Historical Encounter* – Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies/University of Alberta Press, 1992. - pp. 201-213
 19. Peyre H. Qu'est-ce que c'est le Romantisme? – Paris, 1971. – 307 p.
 20. Stacy R.H. Russian literary criticism: a short story – Syracuse: Syracuse University Press, 1974 – 267 p.
 21. Wellek R. The concept of baroque in literary scholarship // The journal of aesthetics and art criticism. – 1946. – Vol. V, No. 2. – P. 77 – 109.

УДК 821.161.1

Матвеев В.М.

Московский государственный областной университет

**Е. А. САЛИАС-ДЕ-ТУРНЕМИР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНИСТ:
ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА ПИСАТЕЛЯ**

V. Matveev

Moscow State Regional University

**E. SALIAS DE TOURNEMIRE AS A HISTORICAL NOVELIST:
THE ORIGINS OF THE ARTISTIC MASTERY OF THE WRITER**

Аннотация: Популярнейший исторический романист второй половины XIX в. граф Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир был предан забвению на протяжении почти всего двадцатого столетия. В статье описаны основные вехи биографии и творческой деятельности писателя, обоснована значимость для развития русской и мировой литературы его исторической прозы, отражены предпосылки становления автора как исторического романиста, раскрыта тематика художественных произведений, даётся анализ романов «Пугачёвцы», «Петербургское действо», выявлена степень подражания Л.Н. Толстому.

Ключевые слова: граф Е.А. Салиас-де-Турнемир, исторический роман, народный бунт, русская литература XIX в., императорская власть, власть и народ, мировоззрение.

Abstract. Popular historical novelist of the second half of 19th century count E. Salias de Tournemire fell into oblivion for most of the 20th century. The article describes the major milestones of biography and creative work of the writer, arguing for the importance of his historical prose for Russian and world literature. It also shows the author's way to a historical novelist, reveals themes of his works, analyzes the novels "The Pugachevs", "Petersburg action", reveals the extent of imitation to L. Tolstoy.

Keywords: count E. Salias de Tournemire, historical novel, people's riot, Russian literature of the 19th century, imperial government, nation and authorities, world view.

В 2013 г. исполняется 105 лет со дня смерти известного романиста России второй половины XIX в. Е.А. Салиаса-де-Турнемира. Обнаружив своё призвание в написании исторических романов и повестей, Салиас полюбился читающей публике того времени именно в этом качестве. В наше время, когда история Отечества, в том числе и история литературы, подвергаются многочисленным искажениям, важно препятствовать подобным явлениям, сохраняя объективность в суждениях, а «представить русскую словесность без Салиаса – это всё равно, что представить французскую литературу без Александра Дюма-отца» [1, с. 1].

Имя русского писателя Евгения Андреевича Салиаса остаётся и сегодня почти неизвестно широкой читательской публике. При этом после своей смерти прозаик оставил для потомков 33-х томное собрание сочинений (первые книги появились в 70-х и 80-х гг. XIX в., до революции 1917 вышли все тома).

Интеллектуальному росту Салиаса способствовало его окружение: Н.П. Огарёв и С.Т. Аксаков, И.С. Тургенев и А.Н. Островский, А.А. Григорьев и Н.С. Лесков, которые часто гостили в доме Сухово-Кобылиных. Многих из них юный Салиас мог встретить на заседаниях одного из лучших литературных салонов Москвы того времени, который вела его мама

Елизавета Васильевна Салиас (известная под псевдонимом Евгения Тур). Стоит упомянуть о семье Евгения Салиаса, старшие члены которой воспитывали внука в строгости, развивая при этом его эстетический вкус. В памяти писателя сохранился колоритный облик бабушки Марии Ивановны Сухово-Кобылиной, властной помещицы и женщины, привыкшей оставлять последнее слово за собой. «Нередко после расправы с горничными и лакеями, когда пощёчины щедро расточались ею направо и налево, она закуривала сигару и усаживалась на диване с французским переводом философии Шеллинга в руках. Более странного сочетания мнимой образованности и самых диких крепостнических привычек не случалось мне встречать на моём веку», – вспоминал впоследствии домашний учитель [7, с. 343].

Среди ярких воспоминаний юного Салиаса – большая гостиная, производившая на него сильное впечатление своим богатым убранством, а также величием висевших на её стенах фамильных портретов. Впечатление было настолько сильным, что, будучи взрослым человеком, Салиас продолжил эту семейную традицию, украсив соответствующе свой рабочий кабинет: «...Большой стол был весь уставлен семейными фотографиями в рамках. Прекрасные фамильные портреты масляными красками висели на стенах. Здесь были два портрета отца писателя, его деда, бабки и прадеда» [5, с. 652].

Особой вехой в жизни Салиаса стало обучение в Московском университете. Это время значимых политических и социальных реформ. Напряжение, которое сопровождало перемены в жизни людей, коснулось и Салиаса. Он был одним из активных участников так называемых студенческих волнений, был делегирован с петицией к императору Александру II. В конечном итоге голос студенчества был услышан, и государь удовлетворил большинство из требований, касавшихся, к примеру, возможности, как и прежде, организовывать студенческие собрания. Однако при всём мирном разреше-

нии Салиас так и не смог окончить университет, едва доучившись до 3-го курса. Лично за ним и его семьёй был организован негласный полицейский надзор, несмотря на то что Салиаса простили как аристократа. Переезд в Петербург и попытка доучиться в университете не увенчалась успехом. В 1862 году Салиас с матерью покидают страну на 5 лет. Всё это время они живут во Франции, иногда совершая путешествия по соседним Италии и Испании.

В 1869 году он возвращается в Россию и попадает в Тамбов, где состоит на службе при губернаторе. Находясь в подчинении градоначальника, Салиас проявляет себя как человек разностороннего дарования, исполняя обязанности сверхштатного чиновника особых поручений, помощника секретаря статистического комитета и редактора «Тамбовских губернских ведомостей» одновременно. Выполняя поручение губернатора и пользуясь материалами из местного архива, он пишет очерк «Г.Р. Державин. Правитель Тамбовского наместничества» (затем под названием «Поэт-Наместник»). В очерке поэт Державин предстаёт исключительно с бытовой, служебной стороны: «неподкупная честность» в сочетании со «вспыльчивостью» и «самовластием» [6, с. 66]. В Тамбове начинается работа и над самым известным произведением – романом «Пугачёвцы» (1871).

Салиас глубоко изучал историю и быт XVIII столетия, которому посвятил большинство своих романов и повестей. «Если верить в перевоплощение, – утверждал Салиас, – то не могло бы быть сомнения, что я когда-то жил именно в XVIII в. Этот век – мой любимый. В нём я как дома. Если оставить в стороне мистику, то этому можно подыскать и совсем научное основание. Видите ли, ведь я застал ещё крепостную Русь, а у этой крепостной Руси было прямое преемство от Руси екатеринской. Преемственно расставлялась в квартирах мебель, преемственно складывался обычай. Мои деды и бабки могли помнить ещё настоящих людей екатеринской поры» [5, с. 643].

Салиас изучал свои корни. Его привлекал древний род матери, восходящий к династии Андрея Кобылы (потомка святого Варлаама Хутынского, прародителя династии Романовых и графов Шереметьевых). Всё это подтолкнуло Салиаса к вступлению на поприще исторического романиста, и обещающий прозаик обращается к родной истории. Этот период стал плодотворным для писателя, а его произведения публикуются в самых популярных журналах, среди которых «Огонёк», «Нива», «Русский вестник», «Исторический вестник», «Русская мысль».

Роман «Петербургское действо» (1884) производил сильное впечатление на читающую публику. Роман, повествующий о перевороте 1762 г., стал одним из лучших на эту тему. Переломный момент в жизни страны, на российский престол была возведена немецкая принцесса София-Фредерика-Августа, которая вошла в историю под именем великой императрицы Екатерины II. В романе историко-авантюрного повествования Салиас соединил фактографическую точность с большой психологической достоверностью и историософским анализом изображаемых персонажей и событий. Как отмечалось в журнале «Исторический вестник», «роман ставит в ту жизнь, как если бы вы были современниками переворота, и вы сразу ориентируетесь во всех обстоятельствах и получаете уроки не только в понимании прошедшего, а и настоящего» [5, с. 643].

В начале 1870-х гг. на страницах журнала «Русский Вестник» появились романы «Бегуны» и «Земцы и немцы», составившие позже, вместе с двумя другими томами – «Два коновода» и «Пугачи», – большой роман-хронику «Пугачёвцы». Работа над написанием «Пугачёвцев» была долгой и кропотливой: Салиас много работал с архивными источниками, совершал поездки к местам основных событий Пугачёвского бунта. Работа была закончена к 1871 г.

Не все критики того времени приняли восторженно труд Салиаса. Литературная критика второй половины XIX в. тяготела к

«отыскиванию тенденций» [2, с. 383]. Суждение о том, что прозаик взял у Л.Н. Толстого «целиком всё, что только можно было взять: характеры, сцены, мотивы, философию, словом, всё» [2, с. 387], также является необъективным. Рассмотрение «Пугачёвцев» важно еще и потому, что именно по нему критика составила литературный портрет автора. «Роман «Пугачёвцы», по общему признанию, есть лучшее произведение графа Салиаса, в котором с наибольшей силой выразились различные стороны его таланта. Дальнейшие произведения графа Салиаса уже только подводились под ранее созданное определение, основанное на этом романе» [2, с. 383]. Свидетельство писателя той эпохи К. Головина: «В то время исторические романы были в большом ходу, и четыре тома «Пугачёвцев» проглатывались всеми» [3, с. 326].

Четырёхтомная эпопея «Пугачёвцы» предполагалась как первая часть целой тетралогии. Вторая часть «Вольнодумцы» предполагала рассказ о героях и жертвах Великой французской революции; третья часть – «Супостат» – описывала бы историю 1812 года и наполеоновского нашествия. Содержание последней части раскрывает её название – «Декабристы». Однако этот творческий замысел так и остался нереализованным.

Многогеройная панорама романа-эпопеи «Пугачёвцы», перемежающая историческую хронику с семейной, показывает целый край (Казанская и Оренбургская губернии), охваченный пожаром пугачёвского восстания. Два образа Пугачёва (противоречивый образ которого дан в развитии: лихой атаман превращается в спившегося бездельника) символизируют подъём и упадок бунта как стихии возмущения обездоленных людей, переродившейся в азарт беззакония и грабежа. Первоначальному успеху бунта в большей степени способствовала позиция провинциального дворянского общества, которое превратно понимало положение крестьян. Салиас шаржирует исторические личности В.А. Кара, И.А. Рейнсдорпа, Ф.Ю. Фреймана, действия главного вымышленного героя – князя Дани-

лы Хвалынского, чьё прямодушие искажено властолюбием и жестокостью в духе времени: героические усилия подавить крестьянские волнения только усиливают их. Успешно противодействует «пугачёвцам» лишь умная энергия И.И. Михельсона и А. И. Бибикова (он идеализирован как трагический герой, не успевший донести до Екатерины II идею отмены крепостного рабства).

Салиас пытается реализовать символическо-поэтическую модификацию жанра исторического романа через лирические отступления и сказовые интонации повествователя, ассоциативную связь эпизодов. Инфермальную поэзию бунта персонифицируют не только Пугачёв и его «царица» Устинья, но и ряд символических персонажей: не разъяснённый читателю «русый молодец», первый самозванец, загубленный самими казаками, сквозные фигуры богатыря-простеца Савки и проныры Яшки. На дворянской половине романа поэтической символизацией отмечены два женских типа: героический («русская Юдифь» Параня) и кроткий (Милуша).

Салиас несомненно испытал сильное влияние Л.Н. Толстого. Это обстоятельство не может служить упрёком для писателя с меньшим дарованием, чем гениальный создатель «Войны и мира». Несмотря на то что влияние Толстого на Салиаса сказалось более чем следовало бы для его самостоятельности, нельзя утверждать отсутствие достоинства произведения Салиаса.

Нужно при этом сказать, что в практическом художественном исполнении введение в романы массовой, народной психологии не всегда ему удавалось. Психология масс – дело трудное и новое, и художественное воспро-

изведение событий, основанных на ней, по силам только гениальным представителям литературы. Даже Толстой, отражая в своём великом произведении значение массы народной в исторической картине, чувствуя необъятность своей задачи, считал нужным пояснения и дополнения. Салиас в состоянии лишь приоткрыть мир, скрывающий за собой силы, вырывающиеся в форме исторических фактов. Картины движений масс у него бледны, объяснения посредством личной судьбы отдельных персонажей недостаточны. При этом автор даёт ясные представления о них, и читатели, интересующиеся не только внешностью исторических событий, а их сущностью, признают большое значение его произведений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беляев Ю. Любимец читающей России. Вступительная статья. Е. Салиас, сочинения в 2-х томах. Том первый. Историческая проза. – М.: Художественная литература, 1992. – 541 с.
2. Введенский А.И., Современные литературные деятели. Граф Е. А. Салиас. – Исторический вестник. – № 8. – 1890. – 683 с.
3. Головин К. Мои воспоминания. Т. I (до 1881 г.), Разд. XXIII. – СПб, 1908. – 396 с.
4. Достоевский в неизданной переписке современников, Е.А. Салиас – Евгении Тур. Царское Село 3 октября 1862 г. // Литературное наследство. – Т. 86. – 1973. – 790 с.
5. Измайлов А.А., Романист на покое (из воспоминаний о графе Е.А. Салиас-Турнемир) // Исторический Вестник. – № 2 (Февраль). – 1909. – 864 с.
6. Поэт Державин правитель наместничества (1785-1788) // Русский Вестник. – Т. 125, гл. 1, разд. XV. – М., 1876. – 902 с.
7. Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). Гл. 10. Графиня Салиас де Турнемир и её семья. – М.: Изд. Новости, 1991. – 458 с.

УДК 821.111

Фельдман Е.А.

Литературный институт имени А.М. Горького

**НОВАТОРСКИЙ ВКЛАД С.М. БАРКЕР
В РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ «ПОЭЗИИ О ПРИРОДЕ»**

E. Feldman

Maxim Gorky Literary Institute

**CECILY MARY BARKER'S INNOVATIVE INPUT
TO THE DEVELOPMENT OF ENGLISH CHILDREN'S NATURE POETRY**

Аннотация. Статья посвящена эволюции «поэзии о природе» в английской детской литературе. Проанализировано влияние поэзии Мэри Хауитт, Джейн Тейлор, Сары Колридж и Джорджа Макдональда на творчество Сесиль Мэри Баркер, а также новаторство последней в рамках рассматриваемого литературного направления. Выделены типичные черты «поэзии о природе», получившие окончательное закрепление в цикле С.М. Баркер «Цветочные феи». Намечены тенденции в историческом развитии «поэзии о природе» и сформирован вывод о значимости наследия С.М. Баркер для сохранения и популяризации данного направления в современной детской литературе.

Ключевые слова: английская литература, детская литература, поэзия, «поэзия о природе», Сесиль Мэри Баркер.

Abstract. The article deals with the evolution of nature poetry in English children's literature. The author thoroughly investigates the influence of Mary Howitt's, Jane Taylor's, Sarah Coleridge's and George Macdonald's poetry on Cecily Mary Barker's work and Cecily Mary Barker's innovative input to nature poetry. The author defines the typical traits of nature poetry that got formed in the "Flower Fairies" cycle, outlines the tendencies in the historical development of this poetic school and draws a conclusion about the importance of Cecily Mary Barker's heritage for preservation and popularization of nature poetry in contemporary children's literature.

Keywords: English literature, children's literature, poetry, nature poetry, Cecily Mary Barker.

По мнению современного литературоведения, одна из главных особенностей поэзии заключается в том, что список лирических сюжетов, как и набор тем лирики, весьма невелик [6, с. 42], причём из этого относительно узкого диапазона наиболее жизнеспособной является тема природы [7, с. 114]. Данное утверждение приобретает особую актуальность при рассмотрении произведений детской литературы. Как указывает М. Стайлз, «центральное положение темы природы вот уже более трёхсот лет является самой устойчивой чертой детской поэзии» [11, с. 64].

Несмотря на это, природа в английской поэзии обрела художественную самодостаточность только во второй половине XVII в. Как указывает И.О. Шайтанов, в культуре античности, Средних веков и Возрождения человек осознавал себя как неотъемлемую часть природы, а потому был не способен взглянуть на неё со стороны и эстетически осмыслить [8, с. 307-309]. «Открытие природы» как культурное событие связывается с возникновением дистанции между ней и человеком и новой способностью выразить *Naturgefühl* – «поэтическое чувство природы» (термин А.Н. Веселовского [1, с. 199]). По мнению В.Н. Ганина, природа в англий-

ской пасторальной поэзии XVI-XVII вв. (Эдмунд Спенсер, Майкл Драйтон, Бен Джонсон, Уильям Браун и др.) по примеру античности лишь обозначала место действия, помогала раскрыть мир переживаний пасторального героя или же в редких случаях выполняла аллегорическую функцию [2, с. 15]. Художественно самостоятельный пейзаж возник в сентиментальной поэзии конца XVII – начала XVIII вв. В качестве примера можно привести «Времена года» Джеймса Томсона (1726-30) или «Элегию, написанную на сельском кладбище» Томаса Грея (1751), которая получила широкую известность в России благодаря переводу В.А. Жуковского. В отличие от предшественников, перечисленные авторы делали описание природы и её красоты самоцелью: теперь пейзаж не выполнял роль безмолвных декораций, на фоне которых разворачивалось основное действие, а представлял интерес сам по себе, служа для лирического героя источником субъективной рефлексии [5, с. 66]. Эту традицию продолжили и довели до поэтической кульминации романтики: известными мастерами пейзажа были лорд Джордж Байрон (George Byron, 1788-1824) и поэты «озёрной школы», в частности, Уильям Вордсворт (William Wordsworth, 1770-1850) и Сэмюэл Тейлор Колридж (Samuel Taylor Coleridge, 1772-1834) [4, с. 732].

Однако, рассуждая о произведениях для детей, мы считаем неуместным использовать концепции, сложившиеся в литературоведении относительно пасторальной, сентиментальной или романтической поэзии, поскольку они касаются лишь взрослой литературы. Как замечает Е.О. Духовнова, изображая флору во всём многообразии красок, «взрослые» поэты активно используют субстантивные метафорические словосочетания, ставшие продуктивным средством изображения природы [3, с. 25]. Но психология ребёнка отвергает художественные условности, стремясь истолковать метафору в её прямом значении и одушевить неодушевлённый предмет. Например, в детской поэзии «слёзы розы» следует воспринимать

буквально: не как росу или капли воды, скопившиеся на лепестках после дождя, а как выражение эмоций вполне разумного существа. Пейзаж в детской поэзии не просто обозначает место действия, раскрывает мир переживаний героя или служит источником рефлексии. Благодаря уникальному психологическому складу маленького читателя природа может приобретать функции, немислимые во взрослой литературе. Поэтому мы прибегаем к термину М. Стайлз «поэзия о природе» (*nature poetry* [11, с. 64]), стремясь *отграничить* данное направление в детской литературе от «взрослой» пасторальной, романтической и сентиментальной поэзии, которым также свойственна глубокая связь с природой.

Расцвет «поэзии о природе» в английской детской литературе пришёлся на XIX столетие, хотя его зарождение можно условно датировать концом XVII в. К сожалению, многие авторы, творившие в русле «поэзии о природе», практически неизвестны современному читателю. Анализируя эволюцию этого литературного направления, М. Стайлз называет такие имена, как Шарлотта Смит (Charlotte Smith, 1749-1806), Дороти Вордсворт (Dorothy Wordsworth, 1771-1855), Кэтрин Энн Дорсет (Catherine Ann Dorset, 1750-1817), Мэри Эллиотс (Mary Elliotts, 1794-1870), Джулиана Эвинг (Juliana Ewing, 1841-1885) и др. [11, с. 64-79] Посвятив практически все свои произведения различным аспектам природы, они оказались не востребованы в эпоху, когда «*nature poetry*» утратила былые позиции в связи с изменившимся ритмом жизни. В результате современный читатель знаком с «поэзией о природе» скорее благодаря Джейн Тейлор, Кейт Гринуэй, Кристине Россетти или Р.Л. Стивенсону, то есть авторам, которые лишь время от времени работали в рамках этого литературного направления, преимущественно обращаясь к другим темам.

В этом отношении наследие художницы и поэтессы Сесиль Мэри Баркер (Cicely Mary Barker, 1895-1973) представляет своеобраз-

ный феномен: несмотря на то что черты «поэзии о природе» встречаются во многих детских произведениях XIX–XX вв., Сесиль Мэри Баркер остаётся единственным автором, чьё творчество практически целиком находится в русле данного направления. В 1923 г. в издательстве «Blackie» вышел её первый сборник «Цветочные феи весны» («*Flower Fairies of the Spring*»), сделавший поэтессу поистине знаменитой [10, с. 38]. Книга содержала 24 песни от имени фей различных растений, цветущих в Англии именно весной, причём каждый текст был сопровождён акварельной иллюстрацией Баркер. На волне его популярности поэтесса выпустила ещё шесть книг на сходную тематику: «Цветочные феи лета» (1925), «Феи деревьев» (1940), «Феи садовых цветов» (1944) и др. В совокупности они представляют уникальное явление, до сих пор не имеющее аналогов в мировой литературе, а именно – исчерпывающую *стихотворную энциклопедию по ботанике*, чья практическая польза и оригинальный педагогический подход совмещаются с глубоким пониманием детской психологии.

Новаторство Сесиль Мэри Баркер в «поэзии о природе» особенно ярко проявляется при анализе художественных аспектов, заимствованных ею у предшественников. Например, в некоторых стихотворениях мы находим явные переключки с Мэри Хауитт (Mary Howitt, 1799–1888). Современному литературоведению Хауитт больше известна как автор назидательных стихотворений, однако именно она одной из первых сделала пейзаж полноценным действующим лицом произведения. Например, её лирическое стихотворение «Лютики и маргаритки» (*Buttercups and daisies*) совершенно лишено дидактического элемента. Это лишь слепок с визуального впечатления, призванный передать восхищение ребёнка весенней природой: «Лютики и маргаритки / Мне милей других цветков. / Пусть весна нескоро, солнце / Светит между лепестков! / Спят кузнечик и улитка, / Спят деревья и поля... / В лютиках и маргаритках, / Словно в солнышках, земля!»¹

¹ Здесь и далее приводятся стихотворные переводы автора статьи. – Е.Ф.

Примечательно, что если мы сопоставим это стихотворение с «Песней феи лютика» (*The Song of the Buttercup Fairy*) Сесиль Мэри Баркер, то почти не найдём расхождений в образах и тоне, хотя авторов разделяет столетие: «Взгляни, как много золота / Рассыпано вокруг! / Все чашечки блестящие / Дарю тебе, мой друг. / Какое небо синее! / На шляпе дремлет жук. / Счастливых дней, как лютиков, / У жизни целый луг».

Другим крупным представителем ранней «поэзии о природе» можно считать Джейн Тейлор (Jane Taylor, 1783–1824), которая известна в основном по хрестоматийному стихотворению «Ты мигай, звезда ночная» (*Twinkle, Twinkle, Little Star*). В пейзажной зарисовке «Фиалка» (*The Violet*) Тейлор впервые предпринимает попытку одушевления цветка, которое впоследствии станет фирменным художественным приёмом Сесиль Мэри Баркер. Её героиня по-девичьи скромна и склоняет голову, как будто хочет укрыться от взглядов: «В зелёной бархатной тени / Фиалка поднялась. / Ступай нежнее, не спугни: / Она боится глаз...» Стихотворение содержит и едва заметный дидактический элемент: «Меня дорожка в лес ведёт / В зелёной темноте. / Там лучший из цветов живёт / В чудесной простоте», однако это пожелание вложено в уста лирической героини, а потому читатель может выбирать, отождествлять ли себя с нею.

В 1834 г. Сара Колридж (Sarah Coleridge, 1802–1852), дочь «лейкиста» Сэмюэля Колриджа, продолжила традиции «поэзии о природе», опубликовав написанные ею для дочери «Забавные уроки в стихах для хороших детей» (*Pretty Lessons in Verse for good children*). Новаторство Колридж заключалось в том, что она расширила рамки направления за счёт познавательного элемента. Её пасторальные зарисовки сообщают ребёнку конкретные полезные сведения о растениях, хотя гораздо менее подробно, чем у Сесиль Мэри Баркер: «У Дуба королевский вид. /

Осина на ветру дрожит. / Как строен Тополь в вышине! / Разросся Персик по стене. / Прохладны тени Сикомора. / В реке блуждают Ивы взоры. / Богатство Ели – в древесине, / А Бук живёт в лесной низине».

Архитектоника стихотворения соответствует его цели: ярко выраженная строфико-синтаксическая анафора (все восемь строк построены по одной и той же схеме: «название дерева + его отличительный признак»), энергичный четырёхстопный ямб и парный тип рифмовки с исключительно мужскими рифмами способствуют максимально лёгкому усвоению текста детьми. Вполне вероятно, что именно это стихотворение, конспективно перечисляющее признаки популярных в Англии деревьев, вдохновило Сесиль Мэри Баркер на поздний сборник «Феи деревьев». Так, спустя почти столетие, она создаст «Песню феи ивы» (*The Song of the Willow Fairy*), отчасти преемственную по отношению к тексту Колриджа: «Ручей прохладен и глубок. / Я целый день гляжу в поток, / И серебристые рыбёшки / Щекочут мне босые ножки. / Лесные реки так красивы... / Приди взглянуть на танец ивы!»

Значительный вклад в развитие принципов «nature poetry» внёс и Джордж Макдональд (George MacDonald, 1828-1873), который довёл до логического финала приём персонификации растения в стихотворении «Маленькая Белая Лилия» (*Little White Lily*). Героиня Макдональда не только способна плакать от жажды или никнуть в ожидании ливня, но и обладает человеческой речью: «Белая Лилия в тучи глядится: / «Славно холодной водицы напиться! / Даже в июльский полуденный зной / Не пропаду я с небесной водой!» В результате её образ максимально приближается к образам цветочных фей, хотя в стихотворении Макдональда голосом наделяется сам цветок, а у Сесиль Мэри Баркер выражение чувств и желаний растения делегируется его душе-фее.

В творчестве Баркер природа получает окончательную персонификацию. Цветы и деревья становятся главными героями, впол-

не самодостаточными, чтобы вызвать интерес читателей даже при отсутствии традиционного сюжета. Внешние признаки растений преобразуются в черты характера олицетворяющих их духов: например, реальный тысячелистник отличается скромным обликом и растёт под забором, а его фея грустит, что люди её не замечают, и робко надеется, что в случае её исчезновения дети всё же будут огорчены: «Среди подруг я всех бледней, / Расту тихонько у плетня. / Никто из эльфов и людей / Не смотрит на меня. / Невзрачной, на свою беду, / Я родилась – траве под стать... / Но если вдруг я пропаду, / Вы будете скучать?»

В целом, среди типичных черт «поэзии о природе», развитых и закреплённых в цикле Сесиль Мэри Баркер «Цветочные феи», можно выделить пять основных:

- самодостаточность природы в глазах писателя – обычное дерево может быть главным, более того, единственным героем произведения: «Кто видел старый добрый бук, / Наверняка согласен: / Ему любой наряд идёт, / Он круглый год прекрасен!» («Песня феи буковых орешков»);

- одушевление природы, стремление писателя к её персонификации – растение описывается как обладающее разумом, хотя в некоторых случаях выражение его чувств и мыслей делегируется сказочному существу, специально введённому для этого в сюжет: «Я – принц, эльф дикой бирючины, / Хозяин ветреной равнины...» («Песня эльфа бирючины»);

- идеализация природы, «пасторальная» манера её изображения, сравнение с человеческой культурой не в пользу человека: «Не пойму я, что за мода – / Узнавать из книг погоду! / Как синоптики нелепы / По сравнению с курослепом!» («Песня эльфа курослепа»);

- акцент на воспитательных достоинствах природы, которая становится для ребёнка одновременно другом, товарищем по играм и учителем: «Учите, ребята, в ботанике плох / Тот, кто назовёт меня «чертополох»! / Расту я безвредно на залежах мела, / Меня можно

гладить по шапочке смело...» («Песня феи чёрного василька»);

– мягкий юмор, выраженный развлекательный характер произведений, отсутствие жёсткой дидактики или религиозности: «Вот я танцую в платье, как пламя, / И над своими смеюсь именами. / Берите побольше тарелок и ложек – / Меня называют Стручинный Горосшек!» («Песня феи ледвянца»).

По словам М. Стайлз, хотя природа больше «не является главным топливом, воспаляющим детскую поэзию, она остается и, полагаю, всегда останется сильнейшим источником вдохновения для детских писателей» [11, с. 79]. На данный момент Сесиль Мэри Баркер является единственным автором, который не только достиг литературного успеха за счёт исключительно «поэзии о природе», но и сохраняет популярность у современной аудитории¹. Вероятно, причина подобного «литературного долголетия» в том, что Баркер, окончательно сгустив и обозначив черты «поэзии о природе», одновременно намного превысила её обычный художественный и психологический уровень. Скрупулезно соблюдая все ограничения и условности, присущие «nature poetry», поэтесса наполнила традиционную форму собственным талантливым содержанием, остроумием и юмором, которого были лишены многие авторы XIX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. / Историческая поэтика. – Л.: Худож. лит., 1940. – С. 125-199.
2. Ганин В.Н. Поэтика пасторали. Эволюция английской пасторальной поэзии XVI-XVII веков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М.: МПГУ, 1997. – 32 с.
3. Духовнова Е.О. Краски флоры в зеркале субстантивных метафорических словосочетаний поэзии Серебряного века // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2013. – № 2. – С. 21-25.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, ИНИОН, [Федер. прогр. книгоизд. России]. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
5. Поэзия сентиментализма / История всемирной литературы: В 8 томах. – Т. 5. – М.: Наука, 1988. – 784 с.
6. Пронин В.А., Давыдова Т.Т. Теория литературы: Учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 232 с.
7. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
8. Шайтанов И.О. Поэтическое открытие природы. // Компаративистика и/или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики. – М.: РГГУ, 2010. – С. 303-365.
9. Through The Looking Glass Children's Book Reviews [Электронный ресурс]. URL: http://lookingglassreview.com/html/cicely_mary_barker.html (дата обращения: 01.04.2013).
10. Laing Jane. Cicely Mary Barker and her art. – London: Frederick Warne, 1995. – 128 p.
11. Styles M. From the Garden to the Street: Three Hundred Years of Poetry for Children. – London: Cassel, 1998. – 304 p.

¹ Например, специализированный электронный портал «Through The Looking Glass», посвященный обзорам англоязычной детской литературы, характеризует популярность поэтессы среди взрослых и детей как «непреодоляющую» (*enduring*) [9].

УДК 821.161.1"19"

Чупринова Н.В.

Московский государственный областной университет

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ САЛОНОВ НА ЖЕНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

N. Chuprinova

Moscow State Regional University

THE INFLUENCE OF THE LITERARY SALONS ON THE WOMEN'S LITERATURE IN THE FIRST PART OF THE 19th CENTURY

Аннотация. Статья посвящена такому явлению русской культурной жизни, как литературный салон. Автор рассматривает особенности появления русских литературных салонов первой половины XIX в. и даёт характеристику тем салонам, организаторами и духовными вдохновительницами которых были женщины – А.П. Елагина, Е.И. Голицына, Е.А. Карамзина, С.Д. Пономарёва, З.А. Волконская, К.К. Павлова. Пристальное внимание в статье уделяется салонам З.А. Волконской и К.К. Павловой, хозяйки которых являлись писательницами. Их творчество автор статьи анализирует в контексте существования литературного салона.

Ключевые слова: литературный салон, хозяйка литературного салона, женское творчество.

Abstract. The article is devoted to the analysis of literary salons that played a great role in the Russian culture of the 19th century. The author of the article investigates the peculiarities of the Russian literary salons and the reasons of their appearance and characterizes the salons which were created by women. The most famous salon-holders were A. Elagina, E. Golizyna, E. Kareamzina, S. Ponomareva, Z. Volkonskaya, K. Pavlova. The author pays the great attention to the salons of Z. Volkonskaya and K. Pavlova who were the writers as well. In the article, the author investigates the prose and poetry of Z. Volkonskaya and the poetry of K. Pavlova in the context of literary salon's existence.

Keywords: literary salon, salon-holder, women's literature.

В настоящее время слово *салонный* зачастую воспринимается как синоним чего-то неестественного, жеманного. Салонный, по современным меркам, – это «лёгкий, поверхностный, пустой» [15, с. 15]. А ведь всего каких-то два - три столетия назад салон был образцом великолепия, изящества и красоты.

Салон (от фр. *salon* – «гостиная») как общественное явление впервые появился во Франции в начале XVII в., в эпоху Людовика XIII. Выполняя роль своеобразного «кружка по интересам» (одних увлекала политика, других – искусство и литература, третьих – наука и т. д.), салон со временем стал в Европе символом культурной жизни, где гости обменивались новостями, спорили, читали стихи, обсуждали злободневные вопросы общественно-политического и культурного характера.

В России салонная культура начала зарождаться намного позже: первые салоны появились в конце XVIII в., однако особого расцвета они достигли лишь к 20-30-м гг. XIX столетия. В салонах и кружках зарождались жаркие споры на самые животрепещущие темы, касающиеся не только литературы, но и философии, религии. Это были уютные аристократические сообщества литературной и художественной жизни. Салоны посещали не только писатели

и поэты, но и художники, музыкальные и литературные критики. Всё это способствовало разностороннему развитию посетителей салонов.

Актуальной задачей представляется изучение роли салонов первой половины XIX в. на формирование литературных и философских воззрений женской половины литературного общества того времени.

Отношение общественности к литературной деятельности женщин в основном было отрицательным. В салонах же, хозяйками которых, как правило, являлись именно женщины, решалась извечная проблема интеллектуального общения, женщины приобретали общественную значимость. Очень редко женщины обучались в пансионах; их образование, чаще всего, было домашним. И хотя зачастую это домашнее образование было превосходным, литературные салоны являлись своеобразными «литературными университетами», «живыми библиотеками», камерными театрами.

То, что литература среди всех культурных интересов российского общества XIX в. заняла пальму первенства, можно объяснить особым взглядом передовых людей той эпохи, считавших, что именно этот вид искусства способен удовлетворить духовные запросы человечества. Об этом мыслитель И.В. Киреевский в своей статье «Обозрение русской литературы за 1831 год» рассуждает так: «Между тем как в других государствах литература есть одно из второстепенных выражений образованности, у нас она главнейшее, если не единственное <...> Единственным указателем нашего умственного развития остаётся литература» [8, с. 101, 102].

В московских и петербургских салонах можно было познакомиться с новинками литературы и искусства, узнать много интересного о новых литературных течениях, направлениях, идеях, здесь обсуждались только что увидевшие свет литературные произведения, велись дискуссии.

Духовными вдохновителями литературных салонов были, как правило, женщины.

Обладающие незаурядным умом, непревзойдённым талантом и удивительными душевными качествами хозяйки салонов – Е.И. Голицына, С.Д. Пономарева, З.А. Волконская, А.П. Елагина, А.О. Смирнова-Россет – формировали литературные вкусы, сосредоточив вокруг себя лучших представителей политики, литературы, изобразительного искусства и музыки первой половины XIX в.

Наиболее значительным салоном того времени считался салон А.П. Елагиной, который был средоточием и «сборным местом» всей русской интеллигенции – всего того, как писал К.Д. Кавелин, «что было у нас самого просвещённого, литературно и научно-образованного» [7, с. 1118]. Дом Елагиных у Красных ворот принимал всю аристократическую богему той эпохи. Это были писатели и учёные – профессора Московского университета и их ученики. Гостеприимный дом Елагиных посещали А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.Я. Чаадаев, С.Т., К.С. и И.С. Аксаковы, А.И. Герцен, А.С. Хомяков, К.Д. Кавелин и др. Салон Елагиной можно отнести к разряду московских славянофильских салонов. Авдотья Петровна Елагина разделяла идеи «любомудров» С.Е. Раича и Н.А. Полевого. А в конце 1830-х – начале 1840-х гг. в салоне проходили живые споры западников и славянофилов. Старшие сыновья Елагиной, братья Киреевские, стали известными литераторами. Иван Васильевич Киреевский является основоположником теории славянофильства. В салоне Елагиной формировались политические и патриотические воззрения женщин, углублялись познания русской истории.

Поздними вечерами, когда во многих домах уже тушили свечи, ярко светились окна во дворце княгини Е.И. Голицыной на Большой Миллионной. В гостиной «ночной княгини», как её называли, «собиралось немногочисленное, но избранное общество, состоящее в основном из поэтов и учёных. Вся обстановка этого „храма“ создавала настроение чего-то необычного, даже таинственного» [17, с. 338].

Одной из самых образованных и умных женщин своего времени слыла Е.А. Карам-

зина, в гостеприимном доме которой каждый вечер собирался кружок, состоявший из цвета тогдашнего литературного мира. А.Ф. Тютчева вспоминала: «В гостиной Карамзиной предметом разговоров были не философские вопросы, но и не петербургские пустые сплетни. Литература, русская и иностранная, важные события у нас и в Европе <...> составляли чаще содержание наших бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздней ночи, освежали и питали наши души и умы, что в тогдашней душевной петербургской атмосфере было особенно полезно» [16, с. 73]. Гостиная Карамзиной, как вспоминал другой современник, была единственной в Петербурге, где не играли в карты и говорили по-русски [18].

Широкую известность среди молодых литераторов получил салон С.Д. Пономарёвой, именуемый «Обществом любителей словесности и премудрости» (в последнем слове обыгрывалось имя хозяйки салона – Софии, переводимое с греческого как «премудрость»). Как отмечал один из посетителей этого литературного собрания, Д.Н. Свербеев, двоюродный брат А.А. Дельвига, «его добродушная хозяйка умела завлечь в свою гостиную всех тогдашних литераторов, декламировала перед ними их стихотворения и восхищала своей игрой на фортепиано и приятным пением» [17, с. 432]. С.Д. Пономарёва писала также стихи, однако её литературное творчество (большей частью это были переводы) сохранилось плохо. Считая себя непрофессиональным литератором, она предпочитала наслаждаться творчеством профессиональных поэтов.

Большинство хозяек литературных салонов, будучи высокообразованными людьми своего времени, выполняли роль организаторов и духовных вдохновителей «царства муз», где в центре внимания находились, как правило, литераторы-мужчины. Однако в недрах литературных салонов начинает постепенно формироваться и женское литературное творчество.

Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи служил тогда блестящий дом княгини З.А. Волконской, урожденной княжны Белозерской, где собиралось «самое блестящее общество первопрестольной столицы: литераторы и художники обращались к ней как бы к некоему меценату и приятно встречали друг друга на её блистательных вечерах, которые она умела воодушевить с особенным талантом» [3, с. 192 – 193].

Любовь к литературе и искусству З.А. Волконская унаследовала от отца, чему способствовало окружавшее её с детства просвещённое общество, великие произведения искусства и художественные памятники классического мира. Получившая прекрасное воспитание и образование, Волконская рано начала пробовать себя на литературном поприще.

Первый сборник, состоявший из четырёх новелл молодой писательницы, вышел в 1818 г. Первая из них, «Лаура», автобиографична. Судьба героини этой новеллы, женщины умной, впечатлительной, любознательной, напоминает судьбу самой Волконской, которая к тому времени успела пережить и неудачное замужество, и неразделенную любовь.

Несмотря на то что действие повести происходит во Франции, З.А. Волконская описывает знакомую ей жизнь великосветского общества, со всеми его слабыми сторонами. Героиня повести Лора – такая же впечатлительная и увлекающаяся натура, какой была и сама княгиня. Даже внешне она напоминает портрет Волконской, написанный К. Брюлловым в 1830 г.: грустное выражение больших задумчивых глаз, греческий профиль, красиво очерченный детский рот. Лора рано выходит замуж и вступает в новое для неё великосветское общество, которое ослепляет её своим наружным блеском. Она с увлечением предаётся всем светским удовольствиям. Но вскоре, убедившись в пустоте и мелочности окружающего её общества, ис-

пытав предательство мнимых друзей, клевету и злословие, она, поражённая до глубины души лицемерием «света», решает начать новую жизнь. Она с жаром предаётся искусству и наукам, находя в них душевное успокоение.

Повесть «Лаура» оказалась пророческой. Уехав в 1820 г. в Италию, которая была её «духовной родиной», З.А. Волконская, обладавшая великолепным голосом, открыла там музыкальный салон. Постепенно эти музыкальные вечера преобразовались в оперу, а сами зрители превратились в актёров.

Осенью 1824 г. З.А. Волконская переезжает в Москву, которая в 20-х годах XIX столетия представляла собой центр умственного и литературного движения в России. Будучи не только светской дамой, но уже признанной писательницей, композитором и певицей, она селится во дворце своей мачехи А.Г. Белосельской-Белозерской в центре Москвы, на углу Тверской и Козицкого переулка, где и открывает свой литературный салон.

Всё в доме З.А. Волконской носило отпечаток служения искусству. Хозяйка салона, знакомая с детства с памятниками древности, сокровищами живописи и скульптуры, украсила свои залы фресками, убрала статуями, оригиналами и копиями знаменитых картин. В вестибюле стояли бюсты Мольера и Чимарозы, говорящие о содружестве литературы и музыки.

П.А. Вяземский утверждал, что «вести салон» может только просвещённая женщина. «Ум женщины, – писал поэт, – тем и обольщает и господствует, что он отменно чуток на чужой ум. Женский ум часто гостеприимен, он охотно заказывает и приветствует умных гостей, заботливо и ловко устраивая их у себя, так проникательная и опытная хозяйка дома не выдвигается вперед перед гостями, не перечит им, не спешит перебить у них дорогу, а, напротив, как будто прячется, чтобы только всем было просторно и вольно» [6, с. 184 – 185]. Именно такой и была княгиня З.А. Волконская, которая, обладая всеми известными дарованиями и талантами, открывала многим своим современникам дорогу к литературному успеху.

В конце 1824 г. салон княгини З.А. Волконской становится «изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества» [3, с. 195]. Тут, как отмечают М. Аронсон и М. Рейсер, «соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодёжь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники» [там же].

В доме княгини Волконской можно было встретить почти всех известных поэтов того времени: В.А. Жуковского, князя П.А. Вяземского, Е.А. Боратынского, Н.М. Языкова, А.А. Дельвига, Д.В. Веневитинова. Последний, безнадежно влюблённый в хозяйку салона, посвятил ей следующие строки:

*Зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты я страсти безотрадной?*
[4, с. 68].

19 ноября 1825 г. З.А. Волконскую постигло большое горе: умер горячо любимый ею император Александр I, с которым княгиню связывала многолетняя дружба. И она изливает свою скорбь в стихах, которые были напечатаны во втором номере «Дамского журнала» за 1826 г., а позже в этом же году опубликованы и в «Московском телеграфе»:

*Где Царь, где Сын, Супруг,
Несчастных щит и друг,
Могучий Князь и Христианин,
Герой, в порфире Россиянин? –
Где Ты, о Рыцарь наших лет!
Явись! – Твой вид нас оживляет:
Краса души в тебе сияет,
А честь Твоя, как свет,
На доблестном челе блистает.
Глядишь – душа в Твоих очах,
Речёшь – душа в Твоих словах.
Брат ратникам и Вождь любимый,
Смиренный, непоколебимый,
Посредник праведный, на троне человек,*

*Гряди в Москву! Ея ты столп и сила:
Она Европе возгласила,
Что век Твой, Россам славы век!
Где Ты, Отечества Сын милый?
Где Ты?... Но с Юга звук унылый
До нас дошёл... уж нет его!
Несёт народ Монарха своего,
Несёт... куда? – в гробницу...
О Боже!.. Но устав закона Твоего
Велит хвалить разящую десницу?
Он там, где времени конец,
Где злобе бурь мирских предвечная препона.
На что Ему здесь брэнная корона?
Бессмертному, бессмертный и венец!
[11, с. 3 – 4].*

Позже эта эпитафия была положена автором на музыку.

С окончанием эпохи Александра I пришёл в упадок и литературный салон З.А. Волконской. Вместо литературных гостиных хозяйка салона стала проводить у себя в доме музыкальные вечера. «Дом её, – вспоминал П.А. Вяземский, – был как волшебный замок музыкальной феи: ногою ступишь на порог, раздаются созвучия, до чего ни дотронешься, тысяча слов гармонических откликается. Там стены пели, там мысли, чувства, разговор, движения – всё было пение» [17, с. 393].

Однако недолго оставалось княгине быть в России. Наступила новая эпоха – эпоха Николая I, начало которой ознаменовалось восстанием декабристов и последовавшими за ним казнями и ссылками на каторгу. Теперь дом свободолюбивой Волконской наполняется мрачными красками и тёмными тонами.

Адам Мицкевич, в 1826 г. посетивший салон Волконской, был поражён приветливым обхождением хозяйки и элегантной роскошью обстановки. Однако теперь в «приюте муз», стены которого раньше были окрашены в розовато-сиреневые («цвета мальвы») тона, а пол покрывала чёрно-белая мозаика, словно живут тени прошлого. Польский поэт рисует такую картину: «В темноте её взором лучистым ведомый, / по блестящим паркетам вслед белому платью / я вхожу<...> Здесь

всё прошлое мира по слову / красоты собралось<...> / Мир – мозаика, сделан из мелких обломков, / в каждом – пламя искусства и весть для потомков» [17, с. 402].

Вскоре княгиня З.А. Волконская покинула пределы родины, связав свою судьбу с итальянским тенором М. Риччи и приняв католичество. Её место занимает юная поэтесса Каролина Павлова (в девичестве – Яниш), поэтическое дарование которой начало раскрываться в литературном салоне З.А. Волконской.

В конце 30-х гг. XIX в. литературный салон К.К. Павловой становится самым известным в Москве. На её вечерах бывали С.Т. и И.С. Аксаковы, Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, Е.А. Боратынский. Перед второй ссылкой на Кавказ салон К.К. Павловой посетил М.Ю. Лермонтов.

В эти же годы К.К. Павлова начинает печататься в русских журналах. В «Москвитяине» публикуется её программное стихотворение «Мотылёк», в котором поэтесса выступает за свободу искусства. Обращаясь к художнику, она пишет:

*Внезапно расширил ты крылья,
Узнал себя сыном небес.
Покинь же земную обитель
И участь прими мотылька;
Свободный, как он, небожитель,
На землю гляди свысока! [13, с. 83].*

Тема избранничества поэта, «святого небожителя», становится постоянной темой творчества К.К. Павловой. Она пишет о высокой душе поэта, духовный мир которого способен преобразить действительность.

Постепенно Павлова сближается со славянофилами, отстаивая религиозность и патриархальность самобытной русской души. Но всё же основная тема её творчества – «лирика женского сердца»:

*Люблю я вас, молодые девы;
Люблю грусть жизненной весны,
Мечты неясные напевы,*

Ещё неведующей Евы

Люблю таинственные сны [13, с. 64].

Вместе с тем поэтессу нередко упрекали в холодности и рассудочности. Даже И.С. Аксаков, большой её поклонник, писал: «Душевная искренность у неё только в художественном представлении, вся она ушла в поэзию, в стихи, вместо чувства какая-то внешняя экзальтация» [9, с. 22]. Справедливо ли такое утверждение? Возможно, современники за сдержанностью стиля не захотели заметить борьбу страстей, спор сомнения с верой, разочарования с надеждой. Вчитаемся в эти строки:

*О былом, о погибшем, о старом
Мысль немая душе тяжела;
Много в жизни я встретила зла,
Много чувств я истратила даром,
Много жертв невпопад принесла* [13, с. 63].

Эти стихи написаны 28 декабря 1854 г. Они навеяны испытаниями, которые выпали на долю К.К. Павловой: произошёл разрыв с мужем, умер от холеры отец, она теряет друзей, единомышленников. Но:

*Веры в слёзы, слова и улыбки
Вырвать ум мой из сердца не мог* [13, с. 63].

Она оставляет Москву и вместе с матерью и сыном уезжает в Дерпт. В 1858 г. поэтесса окончательно покидает Россию и избирает местом жительства Дрезден.

Практически всю первую половину XIX столетия можно назвать «временем салонов». Сколько их было тогда, подсчитать невозможно, но все они были знаковым явлением культуры России того сложного, противоречивого времени. Постепенно русская мысль, развиваясь в недрах литературных салонов, «плавно перешла в философские сообще-

ства, где превратилась в самостоятельную школу русской национальной философии» [11, с. 215].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айхенвальд Ю.И. К.Павлова. – В кн.: Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1994. – 589 с.
2. Арапова А.П., Пушкина-Ланская Н.Н. // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 343–345
3. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – М.: Аграф, 2001. – 398 с.
4. Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. – М.: Наука, 1980. – 608 с.
5. Вяземский П.А. Письмо А.И. Тургеневу // Осташевский архив. – СПб., 1899. – Т.3. – С.223.
6. Вяземский П.А. Старая записная книжка. – Захаров. – М., 2000. – 364 с.
7. Кавелин К.Д. Сочинения: В 4-х т. – СПб: Тип М.М. Стасюлевича, 1899. – Т. 3. – 1256 с.
8. Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – 439 с.
9. Лебедев Е.Н. Познания роковая чаща (лирика Каролины Павловой) // Павлова К.К. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1985. – С. 5–38.
10. Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / под ред. Н.Л. Бродского. – М.: Аграф, 2001. – 496 с.
11. Московский телеграф. – 1826. – Ч. VII. – С. 3–4.
12. Муравьева И.А. Салоны пушкинской поры: Очерки литературной и светской жизни Санкт-Петербурга. – СПб.: Крига, 2008. – 544 с.
13. Павлова К.К. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1985. – 239 с.
14. Семёнова Е.В. Литературные салоны в России XIX века: начало кристаллизации русской философской культуры // Научные ведомости. – 2008. – № 8. – С. 209 – 215.
15. Словарь русского языка (СРЯ): В 4-х т. – М.: Русский язык, 1988. – Т. IV. – 797 с.
16. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. – М.: Мысль, 1990. – 192 с.
17. Чижова И.Б. Чистейшей прелести чистейший образец. – М.: Эксмо; СПб: TerraFantastica, 2004. – 688 с.
18. Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век. – СПб.: Издательство «Лань», 2002. – 576 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ» В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЛАСТНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

22-23 октября 2013 года на факультете русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета состоялась Всероссийская конференция «Рациональное и эмоциональное в русском языке», организованная членами кафедры современного русского языка. Для участия в работе научного форума собрались единомышленники из Москвы, Архангельска, Брянска, Владимира, Ельца, Кирова, Мурманска, Пензы, Петропавловска-Камчатского, Рязани, Улан-Уде, Ульяновска, Ярославля и других городов России – представители грамматической школы Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора, академика Международной академии наук педагогического образования Павла Александровича Леканта.

С приветственным словом к научному собранию обратилась О.В. Шаталова, д. филол. н., профессор, декан факультета русской филологии Историко-филологического института МГОУ, зав. кафедрой славянской филологии, член-корреспондент МАНПО.

Пленарное заседание открыл д. филол. н., проф., зав. кафедрой современного русского языка МГОУ П.А. Лекант докладом «Аналитизм в системе русских местоимений», в котором отметил исключительное положение класса местоимений – «универсального инструмента говорящего» – в системе русского языка. Докладчик подчеркнул, что «аналитизм пронизывает весь основной класс местоименных слов», поскольку происходят «добавления смыслов средствами формального типа: частицами, повторами, «синтаксическими фразеологизмами» (В.В. Виноградов), риторическими моделями и пр.».

Д. филол. н. проф., зав. кафедрой русского языка Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых М.В. Пименова в докладе «Прагматическое значение и лексико-семантический синкретизм» предложила для слов, выражающих синкретичные значения и образующих особую лексико-семантическую категорию, использовать термин синкретсемия. Были выделены «сигнификативная синкретсемия, при которой синкретичное значение связано одновременно с двумя / несколькими сигнификатами, но одним денотатом», и «денотативно-сигнификативная синкретсемия, при которой синкретичное значение связано одновременно с двумя денотатами и двумя сигнификатами».

О.В. Шаталова в докладе «Лексема *нет* как составляющая гнезда с доминантой *быть*», рассматривая с точки зрения диахронии словообразовательное гнездо с доминантой *быть*, показала, что «изучение лексемы *нет*, её истории, семантики, функций в предложении, подтверждает уникальность характера глагола *быть*».

Д. филол. н. доцент кафедры современного русского языка МГОУ Е.Н. Орехова в докладе «О модальности эмоциональной оценки» представила свои наблюдения над функциониро-

ванием эмоционально-оценочных модальных операторов и доказала их способность участвовать в реализации различных эмотивных и субъективно-модальных смыслов.

Д. филол. н. проф. кафедры современного русского языка МГОУ Н.В. Халикова в докладе «Образная константа *дом / комната* в прозе А.С. Пушкина» рассмотрела универсальную образную константу «дом есть какой» и пришла к выводу, что «текстовый фрагмент с референтом *дом / комната* в прозе А.С. Пушкина, подчиняясь категории авторского и персонажного модуса, перцептивности, бытийности, индивидуален и обладает устойчивыми признаками в структуре высказывания».

К. филол. н. доцент кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в докладе «Рациональное и модальное в связках инфинитивного предложения» мотивировала ограниченность использования связок в инфинитивных предложениях особенностями временного плана и выражаемыми конструктивно при участии различных модальных частиц или местоимений модальными значениями.

К. филол. н. проф. кафедры истории русского языка и общего языкознания МГОУ Л.П. Рупосова в докладе «К проблеме языковой игры: золото в «Золотом телёнке» И. Ильфа и Е. Петрова» показала, как прецедентный феномен *золото* получает оригинальную интерпретацию в сатирическом произведении за счёт трансформаций и переосмысления семантики многозначной лексики в рамках языковой игры.

Обмен научной информацией был продолжен во время работы секционных заседаний:

- «Грамматические категории слова и предложения» (руководители: д. филол. н. проф. Н.А. Герасименко, д. филол. н. проф. Т.Е. Шаповалова);

- «Слово – концепт – образ» (руководители: д. филол. н. проф. В.В. Леденёва, д. филол. н. проф. М.В. Пименова);

- «Структура и семантика текста: авторская позиция, оценка, образные средства» ((руководители: д. филол. н. доц. Е.Н. Орехова, д. филол. н. доц. А.В. Канафьева).

Подводя итоги конференции, руководители секций отметили, что представленные для обсуждения доклады отличаются актуальностью, разнообразным содержанием, соответствуют современным достижениям научно-теоретической мысли, опираются на новейшие парадигмы лингвистического знания.

Т.Е. Шаповалова

РЕЦЕНЗИИ

«КАНОН» ЛИТЕРАТУРОВЕДА-РУСИСТА ИРИНЫ ЗАХАРИЕВОЙ

Болгарский русист Ирина Захариева – автор свыше двухсот работ, связанных со спецификой развития русской литературы XX века. Человек многосторонний, влюблённый в своё дело, она обладает широкими познаниями по теории и методологии литературоведения. Свидетельством тому является монография-компендиум «**Русский формализм и структурализм** (Идеи и концепции двух методологических направлений в литературоведении XX века)» (2004), в которой рассматривается возникновение формализма на русской почве и его дальнейшее транспонирование в западные литературоведческие концепции.

С большой любовью Ирина Захариева относится к русской культуре, литературу знает и чувствует глубже многих отечественных учёных. О писателях, которые не были жалованы советским режимом, Захариева отзывалась первая.

Книга «Художественный синтез в русской прозе XX века (20-е – первая половина 50-х гг.)» – 1994, оказалась первой монографией, освещающей синтез как проблему в литературе XX века, до Ирины Захариевой об этом говорилось только в статьях Н. Лейдермана, В. Синенко. Синтез анализировался автором как специфическая система, складывающаяся, по наблюдениям учёного, из разновидностей романтизированного творчества, сатирических жанров, лирического начала, в результате утверждалось, что художественный синтез – доминантный признак прозы XX века. Проблема рассматривалась на широком материале творчества В. Набокова, А. Белого, А. Ремизова, Ю. Тынянова, Д. Андреева, Е. Замятина, Д. Хармса, М. Зощенко, А. Грина, И. Бабеля, М. Булгакова, А. Платонова, М. Пришвина и др.

Известны и другие работы Ирины Захариевой: «Проблемы советской литературы» (София, 1990), «Русские поэты XX века: феноменальные эстетические структуры» (София, 2007). Она член Общества русистов Болгарии, в 2006 году награждена почётным дипломом «Золотая Муза».

Как учёного Захариеву хорошо знают и в других странах. Она активно печаталась в США, Словакии, Венгрии, Германии, Польше, не говоря о «Болгарской русистике». Много статей подготовила для чешского журнала «**Opera Slavica**» в городе Брно. В России её научная деятельность известна в Москве, Петербурге, Екатеринбурге и других центрах (см., например, такие издания, как «Русское зарубежье – духовный и культурный феномен». М., вып. 1, 2, 2003, 2008 гг.). Печатается Ирина Захариева и в сборниках МГОУ: «Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века» (М., вып. 4, 5), «Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи» (М., вып. 2010, вып. 2012 гг.). Проблематика, которую исследуют члены кафедры русской литературы XX века МГОУ, близка и ей. Захариева не только один из авторов и участников конференций и сборников, но и автор рецензий: с удовольствием откликается на издания русских учёных (см. рецензию «Двухтомное собрание микроисследований о русской литературе XX века». М., 2008).

Всматриваясь в черты классической русской литературы на фоне славянской и мировой литературы, в последние годы она сформулировала проблему канонического облика рус-

ской литературы XX века. Начало было положено в монографии, вышедшей в 2008 году в Софии, – «Аспекты формирования канона в русской литературе XX века». Достоинством книги является новизна подхода, выразившаяся в сопряжении «макро- и микромиров великих авторов», обозначенных ею как индивидуальные «творческие коды» в осмыслении традиций: «совокупность семантических и формальных признаков авторской системы». Для доказательства бытования русского литературного канона рассматриваются креативные модели образного мышления – от В. Брюсова, О. Мандельштама, М. Зенкевича и др. – до С. Довлатова, В. Шукшина, В. Распутина и др. Проанализирован материал творчества около 30 писателей, что позволило автору при помощи выработанной концепции связать воедино три потока русской литературы: официальную, потаённую и эмигрантскую.

Продолжением разговора, начатого автором в монографии «Аспекты формирования канона в русской литературе XX века», стала книга «Становление русской литературной классики III. Творческие новации писателей XX века»¹ (2012). Уже в предисловии Ирина Захариева чётко заявляет о своей позиции, отталкиваясь от понятия «канон», который «может быть, по её словам, уподоблен мощному магниту, притягивающему феномены художественности и формирующему из разнообразного массива образ литературы» (с. 7). О каноне говорится не только в метафорическом смысле, но и в буквальном, как о самой механике, как «*неписаной* закономерности культурных сцеплений» (с. 7). Автор считает, что устремленность к достижению канона «динамична», при этом «классика» воспринимается как «достигнутая статика», т. е. результативная оценка корпуса произведений, признаваемых каноническими» (выделение авторское, с. 7).

Работа строится на выдвинутом принципе канона, воздействующем, как утверждает Захариева, своей оригинальной образностью на глубинные смыслы, стиль, язык, но окончательному истолкованию не поддаётся. Извлекая доминанты канона из произведений разных писателей, автор создаёт своё пространство как основу для будущей признанной классики литературы XX века.

Не случайно книга открывается главой «Поэма Владимира Соловьёва “Три свидания” (с акцентами Даниила Андреева)». В ней труд Даниила Андреева «Роза Мира» рассматривается как метаисторический. И через призму его взглядов ведётся разговор о поэме В. Соловьёва и не только о ней, а в целом о духовном феномене Соловьёва-вестника и пророка, величайшего философа. Такой своеобразный зачин необходим автору для того, чтобы донести до читателя мысль, «как объект веры превратился для него в реальное воплощение идеала. Соловьёв хотел сделать религию жизнотворчеством» (с. 30).

Затем в поле зрения исследователя попадают как произведения признанных классиков – А. Блока, В. Маяковского, Н. Заболоцкого, так и писателей, чьё творчество, завоевав признание современников, в полной мере стало достоянием российского читателя лишь в конце XX столетия – В. Хлебникова, Н. Гумилева, Б. Пастернака, М. Булгакова, О. Мандельштама, Д. Андреева и др. Автор обращается также к произведениям Н. Рубцова, Б. Ахмадулиной, Вен. Ерофеева, А. Синявского-Терца, И. Ефремова. Внимание Ирины Захариевой направлено на романы Ю. Нагибина – «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя. История одной любви», В. Аксёнова – «Новый сладостный стиль», Л. Улицкой – «Зелёный шатёр», на «альтернативную культуру метрополии» – произведения Е. Харитоновой, Ю. Дружникова, Н. Глазкова, А. Галича, А. Тарковского, Ф. Искандера, Б. Окуджавы, а также на постмодернистскую литературу: поэзию Д. Пригова, прозу Саши Соколова. Таким образом, в круг заинтересованности автора входят произведения XX века, заслуживающие не только читательского отзвука, но и серьёзного исследовательского подхода.

Достоинство работы состоит также в сравнительном и сопоставительном подходах к произведениям. По такому принципу построена глава «Мифологический сюжет “Орфей и Эвридика” в русской поэзии (М. Волошин, О. Мандельштам, М. Цветаева, В. Брюсов)». В ней Ирина Захариева вначале даёт понятие «орфизма» как религиозно-философской системы, утверждавшейся на основе аполлоно-дионисовского комплекса мотивов; обращается к легендарному певцу и музыканту Орфею, а затем анализирует сюжет о нём в стихотворениях М. Волошина 1901-1910гг., О. Мандельштама в книге стихов «Камень», «Tristia», М. Цветаевой – в цикле «Стихи к Блоку» («Как сонный и пьяный...» – 1922), «Орфей»–1921, «Эвридика – Орфею»(1923), В. Брюсова – раздел сборника «Венок» (стихотворения «Орфей и аргонавты», «Орфей и Эвридика»). У каждого из поэтов подчёркивается самобытность. В этом случае мифологический сюжет рассматривается как канон, который органично вписывался в поэзию Серебряного века и служил своеобразным кодом индивидуальной интерпретации, становясь выражением поэтического мира художника.

Интересно построена также глава «Два мифа о Сталине в творчестве писателей – его современников (Вл. Войнович, Д. Андреев)», в которой миф о Сталине Захариева относит к «тотемическим», строящимся «на древнейших представлениях о “фантастическом, сверхъестественном родстве” представителей человеческого рода с различными «тотемами» (с. 173). Затем анализирует его на примерах третьей книги о Чонкине, романе «Перемещённое лицо» (часть вторая «Превращения») и одиннадцатой книги из «Розы мира» («К метаистории наших дней»), делая вывод о том, что «прозаики советской эпохи Даниил Андреев и Владимир Войнович наполняли мифологические структуры социальной конкретикой» (с. 178).

Оригинальна по композиции глава о «синкретическом искусстве А. Вертинского», в которой идёт разговор и об эстрадном таланте поэта и композитора, и об его мемуаристике. Изложение материала ведётся на большом биографическом, искусствоведческом материале, подчёркивается карнавальность, комизм, драматичность как каноничные признаки его поэзии. «Песни Вертинского воспринимаются как исток российской бардовской поэзии» (с. 190), – заключает исследователь.

Ирина Захариева, страстный полемист, отстаивает с любовью и принципиальностью позитивный взгляд на наш общий предмет – русскую словесность. По её мнению, русская литература «развивается мощно и непредсказуемо», даёт необходимый материал для развития объективного и проникательного литературоведения, объединяющего усилия многих учёных.

Н.М. Щедрина

¹ Захариева Ирина. Становление русской литературной классики III. Творческие новации писателей XX века. – София, 2012. В дальнейшем в рецензии страницы указаны в скобках.

НАШИ АВТОРЫ

Бугаенко Мария Алексеевна – аспирант кафедры стилистики русского языка, культуры речи и риторики Московского государственного областного университета; e-mail: alira_de_lionkur@mail.ru.

Воробьёва Наталья Юрьевна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: natalya.vorobyova.2012@mail.ru.

Воропаева Ольга Владимировна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета, эксперт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков; e-mail: olga-voropaeva@mail.ru.

Горемыкина Мария Викторовна – аспирант кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; e-mail: mbpw@rambler.ru.

Гушкова Людмила Вадимовна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: algoritm_007@bk.ru.

Кирпичникова Анна Андреевна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета; e-mail: kirpanna@yandex.ru.

Матвеев Вячеслав Михайлович – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: slavonmeister@gmail.com.

Муратова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; e-mail: mouratova@tut.by.

Новикова Анна Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: novikans@gmail.com.

Осипова Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: eposipova60@mail.ru.

Панова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: olgapanova65@mail.ru.

Петрова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: Penat-s@mail.ru.

Родина Надежда Андреевна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русского языка и методики преподавания Смоленского государственного университета; e-mail: esperance84@mail.ru.

Салтыкова Анастасия Александровна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русского языка Российского государственного гуманитарного университета, преподаватель кафедры русского языка Московского государственного горного университета; e-mail: aasaltykova@mail.ru.

Садовская Ольга Михайловна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры английской филологии Московского государственного областного университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков Одинцовского гуманитарного университета; e-mail: sadovskaya-olga@yandex.ru.

Степаненкова Татьяна Владимировна – аспирант кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета, ассистент кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: tstepanenkova@yandex.ru.

Ступникова Лариса Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Московского финансово-юридического университета; e-mail: my-08@yandex.ru.

Тимошенко Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: tav-ira@yandex.ru.

У Бо – аспирант кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: u.bo2009@yandex.ru.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: tatjanaf@yandex.ru.

Фельдман Елена Александровна – аспирант кафедры зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького; e-mail: nicnort@gmail.com.

Цынк Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Димитровградского инженерно-технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; e-mail: stsynk@mail.ru.

Черная Татьяна Карповна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: tatyana_chernaya@mail.ru.

Чупринова Наталья Викторовна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, учитель русского языка и литературы Онуфриевской средней общеобразовательной школы; e-mail: chuprinova@mail.ru.

Шапвалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: tshapovalova@gmail.com.

Щедрина Нэлли Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: schedrina@gmail.com.

Щемелинина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка Академии Федеральной службы безопасности России; e-mail: baggi-8@yandex.ru.

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по специальностям, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Русская филология» 2014. №1

Над номером работали:

менеджер отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *Н.М. Якушкина*
литературный редактор *Т.Е. Шаповалова*
переводчик *И.С. Шаповалов*
компьютерная вёрстка *Д.А. Зверева*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 290 экз. Уч.-изд. л. 11,5, усл. п.л. 18,75.
Подписано в печать 17.02.2014. Заказ № 13.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Для публикации научной статьи в определенной серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов – по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии.

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации автор, предоставивший свою статью в определенную серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik-mgou.ru>), пункт «Авторам».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Якушкиной Наталии Михайловне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru